

ISSN 0494-7304 0207-4389

TARTU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

896

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской
филологии

TARTU 1990

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHK 896 ВЫПУСК Основаны в 1893.г.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Труды по русской и славянской
филологии

ТАРТУ 1990

Редакционная коллегия: Э.А. Вайгла, А.Д. Дуличенко,
Ю.С. Кудряцев, И.П. Кюльмоя,
М.А. Шелякин (ответственный редактор)

О г л а в л е н и е

С.Н. Туровская. О семантической зоне модальности необходимости в русском языке	4
Е.Н. Ремчукова. Вид и отглагольное словообразование.	21
М.А. Шелякин. Опыт семантического описания родитель- ного падежа русского языка	31
М.А. Шелякин. Опыт семантического описания винитель- ного падежа русского языка	47
А.С. Петухов. Синтаксис глаголов на -ся с творитель- ным беспредложным	58
В.П. Щаднева. Самостоятельны ли безглагольные пред- ложения?	70
Е.А. Красина. Синтагматически зависимые и независи- мые высказывания, вводимые частицей "ВОТ"	83
Н.А. Казавчинская. Оценочные функции качественных прилагательных в краткой форме	90
Е.А. Нелисов. Функционирование синтетических, агглю- тинативных, аналитических форм в русском языке.	98
С.Б. Мельцер. Предложения с конструкцией <u>У+РОД.</u> <u>Падеж</u> и их соответствия в эстонском языке	108
И.П. Кольмоя. О причинах нарушения взаимодействия грамматических категорий (в устной речи эстон- цев на русском языке)	116
С.И. Баженова-Рагрина. Проблема описания структуры текстов Древней Руси	120
Н.А. Нечунаева. Некоторые особенности русских списков Минем	131

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ МОДАЛЬНОСТИ НЕОБХОДИМОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С.Н. Туровская

Едва ли возможен хотя бы беглый перечень всего многообразия феноменов, объединяемых понятием "модальность необходимости". Примечателен тот факт, что, если возникновение интереса к другим модальностям еще как-то можно связать с хронологией или научным контекстом той или иной дисциплины, то существование модальности необходимости всегда принималось за аксиому и в формальной логике от самого момента ее возникновения (т.е. со времен Аристотеля), и во многих неклассических направлениях логики, и в лингвистике. По крайней мере соблюдается внешнее единообразие термина, не говоря уже о созвучии философского термина "категория необходимости".

В данной статье речь пойдет именно о лингвистическом статусе модальности необходимости, поэтому далее рассматриваются исследования или непосредственно посвященные лингвистическому аспекту модальности необходимости, или, по меткому замечанию Н.Д. Арутюновой, "концепции, в которых содержится зерно, способное дать лингвистические побеги" /1, с.57/.

Ход развития представлений о лингвистической сущности модальности необходимости, пожалуй, является своеобразной моделью, срезом лингвистических представлений о модальности вообще. Можно проследить несколько тенденций. Одна из них связана с фактическим приравниванием языковой модальности необходимости к логическому суждению необходимости: "По своей природе модальное содержание предложения есть мысль как отражение действительности, взятая со стороны "модуса" существования действительного явления (возможность, действительность, необходимость). Это содержание реализуется во всем составе предложения и не накладывает каких-либо особых признаков на структуру предложения" /2, с. 97/. Среди работ, в которых модальность трактуется подобным образом, следует выделить исследование Н.Л. Мышкиной, посвященное семантической характеристике высказываний необходимости /3/. В основу разграничения высказываний действительности, возможности, необходимости кладутся семантические дифференциальные признаки

"отсутствие - наличие выбора в широком смысле" /3, с. 4/. Таким образом, в высказываниях необходимости реализован признак "отсутствие выбора". Поэтому высказывания Человек смертен, Металл пластичен и т.п. квалифицируются как высказывания с имплицитным модальным компонентом необходимости (отсутствие выбора, как отмечено выше, понимается широко: "отсутствие свободы в исходе события, отсутствие альтернативы" /3, с. 4/. В результате семантика необходимости оказывается прямой аналогией онтологического плана категории необходимости: постоянность, всеобщность и, следовательно, необходимость. Типология значений высказываний необходимости создается на основе смысловых связей "категории необходимости с категориями детерминантности, обусловленности, абстрактности - конкретности, оценки ситуации, оценки высказывания, целеустановки, а также с прагматическими категориями" /3, с. 3/. Общие значения необходимости, например, значение "относительной необходимости" - результат влияния категории обусловленности, "внеситуативная - внутриситуативная необходимость" - следствие влияния категории абстрактности - конкретности и т.д. "Частные значения необходимости возникают на основе общих значений... Реализация частных значений неизбежности, вынужденности, потребности, долженствования и принудительности является следствием взаимодействия категории необходимости со значениями ситуативно-оценочной категории. Другие частные значения - абсолютная необходимость, побудительность, инклюзивная побудительность, предназначенность - реализуются вследствие взаимодействия категории необходимости с категориями целеустановки" /3, с. 12-13/. Что же касается языковых средств, обслуживающих высказывания необходимости, то, по мнению Н.Л. Мышкиной, их набор достаточно разнообразен - от модальных предикатов (должен, требуется, надо и т.п.) и глаголов, названных в исследовании процессуальными (оказываться, попадать, возникать, происходить и т.п.), до союзных и предложных средств (так как, потому что, если, при и т.д.).

Очевидно, для полноты картины следовало бы рассмотреть семантику необходимости и в противоположном направлении: "от формы к смыслу", только в таком случае объект исследования останется лингвистически релевантным. Также вызывает сомнение количество дифференциальных признаков и их содержание. Вероятно, их недостаточное количество и неточное содержание ("отсутствие выбора") способствует смешению таких ка-

тегорий, как обусловленность, причинность и др. Кроме того, нельзя игнорировать и еще один фактор: исследование проводилось на материале научных текстов, т.е. текстов, в значительной степени ориентированных на фоновые знания реципиента, заведомо "истинных" с точки зрения обиденного сознания, максимально "логичных" и максимально исключающих повседневный мир человека. Научный текст, как известно, вовсе не та сфера, где специфика национальной языковой системы проявляется в явном виде, в некотором смысле научный текст "космополитичен".

Другую интерпретацию модальности необходимости как "свойство отношений между предикатными предметами по способу существования" предлагает С.И. Небыкова /4, с. 5/. "Способ существования" ограничивается значениями возможности, действительности и необходимости. Такой подход, по мнению исследователя, во-первых, позволяет распределить любое предложение современного русского языка с точки зрения модальности возможности, действительности или необходимости, во-вторых, рассматривать любой другой вид модальности (например, реальность-ирреальность, виды субъективной модальности) как вторичное явление, которое "будет накладываться на предложения, уже имеющие модальное значение возможности или необходимости" /4, с. 4-5/, в-третьих, "отграничить модальность предложения от сходных явлений на лексическом уровне, а также выделить особые модели, служащие для выражения данной категории" /4, с. 6/. Настаивая на общем семантическом свойстве модальности возможности и необходимости - свойстве отношений между предикатными предметами по способу существования, С.И. Небыкова выделяет две группы моделей: многозначные, где "отношения между предикатными предметами выражаются зависимым инфинитивом, свойства этих отношений по способу существования - словами с модальными значениями возможности и необходимости" /4, с. 7/, каждая из многозначных моделей содержит не менее двух оттенков возможности или необходимости (сочетание слов должен, надо/нужно, мочь, можно, нельзя с инфинитивом), и однозначные, содержащие "только один оттенок возможности или необходимости" /4, с. 12/, представленные, кроме сочетания модальных слов с зависимым инфинитивом и "независимым инфинитивом, и обобщенным глаголом совершенного вида в форме 2-го л. ед. ч., и ... формой краткого страдательного причастия настоящего совершенного на -м-" /5, с. 88/. Предложения с предикатами возможен, необходим, нужен и др.,

по мнению исследователя, нельзя отнести к рассматриваемому классу, так как в них реализуются "отношения между предикатными предметами по содержанию..., но не свойство отношений по способу существования" /4, с. 6/. Типология модальностей возможности и необходимости также создается на основе общих критериев. Так, многозначным моделям "свойственны следующие оттенки возможности и необходимости: субъективный, деонтический и алетический" /4, с. 17/. Например, критерий выявления субъективной необходимости - "преобразуемость в предложения с вводными модальными словами": Ведь совершенно такой ужас должен испытывать мышонок, когда...; ср.: Ведь совершенно такой ужас, должно быть, испытывает мышонок, когда ... /5, с. 86/, критерий выявления деонтической необходимости - допустимость замены общего отрицания частным - ср.: Вы не должны опаздывать на работу - Вы должны не опаздывать на работу /5, с. 87/. Однозначные модели выражают алетическую необходимость и возможность, деонтическую необходимость и возможность и неизбежность. Предложения со значением неизбежности не допускают замену "общего отрицания на частное, что отличает их от предложений с деонтической необходимостью" /5, с. 91/.

Возникает целый ряд вопросов. Правомерно ли ограничивать "способ существования предикатных предметов" действительностью, возможностью и необходимостью? В этой системе не находится места для модальности волеизъявления, например (даже если включить термины реальность, ирреальность). Далеко не бесспорно и оправданно смешение отрицательного и утвердительного плана модальностей, а в связи с этим перенесение свойств ограниченного круга предложений с отрицанием на очень широкий круг предложений утвердительных. Думается, что односторонний подход "от формы к смыслу" предопределяет широкую возможность синонимии только в рамках предложения, но не контекста в целом. Проблема возникает с многозначными предикатами: Он должен быть на стадионе - вероятность, вынужденность или долженствование? Или, например, предложение, отнесенное к модальности неизбежности только на основании соответствия структурных признаков: Да еще неизвестно, доведется ли завтракать и обедать... /5, с. 91/. Также представляется, что выделение частных модальных значений на основе объемных таксономических классов (субъективная необходимость, деонтическая необходимость и т.д.) релевантно с точки зрения логики, но не лингвистики, потому что в одной рубрике зачас-

тую оказываются предложения, различные по модальности, ср.: Я не обязан вам давать отчет и Вам просто необходимо жениться, оба квалифицируются как предложения с алетической необходимостью /5, с. 89/.

Интересна интерпретация модальности необходимости как функционально-семантической категории в монографии Е.И. Беляевой /6/. Модальность понимается как многоплановое объединение более частных функционально-семантических единств (полей). Сегментация полей проводится на основе определения модальности как языковой категории, выражающей "оценку говорящим способа существования связи между объектом действительности и его признаком, а также степень познанности или желательности этой связи говорящим" /6, с. 19/. Так, категория модальности представлена двумя макрополями: действительности и недействительности. Поле недействительности объединяет ряд микрополей: ирреальности, предметной модальности (или потенциальности), волеизъявления и эпистемической модальности. Интересующая нас модальность необходимости объединяется с модальностью долженствования и включается в микрополе вынужденности. Вынужденность является разновидностью предметной модальности. Семантическая ситуация, предопределяющая структуру плана содержания микрополя вынужденности, следующая: "детерминирующий фактор, то, что обуславливает необходимость или долженствование; объект, тот, кого вынуждают, на кого направлено воздействие детерминирующего фактора; признак, т.е. действие или состояние, которое еще не стало фактом действительности, а только ожидается от агента в результате воздействия детерминирующего фактора" /6, с. 53/. Дальнейшее описание семантической зоны вынужденности идет по пути выделения семантических признаков, при этом за точку отсчета берется детерминирующий фактор. Например, выделяются признаки: функциональный - нефункциональный (в первом случае необходимость обуславливается принадлежностью к социальному множеству, во втором - необходимость вынуждается обстоятельствами); контролируемый (решение о необходимости связи объекта и признака принимает сам объект, хотя и под давлением внешних обстоятельств) - неконтролируемый (не предполагается какого бы то ни было активного участия объекта) и т.д. План выражения микрополя вынужденности представлен предикатами надо (нужно), необходимо, вынужден, приходится, должен, обязан, полагается, надлежит, следует. Центральными единицами плана выражения являются предикаты надо и должен. Общим

значением всех выделенных предикатов "является значение вынужденности", связь объекта и признака они представляют "как нечно предписываемое, необходимое, обусловленное целым рядом факторов объективной реальности" /6, с. 54/.

Комментируя вышеизложенное, приходится констатировать наличие некоторых дискуссионных моментов, имеющих, на наш взгляд, принципиальное значение. Главный из них касается целесообразности (вернее, нецелесообразности) сведения концептов необходимости и долженствования к концепту вынужденности. Думается, что речь должна идти о четырех различных, или, точнее, по крайней мере о четырех различных концептах, относящихся к человеческим действиям и поступкам: необходимости как вынужденности, долженствовании как норме (обязанности), долженствовании как идеале и необходимости как нужде, надобности. Эти концепты обладают не только различными онтологическими свойствами, зачастую находящимися в контрарных отношениях, но и не могут быть описаны в единых категориальных терминах. Разумеется, говоря о категориальном единстве терминов, мы прежде всего имеем в виду конечную цель — лингвистическую целесообразность выделения тех или иных модальностей, а также адекватный способ их описания. На этом основании концепт вынужденности следует противопоставить остальным названным концептам. Если семантическая зона модальности необходимости (вынужденности) вполне адекватно может быть описана в каузальных терминах (что, в сущности, и имеет место в исследованиях /3, 4, 6/), то для модальности долженствования и необходимости (надобности) такой способ оказывается бесперспективным. Необходим принципиально иной подход — телеологический. При каузальном подходе мы объясняем, почему мир "меняет" человека, при телеологическом мы понимаем, для чего человеку необходимо "изменить" мир.

По мнению Г.фон. Вригта, специально занимавшего вопросом применения "каузального и телеологического способов описания, каузальное объяснение обычно указывает на прошлое, телеологическое — на будущее. И каузальные отношения, и телеологические предполагают наличие номических связей, поэтому их можно репрезентировать в терминах обусловленности. В первом случае — это отношение достаточной обусловленности (предполагается непосредственная номическая связь между фактором-причиной и фактором-следствием), во втором — отношение необходимой обусловленности, где "в отличие от каузального объяснения допущение номической связи включено в телеологи-

ческое объяснение более сложным образом, так сказать, косвенно" /7, с. II6/.

Какие человеческие действия можно интерпретировать в каузальных терминах, а какие в телеологических? Необходимо подчеркнуть, что, совершенно очевидно, лингвистику не интересует "истинная", т.е. психологическая, природа человеческих поступков. С точки зрения психологии поведение, если оно осмысленное, практически всегда будет телеологичным (в том числе и поведение "вызванное", вынужденное), так как в основе такого поведения находится мотивационный механизм, имеющий, как известно, телеологический характер. Но лингвистику не может не интересовать в каком плане, каузальном или телеологическом находится вербальное представление действия или поступка, ибо установка говорящего на использование модальностей "каузального" или "телеологического" характера предопределяет, на наш взгляд, и иллокутивную силу высказывания. Итак, в действии обычно можно выделить два аспекта - "внутренний" и "внешний" /7, с. II9/. Внутренний аспект - это интенциональность действия, внешний - внешнее проявление действия. Внешнее проявление действия делится на фазы, при этом разные фазы являются осуществлением одной и той же интенции. Выстая фаза проявления внешнего аспекта называется результатом действия, если она не реализуется, то действие не было совершено (закончено). Между тем, есть действия, лишённые внутреннего аспекта, т.е. лишённые интенциональности. Это так называемые рефлекторные действия которые являются "реакцией, или ответом (живого) организма на раздражение (стимул)" /7, с. I20/. Определение интенциональности в концепции Г.фон. Вригта весьма отличается от распространённого определения интенциональности как намеренности: "Все, что мы намереваемся сделать и действительно делаем, мы делаем интенционально. Но нельзя сказать, что все действия, имеющие интенциональный характер, мы намеревались совершить" /7, с. I22/. Интенциональность, по фон Вригту, - это устремленность поведения на некоторый объект (ср. определение интенциональности как направленности у Дж. Серля /8, с. 98/). Если действия интенциональны, но не связаны с объектом интенции, то объяснить их телеологически нельзя. Объект интенции - это то, что агент намеревается совершить, это результат его действия. Следовательно, "объяснить поведение телеологически - значит точно указать в нем объект интенции" /7, с. I22/. В целом поведение тогда "приобретает интенциональный

характер, когда оно понято самим агентом или внешним наблюдателем в более широкой перспективе, когда оно помещено в контекст целей и когнитивных установок" /7, с. 145/.

Таким образом, модальность вынужденности оказывается "квазителеологический": хотя модальные предикаты и направлены на некоторый объект (в этом отношении, т.е. в отношении внешней связи, их, возможно, следует признать интенциональными), сам объект не может считаться полноправным объектом интенции, поскольку между ним и интенциональным действием отсутствует "внутренняя" (логическая) связь. Другими словами, вынужденность не может быть охарактеризована признаками "намеренность", "устремленность на результат действия как внутренний, отвечающий стремлениям субъекта". Поэтому высказывания с модальностью вынужденности характеризуются "ненамеренностью", "отсутствием устремленности на результат действия со стороны субъекта", сопровождаются семантикой нежелательности, сожаления: Черт возьми, какой неудачный день! Опять сызнова всех больных пороть придется (А.Аверченко); Им бал - а батюшка таскайся на поклон (А.Грибоедов); Надо было расставаться. Это было тягостно (М.Булгаков); отсутствие намерения, устремленности, целенаправленности часто передается сочетанием модальных предикатов с глаголами "рефлекторного" действия: То и дело приходится вздрагивать, чего-нибудь опасаться, сердиться или чувствовать себя виноватой, и нервы в конце концов портятся до такой степени, что страшно бывает выглянуть из-под одеяла (А.Чехов); Просто стыд, как мне приходится краснеть за тебя на собраниях (А.Битов).

Модальности долженствования и надобности, наоборот, телеологичны. Им присущи признаки "намеренность", "устремленность на результат действия", т.е. семантические признаки формулируются в телеологических терминах: В Евангелии сказано: дети должны уважать и бояться своих родителей (А.Чехов); Вы должны помочь нам... (А.Чехов); модальность надобности, в отличие от долженствования, представляет и необходимые средства для достижения сформулированной цели: Надо было торопиться, чтобы не опоздать с бычками на привоз (З.Катаев); "Вы должны читать Вашу пьесу Ивану Васильевичу. Для этого Вам надлежит прибыть в Сивцев Вражек 13-го в понедельник в 12 часов дня. Глубоко преданный Фома Стриж" (М.Булгаков).

Модальности долженствования обычно иррелевантны к общей оценке (хорошо/плохо), но модальность надобности часто сопровождается семантикой пользы, выгоды: Мы должны как можно

скорее перебраться на Пятницкую и жить там. И ты каждый день будешь ездить в амбар (А.Чехов); Вам бы нужно жениться, Сергеем Леонтьевичем. Жениться на какой-нибудь симпатичной, нежной женщине или девице (М.Булгаков); Он хорошо знал, как надо обращаться с крабами. Их надо смело хватать двумя пальцами сверху за спину. Тогда краб никак не сможет уцпнуть (В.Катаев).

Следующее существенное различие между каузальными и телеологическими отношениями заключается в характере связей. Дело в том, что "все каузальные связи являются фактуальными" /7, с. 71/. Следовательно, объект, имеющий каузальную природу, должен обладать и фактуальностью. В этом плане, очевидно, только модальные предикаты вынужденности способны представлять действия и поступки людей как уже имевшие место в действительности: Рыбаки... привезли слух о том, что "Потемкин" пришел в Констанцу, где ему пришлось сдать румынскому правительству. Команда высадилась на берег и разошлась — кто куда (В.Катаев); ...жизнь этих трех лиц стала нестерпимой, и Арманда вынуждена была почти бежать в дом своего будущего мужа (М.Булгаков); В другой раз он уже совсем уронил его, но будочник еще издали указал ему алебардой, примолвив: "Подыми! вон ты что-то уронил!" И Иван Яковлевич должен был поднять нос и спрятать его в карман; (Н.Гоголь).

Модальные предикаты долженствования и необходимости (надобности) фактуальностью не обладают, действия, поступки не стали фактом или событием действительности: Надо было идти домой сразу. А сейчас... Сейчас ночь, два часа, третий (А.Битов); Мне нужно было пойти прямо к доктору. Самое лучшее — это пойти к доктору, пусть он даст свидетельство о гнусном насилии (А.Аверченко); Вы обязаны были явиться вовремя.

Каузальные отношения обладают и временной спецификой. Имеется в виду так называемое психологическое время. Единицей психологического времени является не интервал физического времени, а связь между событиями типа "причина—следствие". Соответственно при телеологических отношениях это временная связь между целью и средством. Основное отличие телеологических отношений от каузальных в наличии "пробелов", интервалов, других промежуточных действий (тоже требующих временных затрат). При "каузальной" картине мира говорящий представляет высказывание в терминах причины и следствия: появление причинного фактора должно во времени предшествовать появлению соответствующего следствия, в силу дискретности времени

и асимметрии причины и следствия момент речи может или совпадать с началом возникновения следствия или быть после возникновения следствия, или быть до возникновения следствия при действовавшей или действующей причине. Хотя каузальное объяснение направлено на прошлое, каузальный анализ (который необходимо отличать как анализ системы) вполне можно проводить и по отношению к будущему состоянию системы. Так, например, Г. фон Вригт предлагает каузальный анализ типа "от нынешнего состояния системы к прошлому" называть ответом на вопрос "Как возможно?", а анализ типа "от нынешнего состояния системы к будущему" - ответом на вопрос "Почему необходимо?". В содержательном плане анализ первого типа "к прошлому" направлен на поиск причин данных следствий, анализ второго типа направлен на поиск следствий данных причин. Ответы на вопрос "Как возможно?" используются для ретросказаний (объяснений), ответы второго типа - для предсказаний.

Модальные предикаты вынужденности в высказываниях первого типа используются в форме настоящего или прошедшего времени; они представлены как следствия действовавших или действующих причин: Доктор явился в ту же минуту. Спросивши, как давно случилось несчастье, он поднял майора Ковалева за подбородок и дал ему большим пальцем щелчка в то самое место, где прежде был нос, так что майор должен был откинуть свою голову назад с такою силою, что ударился затылком с стену (Н. Гоголь); Но так как де Визе, повторяю, был неглуп, то вынужден был признать, что все-таки в пьесе есть кое-что удачное и, пожалуй, некоторые типы у Мольера так ярки, что как будто выхвачены из жизни (М. Булгаков); Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять (А. Чехов).

Употребление предикатов вынужденности в форме будущего времени представляет поступки и человеческие действия как неизбежные следствия имеющихся причин, это ответы на вопрос "Почему необходимо?", поэтому используются в более широкой прагматической ситуации предсказания: - Мне не нужно знать, - придуренным, злым голосом отозвался Пилат, - приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить (М. Булгаков); Если так далее пойдет - через месяц нам нужно будет отсюда уходить (Ю. Тынянов); если субъект действия употребляется в форме I-го лица в высказывании-реакции на "непозволяемые" действия со стороны адресата или третьего лица, то прагматическая ситуация в целом приобретает харак-

тер угрозы, предупреждения. При этом практически всегда будущие действия объясняются или оправдываются как вынужденные: - Я должен буду доложить господину директору содержание нашего разговора. Я обязан это сделать (А.Чехов); вынужденность, по мнению говорящего, обусловлена "дефектным" миром. Если "исправить" мир, отпадет необходимость в совершении декларируемых действий: Я вынужден буду..., так как...; Если вы не..., я вынужден буду... и т.д.

Мысль о связи вынужденности с объяснением, оправданием впервые была высказана еще Аристотелем. Поступки, совершаемые подневольно, источники которых находятся вовне, Аристотель называл непроизвольными в отличие от произвольных поступков, восходящих к преднамеренности. "Поскольку нравственная добродетель связана со страстями и поступками, причем за произвольные поступки и страсти хвалят или осуждают, а непроизвольным сочувствуют и иногда даже жалеют за них, то при внимательном исследовании добродетели необходимо, вероятно, разграничить произвольное и непроизвольное; это могут использовать и законодатели, назначая награды... и наказания" /9, с. 95/.

Итак, если "надежно" интерпретировать поступок как вынужденный, единственно возможный, можно оправдать его в глазах собеседника. Как уже было отмечено выше, косвенно это достигается эксплицированием "объективных" причин и семантики сожаления: К сожалению, я должен (вынужден; мне придется и т.п.) уйти, так как...; Ну, здесь мы должны проститься. Я сажусь на извозчика (А.Аверченко); ...нам с Люкой надо бежать, потому что сейчас вернется наш па-поч-ка... И она... хотела уже идти дальше. Но Тоня все стояла перед ней... (А.Битов); в основном те же факторы экстраполируют и ситуацию отказа от приглашения: - Пойдем в кино? - К сожалению, мне еще (уроки готовить, посуду мыть и т.д.).

При "телеологическом" представлении мира время распределяется в контексте целей (объектов интенций, намеренных результатов действия) и средств к их достижению (когнитивных установок). Цель (объект интенции) всегда относится к будущему времени. "Можно доказать, что это справедливо даже тогда, когда мы говорим, что сейчас намереваемся что-то сделать. В самом деле, "сейчас" в таком случае - это непосредственно следующий момент времени" /7, с. 135/. Следующий этап связан с когнитивными установками на достижение цели, субъект действия не всегда ими обладает, но, если и облада-

ет, то это не ведет к немедленному действию. Кроме того, средства к достижению целей могут меняться, подлежать выбору, оцениваться, предпочитаться, может меняться порядок их выполнения и т.д. Вот почему время в "телеологическом" мире не имеет линейного характера. Итак, отличительный признак телеологических объяснения – "обращенность в будущее": Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену... Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект (Н.Гоголь); Каждый человек должен помнить, что он есть, и чувствовать свое звание (А.Чехов); ...для того, чтобы управлять, нужно как-никак иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок (М.Булгаков); Показалось, что он хочет... учредить Восточное государство. Ждали, что он после декабря пойдет на Петербург. Его окружали подозрительные люди. Он вел свою линию на Востоке, следовало его убрать (Ю.Тынянов); ...чрезвычайно интересен загадочнейший старик, которого нужно уламывать и перепрямить для того чтобы пьеса пошла... (М.Булгаков); Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмел. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками (Н.Гоголь).

Таким образом, концепт вынужденности может быть охарактеризован следующими семантическими признаками: неинтенциональностью (отсутствием устремленности на результат действия), нежелательностью, фактуальностью, обращенностью в прошлое (наличием причинно-следственной связи); типичные прагматические ситуации употребления вынужденности: объяснение, оправдание, предсказание, отказ от приглашения.

В свою очередь концепты долженствования и необходимости (надобности) могут быть охарактеризованы семантическими признаками, имеющими телеологический характер: интенциональностью (устремленностью на результат действия), наличием пользы (удовлетворения), нефактуальностью, обращенностью в будущее (наличием телеологических связей). Внутри концепта долженствования также можно выделить достаточно автономные образования: долженствование как норма (обязанность) и долженствование как идеал (то, что обычно "выше" нормы). Эти концепты можно противопоставить концепту необходимости (надобности). Модальность долженствования восходит к категории

нормы (строгие правила и запреты для некоторой социальной совокупности), а модальность необходимости (надобности) восходит к категории цели. Подразумевается, что нормы императивны, безразличны к склонностям и желаниям индивида, их стремятся соблюдать (и большинство людей их соблюдает), нарушение нормы влечет за собой порицание. Цели вариативны, безразличны к склонностям и желаниям индивида, их стремятся достичь, поэтому важно знать о наилучшем способе достижения поставленной цели, о необходимых средствах к достижению цели, о порядке применения этих средств, о предпочтительном поведении и т. д.

Модальные предикаты долженствования обязанности в первую очередь связаны не с соблюдением нормы, а с нарушением нормы. "Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления... Было бы неэкономно доводить до сведения других обо всем том, что соответствует норме" /I, с. 300/. Так, предикат "обязан" часто сигнализирует о нарушении нормы, уже имевшем место, или нарушении весьма вероятном: Вы обязаны явиться вовремя! (вы опоздали); Я не обязана отвечать на подобные вопросы (задаются некорректные вопросы); Вы обязаны сказать правду! (сказанное вами не очень убедительно); - Требую возвращения моего нормального облика! - вдруг не то исступленно, не то моляще прохрипел и захрюкал боров, - я не намерен лететь на незаконное собрание! Маргарита Николаевна, вы обязаны унять вашу домработницу (М.Булгаков); - Эй, гражданин, помогите задержать преступника! Вы обязаны это сделать (в тексте романа Коровьев "мешал" задержать "преступника", М.Булгаков, Мастер и Маргарита); Федя держал меня за пуговицу и, подавая десятирублевку, убеждал: - Нет, вы обязаны взять! Я привык платить за всякий честный труд! (А.Чехов); характерно, что призыв к "обязанности" как бы замещает отрицательную оценку.

Долженствование как идеал можно сравнить с категорическим императивом у Канта: "Наконец, существует императив, который не полагая в основу как условие какую-нибудь другую цель, достижимую тем или иным поведением, непосредственно предписывает это поведение. Этот императив категорический. Он касается не содержания поступка и не того, что из него должно последовать, а формы и принципы, из которого следует сам поступок; существенно хорошее в этом поступке состоит в убеждении, последствия же могут быть какие угодно. Этот императив можно назвать императивом нравственности" /I0,

с. 254-255/. "Среда обитания" подобных высказываний - заповеди, назидания, различного рода этические прескрипции: В Евангелии сказано, что мы должны прощать даже врагам своим /А.Чехов/; Каждый человек должен иметь свои обязанности! (А.Чехов); Должно быть полнейшее равноправие в обывденной жизни (А.Чехов); В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли /А.Чехов/; Молодежь должна овладевать знаниями; Женщина должна быть женщиной и т.п. Универсальность таким высказываниям придает принадлежность субъекта к классу, социальной группе. "Устремленность к идеалу", как правило, передается инфинитивом несовершенного вида при предикате "должен". "Возможности совершенствования" заключены в сочетании предиката "должен" с бытийными инфинитивами. Последнее особенно актуально, если такого рода высказывания употребляются для оценки конкретных действий конкретного индивида.

Модальность необходимости надобности самым непосредственным образом может быть интерпретируема в терминах интенциональности. Невозможно стремиться к нежелательному, бесполезному, невыгодному, вынужденному, обусловленному внешними причинами и т.д. Согласно Аристотелю, "должно быть, нелепо утверждать, будто произвольны такие поступки, в которых следует стремиться..." /9, 99/. Следовательно, интенциональны произвольные поступки, связанные с сознательным выбором, к которым возможно стремиться. Каким образом отграничить сознательный выбор от желания? Аристотель предлагал следующее решение проблемы: "...дело в том, что сознательный выбор не бывает связан с невозможным, и, если кто-нибудь скажет, что он сознательно избрал невозможное, его, должно быть, примут за глупца. Но желание бывает (и) невозможного..." /9, с.100/. Далее, желание направлено, скорее на цель, "сознательный выбор имеет дело со средствами к цели... В целом выбор, похоже, обращен на то, что зависит от нас" /9, с. 100/. В существующих интенциональных логиках такая ситуация - ситуация сознательного выбора - называется практическим рассуждением. "Практическое рассуждение рассматривается как процесс формирования намерения субъекта изменить что-либо в своем окружении" /II, с. 4/. Поскольку практическое рассуждение - это интеллектуальный процесс обоснования деятельности, в центре рассуждения находится действие, оцениваемое как средство для достижения цели. В языке практическое рассуждение представлено выражением "для того чтобы... нужно...". Ситуацию со-

знательного выбора можно назвать основой семантической зоны модальности необходимости надобности. Необходимо отметить, что в последнее время все настойчивее выдвигается вопрос о лингвистической целесообразности выделения тех или иных модальностей и в этом плане на перспективность выделения обратила внимание подобного типа модальности Н.Д.Арутюнова: "наличие цели стимулировало формирование модальности нужды" /1, с. 273/. Сфера функционирования модальности надобности чрезвычайно обширна, она охватывает различные инструкции, кулинарные рецепты, советы "на все случаи жизни" - от предостережений до конкретного принятия решений:

1. Надобность как знание (не всегда субъект информирован о необходимых средствах для достижения поставленной цели: Для того чтобы бисквит получился воздушным, белки необходимо тщательно взбить; Однако вода была очень глубоко. Чтобы ее добыть, следовало построить громаднейшую водокачку (В.Катаев);

2. Средства достижения цели оказались непригодными, в результате - неправильно сделанный выбор: Дорофеем Кошуба правильно говорил: ...Идти на Одессу высаживать десант... Эх, Кошуба, Кошуба, было бы тебя послушаться... А то такая ерунда получилась! (В.Катаев); Надо быть сумасшедшим, чтобы взбираться наверх: там засада... Лучше было бы проскользнуть вдоль берега (В.Катаев);

3. Цель формулируется в момент речи, а ее реализация отодвигается в неопределенный план будущего: Нужно будет все тут перекрасить; ...нужно будет не забыть немедленно по проезду попросить папу вырезать из чего-нибудь и пришить к ее глазам эти черные, очень красивые заслонки - неизвестно, как они называются (В.Катаев);

4. Выбор цели проблематики: Что делать? Бежать на мостик... или оставаться возле матроса и компаса? (В.Катаев);

5. Необходимыми достижениями можно избежать нежелательной ситуации: Чтобы дверь не скрипела, дверную пружину следует смазать;

6. Средства для достижения цели могут выступать в определенной последовательности: Прежде всего (сначала, в первую очередь и т.п.) следует (нужно, необходимо, требуется и т.п.) сделать что-либо.

Дальнейшая конкретизация в зависимости от характеристик целей, средств к их достижению, а также характеристик временных интервалов между постановкой целей и средствами к ее

достижению вполне может быть продолжена. Но это не входило в задачу данной статьи.

Итак, концепт вынужденности отличается от концептов долженствования и необходимости (надобности) не только особыми семантическими характеристиками, но и принципиально иными способами формирования, представления. В настоящей статье перечислено лишь несколько возможных концептов, сформированных на базе "классической" модальности необходимости. Несомненно, что дальнейшие исследования расширят эту намеченную область исследования.

Приведенная таблица отражает различия в семантических характеристиках концептов необходимости (вынужденности), долженствования (идеала), долженствования (обязанности) и необходимости (надобности), обсуждавшиеся в статье.

Признаки / Концепты	Вынужденность	Долженствование как идеал	Долженствование как обязанность	Надобность
устремленность на результат д-я (внутренняя)	-	-	-	+
фактуальность	+	-	-	-
обращенность в будущее (телеол. связь)	-	+	+	+
обращенность в прошлое (причинно-следств. связь)	+	-	-	-
склонность/желательность				
обоснование пользы/выгоды	-	-	-	+
общая оценка "хорошо"	-	+	+	+
общая оценка "плохо"				

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типа языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988.
2. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. - М., 1961, № 1.

3. Мышкина Н.Л. Значения необходимости и способы передачи этих значений в оригинальных и переводных текстах немецкой и русской научной речи: АКД. - М., 1979.

4. Небыкова С.И. Структура предложений современного русского литературного языка с точки зрения содержания модальности возможности и необходимости: АКД. - М., 1972.

5. Небыкова С.И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости (на материале художественной литературы). // Филологические науки. - М., 1973, № 3.

6. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985.

7. Фон Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. - М.: Прогресс, 1986.

8. Серль Дж.П. Природа Интенциональных состояний. // Философия, логика, язык. - М.: Прогресс, 1987.

9. Аристотель. Соч.: В 4 томах. - М.: Мысль, 1984. Т.4.

10. Кант. Сочинения: В 6 томах. - М.: Мысль, 1965. Т. 4.

Ч. I.

II. Ишмуратов А.Т. Логический анализ практических рассуждений (формализация психологических понятий). - Киев, Наукова думка, 1987.

ВИД И ОТГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Е. Н. Ремчукова

Область отглагольного словообразования в русском языке чрезвычайно интересна: огромно само количество производных — словообразовательные богатства русского глагола поистине неисчерпаемы; процессы, происходящие здесь, в основном продуктивные, живые. Семантическая насыщенность и морфологическая сложность глагола общеизвестна: узел его значений, грамматических и семантических, затянут туго, проблема их взаимодействия остается актуальной. Кроме того, глагол очень активен и с точки зрения синтаксических связей. Анализ структурных и семантических соотношений производных и производящих (в данном случае — имен и глаголов) приводит к необходимости выяснить, как влияют грамматические категории мотивирующего на номинативные и коммуникативные свойства мотивированного, "наследуются" ли они, и если да, то каким образом трансформируются при этом. Такие чисто глагольные категории, как вид, залог, а возможно и лицо, не подавляются полностью в отглагольных именах — как существительных, так и прилагательных. Например, отглагольные существительные однозначны только с точки зрения своей морфологической оформленности, семантические же свойства и синтаксические особенности, позволяющие им выступать в роли не только эквивалентов глагола, но и цельк высказываний, дают довольно "пеструю" картину, поэтому широко распространенное убеждение, что "транспозиция в класс существительных приводит к господствующему положению значения предметности" (1), не кажется нам убедительным. Влияние вида-категории, пронизывающей всю русскую глагольную парадигму, — на сферу отглагольного отыменного словообразования несомненно: ведь если "обозначение способов протекания действия представляет важнейшую коммуникативную необходимость" (2), следовательно, видовые значения должны, в той или иной форме, проявиться там, где отражается характер протекания действия, которое не всегда выражено глаголом. Известное положение В. В. Виноградова о том, что отглагольные существительные со значением действия "соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного ви-

да" (3), ставшее на долгое время одной из аксиом русистики, сегодня успешно преодолено в работах многих лингвистов (4). И все-таки плодотворное решение этой проблемы затрудняется, на наш взгляд, излишней осторожностью и оговорками, что проявляется прежде всего в том, что различные оттенки видовых значений находят только у имен действия (иначе процессуальных) типа бег, ломка, притяжение и т.п., в то время как круг этих слов значительно шире, ведь компонент "действие" сохраняется и в таких словообразовательных моделях, как "лицо-деятель", "предмет-деятель", "предмет-объект, результат или место действия", то есть во всех разновидностях отглагольного существительного. Конечно, процесс конкретизации ослабляет этот компонент: вторичные значения, обладая различной степенью конкретности, обладают и различным отношением к понятию "чистого" действия, но полного абстрагирования от глагольного действия в существительных не происходит (см. например, признание: признание в бессердечности; признание всеми (общественное одобрение); рассказ, сообщение, слова-признание в любви). Более того, вид мотивирующего глагола влияет на сам процесс конкретизации и так или иначе связан со всеми лексическими значениями многозначного существительного, о чем еще будет сказано ниже.

Объектом исследования должны стать и отглагольные прилагательные, прежде всего - имеющие причастное происхождение (у них такое же "привилегированное" положение с точки зрения выражения глагольных значений, как у имен действия). Можно проследить, как видовое значение "проходит", например, по такой цепочке "причастие - прилагательное - существительное". В.В. Лопатин и И.С. Улуканов пишут: "Несомненно влияние семантики отглагольных прилагательных с суффиксом (по происхождению причастным) -ени-/ни- и -ом-/им- на семантику возникших уже в XX веке вторичных суффиксов существительных (соответственно) -енность/-нность- и -имость-: значение первого - "состояние, возникающее в результате действия, названного мотивирующим глаголом (задолгать - задолженность, сработаться - сработанность), значение второго - "свойство, проявляющееся как способность к действию, названному мотивирующим глаголом (гореть - горимость, заболеть - заболеваемость)" (5). Для плодотворного анализа нужен комплексный, синхронно-диахронический подход к исследуемой проблеме, которая в этом смысле не является исключением, - "подключение" диахронии и синхронии необходимо сегодня русскому словообразованию.

Так, для определения мотивирующего глагола совершенного или несовершенного вида, естественно, важное значение имеют структурно выраженные словообразовательные связи (например, укладывать - укладывание) в тех же случаях, когда такое "указание" отсутствует, говорят о двумотивированности или мотивирующий глагол устанавливается произвольно. Генетическая же природа суффикса влияет на словообразовательное значение. Например, прилагательные с суффиксом "-л" типа усталый имеют значение "находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом" (6) : Суффикс "-л" по происхождению - суффикс прошедшего времени, перфективный, поэтому нельзя согласиться с тем, что мотивирующими являются в данном случае "непереходные глаголы обоих видов (подчеркнуто мною)" (7). Прилагательные этой группы благодаря семантике суффикса сохраняют ярко выраженную результативность, а, следовательно, и "родственные" связи с глаголом совершенного вида (устать - усталый), часто - приставочным: спелый не может соотноситься с глаголом несовершенного вида спеть, тухлый - с тухнуть; бывалый солдат тот, кто побывал во многих сражениях. Возможна и соотнесенность с приставочным глаголом, который не образует с непроизводным видовую пару: лежалый товар не тот, который лежит, а тот, который уже полежал, то есть семантически прилагательное связано с глаголом длительно-ограничительного способа действия. Естественно, в случаях словообразовательной синонимии у прилагательных приставочных значение результативности будет выражено сильнее (происходит как бы семантическое дублирование между приставкой и суффиксом): линялый - полинялый, блеклый - поблеклый, так как приставки, несущие в глаголе значение вида, сохраняют, как правило, семантические оттенки результативности в отглагольных именах. При этом результативность, которая является, как известно, одной из семантических разновидностей предела, у прилагательных имеет свою специфику, связанную с общей грамматической семантикой этой части речи - значением непроцессуального, постоянного признака, состояния, однако так же, как и у глагола, он может обозначать и качественную исчерпанность действия, названного мотивирующим глаголом (тухлый, спелый, гнилой, прогорклый), и возможность его дальнейшего развития (усталый, обрюзглый).^I Актуализация в производном того или иного оттенка

^I Ср. у глаголов: прочитать книгу и цены выросли (но продолжают расти).

результативности связана с лексическим значением производящего глагола, отражающим характер действия в объективной действительности.

Таким образом, связь прилагательного с причастием определяет не только залоговые значения прилагательных как уже было замечено (8), но и видовые: кипяченая вода – вода, которую вскипятили, глаженное белье – белье, которое выгладили. Отглагольные же прилагательные с суффиксом -тельн- выражают активный признак и соответственно-соотнесенность с глаголом несовершенного вида: кипяtilный прибор – прибор, которым кипятят, гладильная доска – доска, на которой гладят. Важно и то, что в прилагательных залоговое и видовое значение проявляется так же комплексно, как в самом глаголе и причастии.

Мы видим, что отглагольные имена не просто передают значение процесса, а способны отражать его характер – активный или неактивный, результативный или нерезультативный, длительный или недлительный. В структуре отглагольного существительного отчетливо выражены различные акциональные оттенки (9), очевидно, в некоторых случаях они могут проявляться и у прилагательных. Отглагольное имя сохраняет семантико-грамматическое своеобразие глагола, хотя, безусловно, имеет меньший семантический объем и характеризуется "беспорядочностью" в выражении грамматических глагольных признаков. Именно способность передать "нюансы" характера протекания действия, отличает эти имена от процессуальных немотивированных существительных типа дождь, снег.¹

Вид у отглагольных имен, конечно, не является грамматической категорией. Это очевидно. Но сложная – словообразовательная, семантическая, стилистическая – природа этого языкового явления в полной мере проявляется и в отглагольных образованиях. В работе В.Н. Хохлачевой данная проблема поставлена в историческом аспекте (II). Исследуя на исключительно богатом словарном материале становление всех типов отглагольных существительных, автор приходит к выводу, что существует тенденция к разрушению отглагольных имен и снижению глагольности в целом, что объясняется дифференциацией глагола и имени, несовместимостью глагольных и именных категорий (I2). Вывод этот, на наш взгляд, не верен. В книге показано, что в процессе становления отглагольных существи-

¹ Последние подробно описаны в работе Л.А.Вакарнюк (I0).

тельных разрушается (и то далеко не всегда - Е.Р.) их формальная соотнесенность с мотивирующими глаголами, что проявляется, в частности, в ослаблении продуктивности параллельных образований от глаголов - членов видовой пары (типа победитель - побеждатель, исцелитель - исцелятель). Но семантические связи, напротив, развиваются, обогащаются. Обогащение семантической структуры отглагольных имен за счет развития вторичных значений с различными оттенками результативности, активность вторичной имперфективации типа размежевание - размежевывание, аналогичной глагольной, полифункциональность существительных, позволяющая им в определенных конструкциях (особенно в разговорной речи) становиться полноценными эквивалентами глаголов (Я вам признание - вы мне презрение; чуть что - сразу хохот), - все это свидетельствует о развитии аспектуальности в сфере отглагольного имени.

Нельзя, на наш взгляд, говорить и о несовместимости категории вида и категориальных значений существительных. Количественная природа сближает категории вида и числа, не случайно в структуре отглагольных имен противопоставление однократность - многократность выражено как противопоставление по числу (напр., скачок - скачки). Оттенок длительности, процессности может подчеркиваться не только словообразовательно (наказание - наказывание), но и в определенных контекстах морфологически - формой множественного числа (бесконечные движения, многократные превращения).

Учитывая все вышесказанное, мы полагаем, что влияние категории вида на отглагольное словообразование не может быть ограничено исследованием только словообразовательных связей. В плане словообразования этот вопрос понимается прежде всего как выбор мотивирующего глагола совершенного или несовершенного вида (13).

Совершенно другой, "семантический", подход представлен в работе Е.А. Иванниковой, цель которой доказать, что данная проблема вообще не словообразовательная, так как "все отглагольные существительные, независимо от производящих, могут соотноситься с глаголами обоих видов" (14). Главное здесь - соотнесенность видовых значений у имен и глагола, проявляющаяся прежде всего контекстно. В этой статье впервые показано, что у отглагольных имен (но только со значением действия - Е.Р.) существует "понятийная аналогия глагольному виду" и что выражение видовых значений в этой сфере имеет не случайный, а системный характер (15). Это совершенно спра-

ведливо, но нам кажется, что задача состоит в том, чтобы выявить все факторы, влияющие на формирование зоны аспектуальности у имен. Это, во-первых, фактор словообразовательный, так как существует структурно, материально выраженная связь имени с коррелятивным глаголом (традиционно сюда относят прежде всего имена существительные на - ние-). Во-вторых, - лексико-семантический, так как семантика мотивирующего глагола (его предельность, активность), а также его конкретное лексическое значение влияют не только на способность-неспособность самого глагола вступать в видовую оппозицию, но и определенным образом воздействуют на формирование комплекса значений многозначного производного имени.

Так, например, разные значения производного слова могут быть мотивированы разными видовыми значениями производящего глагола. Первое значение слова окружение - значение "чистого" действия, процесса; второе - "положение, при котором кто-нибудь окружен кольцом войск" (попасть в окружение) связано со значением совершенного вида (окружить), в третье - "то, что открывает; среда, обстановка" (его окружение) - со значением несовершенного вида (окружать). Связь семантики "чистого" действия, процесса с несовершенным видом и предмета, образованного в результате этого действия, - с совершенным (вторичное, конкретное значение) у приставочных существительных с суффиксом -й- проявляется достаточно последовательно: ср. вышивка гладью - трудоемкий процесс и мне нравится эта вышивка. В-третьих, - грамматический: главные способы образования видовой пары у глаголов - префиксация и суффиксация - обнаруживаются и у имен (спешный-поспешный, ломка-сло́м, очеловечение-очеловечивание), следовательно, важно и здесь определить возможности оппозиции, выявить пары существительных, связанные не только с процессом вторичной имперфективации у глаголов (поддержание-поддерживание, раздвоение-раздваивание), но и с процессом перфективации (деление-разделение). Четвертый аспект, функциональный, учитывает зависимость видового значения имени от контекста, условия его реализации или нейтрализации; определяются те компоненты, которые указывают на несовершенный или совершенный вид: к первым относятся, например, фазовые глаголы (продолжается обсуждение доклада) и прилагательные (а у глаголов это соответственно наречия), указывающие на длительность, процессность, повторимость (многократные проявления, постоянное ощущение,

ежевечерние чтения)¹, а кроме того, такие десемантизированные связки, как "дело", "вещь", "штука" (конструкции, широко распространенные в разговорной речи: развод - дело трудное; объяснение - штука неприятная) и многие другие. Следующий фактор - синтаксический - предполагает анализ всех синтаксических связей отглагольного имени (здесь имеется в виду, конечно, существительное), соотнесение валентностей глагола и существительного, "поведение" отглагольных имен в структуре не только предложения, но и словосочетания.

Последний фактор - стилистический. Изучение стилистических возможностей отглагольного имени, связанных с влиянием на них категории вида, представляется нам интересным и перспективным направлением исследования, так как фактически самостоятельным объектом изучения они не были. Здесь можно выделить два аспекта. Прежде всего - лексико-стилистический, поскольку мы предполагаем, что видовые значения многозначного мотивирующего глагола своеобразно проявляются и во вторичных, метафорических значениях имен: прослойть (торт) - прослойка-процесс (торта кремом) - прослойка-предмет (кремовая) - классовая прослойка; ломаться-ломка-процесс (отношений, стереотипов) ломка (у наркоманов) и т.д.; мотивирующий глагол может и отсутствовать, а "перфективное" значение проявляться как бы самостоятельно (развязка действия, событий). Кроме того - функционально-стилистический, к которому относятся и функционально-стилистические возможности отглагольных имен различной структуры, напр., "имперфективных" (назовем их так условно) существительных типа перебалывание, размежевание², и семантические и стилистические оттенки однокоренных отглагольных образований типа разбирание-разбор-разборка-разборки (разг. - выяснение отношений) и некоторые другие явления.

Итак, не обладая собственными морфологическими средствами для выражения аспектуальности, отглагольные имена участвуют в передаче различных оттенков в характере протекания действия с помощью лексических, словообразовательных, син-

¹ Необходимо еще раз подчеркнуть функциональную связь между частным значением несовершенного вида - повторяемость, многократность - и грамматическим значением множественного числа у отглагольных существительных (напр. Пушкинские чтения), выявляющую механизм обмена функциями между словами - элементами разных грамматических классов.

² Им может быть присущ тот же налет "искусственности", который отличает и некоторые глаголы - вторичные имперфективы, ср., напр.: за эту зиму дети несколько раз перебалывали гриппом.

таксических и стилистических средств, то есть передают значения грамматической категории вида некатегориальными средствами, большинство из которых, в качестве дополнительных, используют сами глаголы. Хочется подчеркнуть, что семантический подход к данной проблеме (так как тотальность категории вида в русском языке проявляется именно семантически) совсем не означает, что способность существительных выражать значение совершенного и несовершенного вида должна связываться только с контекстом. Контекст не создает характер действия, обозначенного глагольным именем, а лишь выявляет, подчеркивает его. "Взаимозаменяемость" существительных в одном контексте не всегда представляется нам убедительным доказательством: так например, фразы "до перекрытия русла реки" и "до перекрывания русла реки" (16), на наш взгляд, не являются тождественными, так как видовые оттенки существительных, присущие им в системе, сохраняются и обуславливают тонкую семантическую и стилистическую разницу, которая, впрочем, не имеет решающего значения для передачи смысла всего высказывания.

Таким же образом следует подходить и к отглагольной префиксации. Перфективное значение может быть в некоторых случаях выражено и в бесприставочном имени (см. выше). В структуре префиксальных существительных, мотивированных глаголами совершенного вида, приставка сохраняет свое перфективное значение, которое может быть подчеркнуто и соответствующим контекстом (окончательное разрешение), поэтому нельзя считать однокоренные образования типа ломка-сломя синонимичными (17), так как они противопоставлены по перфективному признаку. Отметим, кстати, что бесприставочные существительные с суффиксом -к- (ломка, ковка, плавка) почти не развивают предметных значений, последовательно отражая процессную семантику несовершенного вида (ср. ломка-поломка). Семантический объем пар типа деление-разделение, разумеется, уже, чем у производящей видовой пары; возможны лексико-семантические несовпадения (делить-разделить наследство, но невозможно - разделение апельсина; разделение труда, но невозможно - разделить труд).

Итак, любое отглагольное имя, независимо от своего значения и структуры, имеет прежде всего семантические основания для выражения различных аспектуальных оттенков; степень абстрагирования от "чистого" действия будет при этом различной.

С точки зрения структуры отглагольные имена (как существительные, так и прилагательные) делятся на две большие группы: имеющие в своем составе глагольные структурные компоненты (гласный глагольной основы, суффикс имперфективации, приставку) или не имеющие их (различные прилагательные, существительные с суффиксами -к- и нулевым, с суффиксом -чик/-щик-).

Анализируя аспектуальные возможности отглагольных имен, следует учитывать и семантику имени, и его структуру. К двумотивированным относят обычно отглагольные существительные на -тель- (18). Они противопоставлены остальным отглагольным именам как личные неличным. Эти существительные, образуя многочисленную и продуктивную группу, неоднородны с точки зрения их семантической соотнесенности с мотивирующими глаголами: многие из них приобрели некоторую лексическую самостоятельность, их семантические связи с глаголами ослаблены (осведомитель полиции, составитель словаря, писатель), у других - семантические и словообразовательные, а значит и аспектуальные связи прочны, поэтому они небезразличны к виду мотивирующего глагола. Существительное "освободитель", например, должно трактоваться как тот, кто освободил, а не освобождает: в пользу этого говорят и предельная семантика глагольного действия (освободить кого, что) и гласный глагольной основы. Особенно ярко перфективное значение проявляется в определенных синтаксических позициях, напр., народ-освободитель, завод-изготовитель, покоритель горных вершин и т.д. Некоторые словарные толкования таких существительных указывают на их перфективное значение: покоритель - "завоеватель, покоривший себе кого-нибудь". В то же время агентивные существительные со значением профессии (воспитатель, строитель, оформитель) реализуют, очевидно, имперфективное значение постоянного признака.

В пределах одной статьи невозможно детальное рассмотрение всех аспектов данной проблемы. Наша задача состояла в том, чтобы по возможности полно охарактеризовать в общих чертах сферу аспектуальности у имен, еще раз показать тотальный характер категории вида как категории функционально-семантической в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении - М., 1978, с. 65.
2. Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке - М., 1988, с. 14.
3. Виноградов В.Р. Русский язык - М., 1947, с. 118.
4. См. напр. работы Ацаркиной Т.А., Булина П.В., Иванниковой Е.А., Кузнецова Г.А., Свердловова Л.Г., Якимовой Л. и др.
5. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Структура славянских морфем в синхронном и диахроническом аспекте. - Славянское языкознание, X Межд. съезд славистов. - М., 1988, с. 202.
6. Русская грамматика. - М., 1980, с. 297.
7. Там же.
8. Петров А.В. Залоговая семантика в отглагольных именах русского языка, - АҚД, М., 1985, с. 6.
9. Ремчукова Е.Н. Структурно-семантическая зона "сложное действие" в современном русском языке. - АҚД, М., 1984.
10. Вакарнюк Л.А. Структурно-семантический анализ имен существительных со значением процесса, не мотивированных глаголами (на материале русского языка) - АҚД, Одесса, 1984.
11. Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском языке нового времени. - М., 1969.
12. Там же, с. 53.
13. Лопатин В.В. О критериях выбора мотивирующего глагола из коррелятивных по виду. РЯШ, № 3, 1975, с. 58.
14. Иванникова Е.А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке, ОЛЯ, т. XXXI, вып. 2, М., 1972, с. 119.
15. Там же, с. 117.
16. Там же, с. 120.
17. Лопатин В.В. Указ. соч., с. 59.
18. Там же, с. 58.

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА РУССКОГО ЯЗЫКА

М.А. Шелякин

Настоящая статья является продолжением работ автора (см. 9, 10), в которых прослеживается историческая выводимость одних падежных значений из других и тем самым мотивированная связь значений рассматриваемых падежных форм. При этом считается, что в основе производных падежных значений лежат их первичные, пространственные значения, представляющие собой определенную систему противопоставлений. Такой подход к семантическому описанию падежей, на наш взгляд, обеспечивает адекватность самого описания и позволяет более надежно выделять и определять падежные значения и в современном русском языке.

Как считают многие исследователи, род. пад. русского языка и других славянских языков восходит к двум падежам — отложительному, указывающему на отнятие, разъединение, отделение, удаление предмета от предмета, и генитиву (собственно родительному), указывающему на связь или принадлежность предметов. Отражение первого падежа обычно видят в приглагольном употреблении род. пад. (типа: избегать, опасаться кого-чего-л.), отражение второго падежа — в приименном употреблении род. пад. (типа: дом отца, правила игры, ножка стола и т.д.), а также в приглагольном употреблении род. пад. в значении частичности, партитивности (типа: выпить воды, купить хлеба и т.д.). Было высказано и мнение о связи между собой отложительного и генитивного значений род. пад. Так, Б.А. Серебрянников не исключает того, что "родительный падеж может возникнуть в результате переосмысления отложительного падежа или аблатива. Таким, например, является по происхождению родительный падеж у основ на -о в славянских и балтийских языках" (7; 177).

Не решая вопроса о происхождении род. пад., отметим, что отложительное пространственное значение имплицитно указывает на отложительное положение предмета относительно другого предмета, которое может характеризоваться признаком близости (ср. отошел от дома, стоял у дома). Поэтому вполне оправдан-

ным представляется мнение о происхождении род. пад. в тюркских и уральских языках из локатива: сначала "дом у отца", а потом "дом отца" (7; Г77). Если первоначальный ход развития славянского род. пад. был таким же, как в уральских и тюркских языках, то можно предположить, что первичным локативом для род. пад. был локатив отложительной близости: у реки, у берега, "отсюда - пребывание в близости или во власти предмета: у меня есть" (Потебня, 5; 273). Таким образом, первичный род. пад., видимо, совмещал признаки двух значений - отложительности и близости, и многие генитивные значения скорее всего являются модификацией этого первичного значения. Однако в дальнейшем значение отложительности было распространено и на динамическую направленность предмета (откуда), в связи с чем род. пад. стал характеризоваться совокупностью следующих признаков: косвенностью, центральностью для предиката, динамической направленностью и локацией, эксклюзивной обратной направленностью и локацией по отношению к исходному предмету. Если иметь в виду только дифференциальные признаки род. пад., то его пространственное значение можно назвать отложительно-сепаративным.

I. Значения беспредложного родительного падежа

1) Локативно-отложительное значение беспредложного родительного падежа в современном русском языке не сохранилось, но оно засвидетельствовано в древнерусском языке (см. 2; 262 и далее). Остатками прежнего локативно-отложительного значения с признаком близости, видимо, можно считать род. пад. при глаголах держаться - "двигаться вдоль, рядом с другим предметом, направлением" (держаться правой стороны, правого берега и др.), отсюда переносно - "держаться строгих правил (= следовать чему - л)", и придерживаться - "держаться ближе к чему - л.": "Мы радостно тронулись в путь, стараясь придерживаться воды" (Пришвин), отсюда переносно - "придерживаться советов, обычаев".

Локативно-отложительное значение легло в основу следующих приглагольных и приименных значений род. пад.:

2) Значение предмета отчуждения: бояться, избегать, пугаться, опасаться, остерегаться, сторониться, страшиться (страшно), чуждаться, дичиться, конфузиться, стесняться, стыдиться (стыдно), гнушаться, лишаться + род. пад.

Примечание: Это значение чаще выражается при помощи предлога от: избавиться от, удалиться от общества, уйти от позора, бежать от счастья, спрятаться от, скрыться от и др. (о чем см. ниже).

3) Значение отрицаемого объекта действия или существования исходного предмета. Реализуется при отрицании переходных глаголов или субъекта бытийных и possessивных предложений: он не читал этой книги, у меня нет этой статьи, концерта не будет и под. В современном русском языке старая норма обязательного род. пад. при глаголах с отрицанием последовательно уже не выдерживается (см. об этом 6; 415-418) и вместо род. пад. может употребляться вин. пад. Однако можно отметить при этом следующую тенденцию: при выражении подчеркнутого отрицания объекта предпочтителен род. пад. (ср. не иметь денег, не слышу ни слова, не понять вопроса, не допустить новой войны и т.д.), при выражении нереализованного отрицания объекта - вин. пад. (ср. он едва не уронил стакан, он чуть не потерял билет), некому показать работу, он не получил письмо - то, которое он ждет, осложненный признаком определенности.

Примечание: Значение отрицаемого предмета коррелируется со значением отсутствующего предмета как составной части чего-л. (ср. чайник без крышки, суп без мяса, любовь без радости и т.д.) или как заменяемого другим предметом (ср. варенье вместо сахара, удивление вместо радости), а также со значением отрицательного отношения к предмету (ср. выступать против него, противник войны, голосовать против предложения и др.).

4) Значение неопределенно-отделительной (отложительной) части целого. Реализуется с существительными, обозначающими предметы, допускающие выделение неопределенной части (вещественными, собирательными и др.), и, как правило, с глаголами совершенного вида "отделительного" действия, указывающими на целостность действия партитивной отделительности: ср. купить хлеба, принести воды, достать денег, добыть хлеба, занять денег, закупить книг, наесться каши, напиться воды, отсыпать песка, отлить воды, отгрузить угля, отведать кушанья и др. С глаголами несовершенного вида в таких случаях устраняется значение отделительной партитивности и употребляется вин. пад. в значении полного объекта: пить воду, покупать хлеб, принести дрова.

5) Ограничительно-количественное значение при количест-

венных существительных, числительных, наречиях: типа дюжина ложек, масса вопросов, большинство людей, килограмм хлеба, мешок муки, стакан воды, пять человек, много людей и т.д.; ср. также: дом полон народа, народу там! (= много народа) и предложения, выражающие предикативную количественную характеристику партитивного субъекта типа: Нас было трое, Воды было по колено, Муки - два пакета, Комаров налетело много, Людей приехало мало и под. (убедительное обоснование субъектно-предикатной структуры таких предложений дала Г.А. Золотова, см. I; 285-287). Данное значение связано с предыдущим - партитивно-отделительным (отложительным) значением, поскольку количественные слова выделяют предметы как часть из целого.

6) Значение даты при названии числа, месяца и года. Сопровождается всегда порядковыми числительными: он родился второго мая тысяча девятьсот двадцать седьмого года, это произошло пятого января, гастроли начинаются двенадцатого февраля и под. Род. даты является старым родительным части (времени), к которому восходят и наречия вчера (из вчерашнего - "вечер"), сегодня.

7) Значение сравнительного предмета сравнения. Реализуется при сравнительной степени прилагательных: типа Петя выше Сергея. В основе этого значения лежит признак отделительности (отличительности) одного предмета от другого. Ср. употребление предлога от во многих славянских языках при выражении сравнения: укр. слацїй від перцю, серб. он је виши од мене. Ср. также отличаться, отличный, в отличие от кого-чего-л., сильнейший из лыжников и под.

8) Значение желаемого-отложительного предмета. Реализуется в сочетании с глаголами: хотеть (чая), желать (славы, здоровья, всего хорошего), жаждать (счастья), домогаться, искать (покоя), добиваться (привилегий), требовать (признания), просить (совета), спрашивать (разрешения), выпрашивать, вымаливать (прощения), ждать (решения), ср. также: спокойной ночи, хорошего вам здоровья, яблочка бы!, воды!, чая!, стоит, заслуживать (награды), достоин (признания), удостоить (внимания). Сюда же относятся: достигать (вершины как железной цели), касаться (потолка).

По поводу связи данного значения с другими значениями род. пад. было высказано мнение, что оно основано на партитивном значении: "искать счастья, богатства, денег, почестей, т.е. как бы не всего счастья, богатства и т.д., а воз-

можной их части" (3; 244). Более убедительной представляется точка зрения А.А. Потебни, который считал, что значение желаемого предмета "предполагает отсутствие объекта в действительности и присутствие его лишь в мысли" (4; 321), т.е. связано с род. пад. отрицаемого, отсутствующего предмета, поскольку желать можно только то, что отсутствует.

Следующие значения беспредложного род. пад. реализуются в сочетаниях с существительными при выражении определительных отношений: род. пад. существительных выступает в качестве несогласованного определения. Поскольку любое определение связано с процедурой ограничения и выделения предмета, род. пад. в соответствии со своим центральным признаком отложительной сепаративности стал одним из распространенных средств выражения ограничительно-определятельных отношений: род. пад. в целом указывает на предмет, выделяющий, отделяющий, ограничивающий другой связанный с ним предмет (свойство, признак и др.) и тем самым определяющий последний по отношению к тому, что обозначается существительным в род. пад.

9) Значение целого к выделенной из него части, которая мыслится как принадлежащая целому: по словам А.А. Потебни, здесь "часть представляется идущей от целого" (5; 255). Выделенная часть из целого может быть:

а) конкретным единичным предметом: крыша дома, рукава платья, хвост собаки, работник совхоза, начальник станции, ректор университета, член партии, ствол дерева, порог дома, ветка березы, командир полка, гражданин СССР, голова девочки и т.д.;

б) подразделением целого: лаборатория института, контора фабрики, население Африки, цех завода, штаб полка и под.;

в) единицей, отрезком какого-либо времени, события: I-ое мая, 19 декабря и др., семь часов вечера, в январе прошлого года и др., начало войны, конец войны, середина лета, под старость лет и др.;

г) отдельной стороной, отдельным аспектом предмета (свойством, качеством и др.): скорость полета, стоимость книги, белизна снега, красота девушки, длина комнаты, низ горы, задача работы и под.;

д) разновидностью целого: разновидность мрамора, разряд, вид растений, род гостиницы, тип человека, категория людей и др.

10) Значение лица, которому принадлежит предмет. Связано с предыдущим значением в расширенном понимании как значе-

ние, выражающее часть личной сферы (дом отца, книга сестры, друзья сына, квартира брата и под.).

11) Значение генетивно-притяжательных отношений, указывающее на предмет, служащий источником для другого предмета и вместе с тем находящийся в притяжательных связях с ним. Связано со значением отложительности (откуда?): дым костра, зарево пожара, следы пальцев, энергия друга, луч прожектора, роман Тургенева, слова отца, планы захватчиков, речь адвоката, письмо матери, облако разрыва, закон Смита и др.

12) Значение предметов, составляющих совокупности: отряд бойцов, хор мальчиков, гряда камней, колонна пленных, табун коней, толпа людей, группа студентов, команда футболистов, союз охотников, стая воробьев, рой пчел, стадо коров, ватага сорванцов, библиотека сочинений и др. Связано со значением отложительной исходности, источника.

13) Значение материала, из которого сделан предмет (всегда с согласованным определением): кабинет карельской березы, кафтан алого сукна и др. Связано со значением отложительной исходности, источника.

14) Значение основания, причины состояния: тяжесть потери, счастье материнства, радость встречи, горечь разлуки и др. Также связано со значением отложительной исходности, источника как основания, причины.

15) Значение субъекта действия: выступление докладчика, крик ребенка, прибытие поезда, шум ветра, распоряжение директора, диагноз врача, аплодисменты зрителей и т.д. Связано со значением источника, исходности по отношению к действию.

Примечание: Некоторые исследователи к родительному субъекта относят также "родительный носителя признака" (типа: синева неба, мужество солдата, влажность воздуха и под.). Нам представляется, что данное значение относится к значению "целого по отношению к выделенной части, стороне, отдельному свойству, качеству".

16) Ограничительно-изъясняющее (уточняющее) значение, раскрывающее содержание того, что обозначается существительным путем ограничения его объема: чувство уважения, слова любви, состояние невесомости, движение сопротивления, вопрос жизни и смерти, день рождения, служба быта, учитель физики, комната смеха, эпоха феодализма, период войны, минута прощания, неделя письма, час отдыха, школа поваров, страна озер, долина роз и т.д. Сюда также относятся: Министерство просвещения, Дом быта, Дом обуви. Дом игрушки и др., в честь,

в память, в знак, во имя кого-чего-л., в доказательство чего-л. и др.

Г7. Ограничительно-характеризующее (качественно-характеризующее) значение, определяющее то, что обозначается существительным, через ближайший род и видовое отличие, выраженное согласуемым прилагательным (числительным). Реализуется в обязательном сочетании прилагательного с существительным в род. пад. и выступает обычно в следующих семантических типах:

а) обозначает вид, сорт, разряд, разновидность: табак первого сорта, изделия высшего разряда, другой марки, первой категории, физика высоких энергий, призёр личного первенства, телефон старой системы, страны социалистического содружества, концерт легкой музыки, оружие новейших образцов и т.д.;

б) обозначает оценочное качество: товар отличного качества, объект первостепенной важности, девушка удивительной красоты, человек большого ума, больших способностей и др.;

в) обозначает форму, цвет, размер, вес, внешний вид: сапоги большого размера, человек высокого роста, боксер тяжелого веса, платье особого покроя, стены ослепительной белизны, костюм песочного цвета и др.;

г) обозначает возраст: человек средних лет, преклонного возраста, мальчик семи лет и под.;

д) обозначает период, отрезок времени: события довоенных лет, Москва сороковых годов, решение прошлого года и др.;

е) обозначает производство, изготовление, формирование: ружье тульской работы, монета царской чеканки, обувь отечественного производства, человек благородных кровей, высокого круга, дворянской породы и др.;

ж) обозначает круг познаний и сведений, совокупность навыков: человек обширных знаний, хорошего воспитания, специалист узкого профиля и др.

з) обозначает функциональное назначение: поезд южного направления, боеголовки индивидуального наведения, изделия хозяйственного обихода, капитан дальнего плавания, мастер слепых полетов и под.

Примечание: Особое ограничительное значение имеют определяющие нечленимые сочетания двух род. пад., один из которых обозначает "названный в честь кого-л.", а другой раскрывает имя лица, события и т.д.: имени кого-чего-л., памяти

кого-чего-л., канал имени Москвы, театр имени Вахтангова, турнир памяти Капабланки и под.

18. Родительный объектный. Реализуется при двух типах отглагольных существительных, соотносительных с переходными глаголами: обозначающих лицо (ср. изобретатель машин, знаток искусства, любитель варенья, поджигатели войны и т.д.) и обозначающих действие (ср. чтение книги, угощение гостей, покупка книг, прогноз погоды, проверка тетрадей, поимка вора и т.д.). К таким существительным также относятся некоторые слова, не имеющие словобразовательных связей с переходными глаголами, но повторяющие функции отглагольных существительных: ср. вестник победы, профилактика заболеваний, цензура печати, индустрия здоровья и некоторые др.

Родительный объектный является заменой приименно-го вин. пад. и снимает глагольное противопоставление вин. и род. пад., как снимает род. субъекта противопоставление им. пад. и род. пад. (ср. мальчик играет - игра мальчика, мальчик спит - сон мальчика, друг помог - помощь друга и т.д.). Если снятие противопоставления им. и род. пад. можно объяснить общностью выражаемых отношений (в приименном употреблении род. пад. представляет действие как принадлежащее субъекту, букв. как "исходящее" от субъекта, ср. игра мальчика, см. значение род. пад. под пунктом 7), то снятие противопоставления лин. и род. пад. в пользу последнего вызывает трудности в объяснении, поскольку род. пад. в системе падежей отличается от вин. пад. признаками обратной направленности и отложительности. В связи с этим было высказано мнение, что функция род. пад. в системе падежей заключается в указании на одновременную направленность и на предмет и от предмета, т.е. род. пад. нейтрален по признаку направленности, и это "обеспечивает одновременное использование этого падежа в именной конструкции и для выражения субъекта и для выражения объекта" (8; 452). Не отвергая этой идеи, которая подтверждается употреблением род. пад. при некоторых глаголах прямонаправленного действия (ср. касаться потолка, достичь вершины), отметим, что в таком случае мы должны признать род. пад. нейтральным и по признаку инклюзивности, с чем трудно согласиться, так как мы не располагаем соответствующими доказательствами. Поэтому представляется более убедительным другое истолкование употребления рсд. пад. вместо вин. пад. в приименной позиции, предложенное этими же исследователями в цитируемой работе: "Чрезвычайно важен тот

факт, что беспредложный В (винительный падеж – М.Ш.) в именных синтагмах невозможен, ибо в имени действие представлено замкнутым в себе, и полный охват объекта становится невозможным" (8; 452). Если развить мысль цитируемых авторов, то можно сделать вывод, что род. пад. при отглагольных существительных, образованных от переходных глаголов, вызван их непереходностью. Следовательно, род. пад. при таких существительных является формальным показателем объекта и функционально не совсем равнозначен вин. пад. объекта при переходных глаголах. Эта неравнозначность заключается, видимо, в том, что род. пад. не указывает на объект непосредственного воздействия субъекта, на тесную связь объекта с действием, как вин. пад., а подчеркивает скорее всего внешний ("отложительный", "отделительный") статус объекта либо по отношению к субъекту, либо по отношению к действию субъекта. Это особенно четко проявляется при именах обозначающих лиц по их действиям: ср. завоеватели Арктики, изобретатель радио, любитель варенья, хранитель архива, покупатель дома и т.д. При именах действия род. пад. обозначает не столько объект распространения, воздействия действия, сколько объект только направленности действия и подчеркивает сам факт действия, а не объект ср. "Вагоны были готовы к приему раненых" (Панова), "Но гость отказался и от почесывания пяток" (Гоголь), "... Он углубился в чтение моего пространного заявления" (Гайдар), "В Вешенской началась эвакуация окружных учреждений и интендантских складов" (Шолохов), "Захар, чувствуя неловкость от этого безмолвного созерцания его особы, делал вид, что не замечал барина" (Гончаров). Впрочем, вопрос о функциональном различии род. и вин. пад. объекта требует особого исследования.

II. Значение родительного падежа с предлогами

В современном русском языке род. пад. употребляется с большим количеством предлогов (около ста), которые так или иначе связаны с отложительно-сепаративным значением род. пад. Для удобства изложения систематизируем предлоги по общности первичных значений с перечислением производных значений каждого предлога. С этой точки зрения все предлоги с род. пад. семантически подразделяются на 7 основных групп: 1. предлоги со значением пространственно-отложительной направленностью действия предмета (типа: с, из, от, из-за, и др.); 2. предлоги со значением локально-сепаративного поло-

жения предмета по отношению к другому предмету (типа: у, около, вне, возле, и др.); 3. предлоги со значением указания на отсутствие или отрицание предмета (типа: без, помимо и др.); 4. предлоги со значением указания на отдаленно-отложительный предмет, служащий для направленности действия другого предмета (типа: до, впредь до и др.); 5. предлоги со значением причины, повода, зависимости, стимула (только однозначные: по причине, ввиду, по поводу и др.); 6. предлоги со значением цели или предназначения (только однозначные: для, ради, в целях и др.); 7. предлоги с ограничительно-исъясняющим (уточняющим) значением (только однозначные: по линии, относительно, в деле, в роли, в качестве, и др.). В дальнейшем указываем на значение род. пад. с перечисленными группами предлогов в их первичных и производных значениях.

1. Значение исходно-отложительного предмета для направленного движения другого предмета, который находился с первым в отношениях совместной локации или контакта. Реализуется с предлогами с, из, из-за, из-под, от: ср. сбежать с горы, выехать из города, выйти из-за угла, выползти из-под камня, отойти от стола.

1) С предлогом с:

а) Значение внешних пределов предмета, откуда направлено движение: сбежать с горы, сбросить с крыши и т.д. Ср. с переносными и отвлеченными существительными: сойти с ума, с плеч долой, сбить с толку, взять с него клятву, уволить с работы, снять с секретарей, уйти с лекции, с моей стороны и др. Ср. обстоятельственные значения: говорить с трибуны, пушки с пристани палат, возвратиться с поля, кормить с ложки, пить с блюдечка, стрелять с колена, пустить с молотка, одеваться с иголки и др.

б) Значение места происхождения, исхождения, возникновения, получения: пшеница с Кубани, рыбаки с Севера, фрукты с юга, взять с него два рубля и под., ср. переносные значения: с бору да с сосенки, с чужого плеча, с пыла, с жара и др.

в) Значение начального момента времени или действия как исходного для осуществления действия, состояния и др.: работать с утра, с прошлой недели, учиться с семи лет, начать изучение с чтения литературы, понравиться с первого взгляда, влюбиться с первой встречи, взять с боя, с разбега, начиная с тебя и т.д.

г) Значение причины, основания (связано со значением исходности): заплакать с горя, ноги болят с непривычки, с ве-

дома, с позволения сказать, ни с того, ни с сего, с легкой руки, с какой стати? и др.

д) Значение лица или предмета как объекта воспроизведения, подражания (связано со значением исходности): писать с нее картину, снять копию с чего-л., перевести с английского, брать пример с кого-л. и др.

е) Значение внешней стороны предмета как носителя (по восприятию) признака, качества, свойства (связано со значением исходности): красивый с лица, пестрый с изнанки, с виду и др.

2) С предлогом из:

а) Значение внутренних пределов предмета (явлений, состояний и др.) как исходного пункта направления движения: выйти из комнаты, выехать из города и т.д., вынуть из сумки, выпить из стакана, выстрелить из пушки и под. Ср. также переносные и отвлеченные значения: выбраться из беды, выйти из задумчивости, вырваться из подчинения, вывести из терпения, выбросить из головы, переливать из пустого в порожнее и др. Ср. также интенсивно-обстоятельственные и временные значения: звонить из всей мочи, выбиться из сил и под., из глубины столетий, письмо из прошлого и под.

б) Значение совокупности лиц или предметов как сферы выделения какой-л. части или происхождения: ср. один из многих, кто из вас?, он из офицеров, она не из робких, взять книгу из библиотеки и др. Сюда же относится род. пад. при превосходной степени: лучший из лыжников, самый редкий из металлов и т.д. Ср. также: из пяти вычесть три, обстоятельственные значения - красота из красот, чудеса из чудес.

в) Значение источника изготовления или составления чего-л.: сварить уху из ершей, высечь статую из мрамора, носки из шерсти, библиотека состоит из сочинений, команда из лучших игроков, семья из шести человек, обед из трех блюд, ср. также: из него вышел бы музыкант, его разжаловали из офицеров и под.

г) Значение внутренней причины: взять из жалости, сказать из зависти, слушать из вежливости, из любви к искусству, из мести и др.

д) Значение источника восприятия, получения сведений: узнать из газет, почувствовать из письма, получить сведения из достоверных источников, из музея звонили, передача из Москва, из дневника.

3) С предлогом из-за:

а) Значение обратной, противоположной (препятствующей для движения) стороны предмета, (по направленности взгляда), откуда направлено движение предмета: выйти из-за стола, из-за угла, из-за будки, встать из-за роля и т.д.

б) Значение причины, повода (преимущественно по отношению к отрицательным явлениям): вернуться из-за дождя, не работать из-за болезни, опоздал из-за брата, рабстать из-за куска хлеба, все это из-за тебя и др.

4) С предлогом из-под: значение нижней стороны предмета, откуда направлено движение, действие: выйти из-под навеса, посмотреть из-под шляпы, достать бумаги из-под стола и под., ср. также: вывести бойцов из-под огня, наречие - исподлобья, фразеологизм - работать из-под палки (в причинном значении). С этим значением связано также определительное значение: банка из-под молока, из-под варенья (буквально "быть освобожденной из-под варенья, молока в полном объеме"), а также значение выхода лица из положения социальной зависимости: быть под властью - выйти из-под власти, выйти из-под опеки.

5) С предлогом от:

а) Значение внешней границы предмета как исходного контакта, от которой направлено движение или измеряется расстояние: отойти от стола, отъехать от дома, от Москвы до Ленинграда 600 км. и т.д., ср. обстоятельственное значение, основанное на переносном употреблении: сказать от души, от чистого сердца и под.

б) Значение начального момента времени: слезой от природы, пятнадцать лет от роду, богатый от рождения, от зари до зари и т.д. Сюда же относится значение даты, письмо от 5-го мая, ср. также фразеологизмы: год от года, время от времени и др.

в) Значение предмета, от которого отделяется часть: отломать корку от пирога, отколотся от дерева, оторваться от ветки и др. Сюда же относится определительное значение: ключ от двери, рабочий от станка, человек от науки, представитель от страны, футляр от скрипки и под.

г) Значение предмета, служащего объектом устранения: обезопасить(ся) от простуды, заслонить(ся) от солнца, освободить(ся) от чего-л., избавиться (от) комаров, спасти(сь) от чего-л., спрятать(ся) от дождя, скрыть(ся) от преследования, удержаться(ся) от выступления, удалить(ся) от чего-л.,

утаить от брата, отказать(ся) от предложения, изолировать от влияния, очнуться от сна, лечиться от насморка, отречься от престола, отстранение от должности, свободный от предрассудков, отличный от всех и др., ср. также значение средства устранения от болезней: порошок от кашля, средство от бессоницы, лекарство от гриппа и под.

д) Значение причины, основания, повода (возникновения чувств, переживаний, физических ощущений): плакать от радости, покраснеть от стыда, устать от ходьбы, пьяный от вина, трава пожелтела от солнца, синяк от ожога, воддьяр от ушиба, потный от жары, коричневый от загара, горько от обиды, зависеть от кого-чего-л., в зависимости от, независимо от и др.

е) Значение источника восприятия, сведений, получения, происхождения: узнать от секретаря, ждть от жизни, получить письмо от матери, поклон от родственников, пар от воды, свет от луны, запах от тебя, родиться от небогатых родителей и др. Ср. обстоятельственные значения: написать от руки, от имени, от себя и под.

2. Значение предмета как локально сепаративного в той или иной степени для другого предмета. Реализуется с предлогами: у, вне, около, вокруг, кругом, вдоль, впереди, вблизи, близ, возле, позади, сзади, напротив, против, мимо, поверх, подле, после, прежде, (временной предлог), среди (среди, посреди), сбоку от, вблизи от, вдалеке от, вдали от, невдалеке от, в стороне от. За исключением предлога у, перечисленные предлоги являются по происхождению наречными и имеют пространственные и другие значения в соответствии с наречными значениями. Поэтому ниже рассмотрим только многозначный предлог у, который сочетается лишь с род. пад.

а) Значение предмета, на близком, пограничном расстоянии от которого расположен (направлен) другой предмет: стоять у реки, сидеть у окна, поставить чемодан у стола, работать у станка, быть у цели, ползти у ног и др.

б) Значение лица, в пределах деятельности, ведения, владения которого что-л. находится, происходит: встретиться у председателя, побывать у колхозников, познакомиться у приятеля, остановиться у друга, у него и под. (букв. "быть рядом с лицом").

в) Значение лица, которому принадлежит отчуждаемый/неотчуждаемый предмет или в сфере которого проявляется, обнаруживается предмет: у него есть эта книга, имеется свободное

время, у товарища грипп и т.д. Связано со значением контактной близости. Ср. также притяжательное значение: у меня болит голова, глаза у него карие, у нас в саду растут яблоки и под.

г) Значение лица как источника получения чего-л.: занимать у него деньги, отобрать у мальчика мяч, спросить у него совета, требовать у кондуктора билет, учиться у мастера, укрывать у них книгу, узнать у нее адрес, выхватить у него палку и др.

Примечание. К перечисленным предложениям относится предлог между (меж), указывающий на положение предмета (проявление действия) в промежутке, середине чего-л. и допускающий употребление род. пад.: "Меж высоких хлебов затерялось небогатое наше село" (Некрасов), между двух озер, "Меж утесистых громад" (Пушкин) и др. Однако употребление род. пад. с предлогом "между" свойственно главным образом художественной речи и вытесняется твор. пад.

3. Значение указания на отсутствующие предмет. Реализуется с предлогами без (жить без друзей, уйти без пальто, расстаться без сожаления и т.д.), кроме (были все, кроме него), помимо (помимо него, были все), вместо (столбы вместо деревьев), взамен (дать ручку взамен карандаша). Ср. также предлоги: за исключением, не считая. За исключением (были все, за исключением руководителя), не считая (не считая одного студента, все были в сборе). Ср. также предлог против в отрицательном значении (выступать против войны).

4. Значение границы предмета, локально отдаленного от другого предмета и служащего пунктом направленности для другого предмета. Реализуется с предлогом до: ехать до Москвы, идти до дома и т.д., ср. значение расстояния: от Москвы до Ленинграда 600 км. Глаголы с приставкой до- и предлогом до выражают достижение границ предмета подвижным предметом: дойти до станции, доехать до города и под., ср., также глаголы касания: достать до потолка, дотянуться до книги, достигнуть вершины. Ср. пространственную природу временных и интенсивно-количественных значений: жить до весны в деревне, до тысячи экскурсантов (значение приблизительности), смеяться до слез, коса до пояса, шуба до пят, рот до ушей, сладкий до приторности, смуглый до черноты и др., временные предлоги впретвь до, вплоть до. При модальных словах охотник (охоч), жаден предлог до выражает высокую степень склонности, пристрастия к тому, что обозначено сущ., охотник до выпивки.

5. Значение цели или предназначения. Реализуется с предлогами для, ради, в целях, с целью, во имя, в честь, в знак, в пользу, в интересах, в назидание, в оправдание, в похвалу, в счёт. За исключением предлогов для и ради, все другие перечисленные предлоги являются производными для современного языка и их значения опираются на соответствующие значения существительных. Само значение род пад. связано с желаемо-отложительным значением или со значением причины (цель как опережающая причина), если согласиться с мнением о происхождении предлога для из "дель" - "причина" и предлога ради из "радети" - "заботиться": работать для победы, сделать для науки, сказать ради шутки, стол для черчения, нужный для ремонта. Ср. значение непредназначенности: курить вредно для здоровья, этот подарок слишком богатый для меня. С предикатом "характерно" предлог для выражает значение "свойственный кому-чему-л.": это характерно для него.

6. Значение причины, повода, стимула, обоснования. Реализуется с производными однозначными предлогами по причине, вследствие, по поводу, по случаю, в случае, ввиду, в силу, на основании, исходя из, при условии и др.

7. Ограничительно-изъясняющее (уточняющее) значение. Реализуется с производными предлогами типа: в качестве, в роли, в виде, под видом, по линии, в отношении, относительно, в адрес, по адресу, в деле, в смысле и др.

- ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г.Н. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

2. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка, МГУ, 1956.

3. Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.

4. Потенбя А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II, М., 1958.

5. Потенбя А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV., М.-Л., 1941.

6. Русская грамматика. Т. I, АН СССР, М., 1980.

7. Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

8. Чешко Е.В. и Ревзин И.И. Соотношение морфологического и синтаксического уровня в категории падежа. В кн.: Славянское языкознание. УП Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

9. Шелякин М.А. Опыт семантического описания дательного падежа русского языка. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 651, Тарту, 1983.

10. Шелякин М.А. Опыт семантического описания творительного падежа русского языка. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 760, Тарту, 1987.

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
РУССКОГО ЯЗЫКА

М.А. Шелякин

I. Значения беспредложного винительного падежа

Как можно полагать, исходным пространственным значением вин. пад. является указание на предмет, в пределы которого направлен другой предмет или через пределы которого направлен другой предмет, т.е. направленно-инклюдивное значение. По словам Б.А. Серебrenникова, "есть факты, свидетельствующие о происхождении суффикса винительного падежа от суффикса направленного падежа или латива" /2, 177/. Об этом значении можно судить по употреблению беспредложного вин. пад. как в древнерусском, так и в современном русском языке. В древнерусском языке встречаются примеры употребления вин. беспредложного при глаголах движения в функциях: а) локального пункта, в пределы которого направлено движение предмета: типа "пойти Русь" (= в Русь), ср. в былинной речи "Идет он княжеский двор /см. Ломтев, I, 238/, ср. остатки этого употребления: иди вон, ступай прочь; б) определенного пространства, преодолеваемого движением: типа "много бо поуть шествовавши придохъ в сии градъ" /Срезневский, 3, 215/, совр. бежать всю дорогу.

1) В современном русском языке при глаголах с приставками пере-, про-, об- вин. беспредложный указывает на предмет, пределы которого полностью преодолеваются другим предметом: при глаголах с приставкой пере- вин. пад. обозначает предмет, на преодоление внешних пределов которого направлен другой предмет (ср. переходить речку, перепрыгивать канаву); при глаголах с приставкой про- вин. пад. обозначает предмет, на преодоление внутренних пределов которого направлен другой предмет (ср. проезжать деревню, проходить лес); при глаголах с приставкой об- вин. пад. обозначает предмет, который полностью преодолевается по внешним или внутренним пределам круговым движением другого предмета (ср. обходить весь город, все магазины). Указанное значение вин. пад. имеет также с предлогами через, сквозь: ср. переходить через площадь, пробираться сквозь чащу.

2) Значение, указывающее на весь период, отрезок времени, в течение которого совершается действие (действие заполняет весь период времени): жить целую зиму в деревне, читать два часа, пробежать целую неделю, прослушать весь спектакль и т.д., ср. также: написать через неделю (после временного отрезка). Со словом каждый вин. пад. указывает на отрезок времени, в один из внутренних моментов которого совершается действие: я каждый день просыпаюсь в шесть часов.

3) Значение целостной меры пространства, количества действия, веса, стоимости: пробежать километр, я был у него пять раз, книга стоит рубль, рыба весит два килограмма, купить тонну яблок и т.д.

4) Значение объекта, на полный объем которого направлено действие (при переходных глаголах без предлогов): а) при конструктивных глаголах (делать, производить, рисовать, ткать, сочинять и т.д.); б) при деструктивных глаголах (уничтожать, разрушать, ломать, отравить, уморить, гасить и т.д.); в) при трансформативных глаголах (со значением действий, направленных на деформацию объекта, изменение его качеств, свойств: изменять, переделывать, модифицировать, обрабатывать, пахать, гнуть, тренировать и т.д.); г) при глаголах покрытия поверхности предмета (белить, красить, мазать, лакировать и т.д.); д) при глаголах количественного изменения объекта (уменьшить, увеличить, сократить, умножить и т.д.); е) при глаголах наделения чего-кого-л. объектом (одевать, раздевать, снаряжать, бинтовать, именовать, ковать и т.д.); ж) при глаголах очищения объекта (чистить, веять, мыть, полоть, фильтровать, мести и т.д.); з) при глаголах закрытия-открытия (закрыть, задернуть, открыть, вскрыть, распахнуть, распечатать и др.); к) при глаголах установления контактов предметов (соединить, склеивать, связывать, шнуровать, объединить и др.); л) при глаголах со значением подготовки к использованию объекта (готовить, заряжать, жарить, варить, ремонтировать, чинить, штопать и др.); м) при глаголах перемещения предмета (двигать, перемещать, бросать, везти, вешать, класть и др.); н) при глаголах установления притяжательных отношений (иметь, приобретать, получить, копить, воровать, красть, зарабатывать и др.); о) при глаголах эмоционального отношения к предмету (любить, ненавидеть и др.) и при других группах переходных глаголов.

Примечание. В предложениях с безличными глагольными сказуемыми типа Меня знобит, тошнит и под., У меня свело руки и

под. вин. пад. выступает в совмещенном значении – субъекта и объекта (стихийной силы), чем отличается от вин. пад. объекта при других значениях глаголов; ср. Меня ломает и Я сломал руку, У меня заложил ухо и Я заложил ухо ватой.

2. Значения винительного падежа с предлогами

Винительный падеж употребляется в современном русском языке с 10-ю предлогами: в, на, за, по, под, про, о, с, через, сквозь.

1) С предлогом в:

а) значение предмета, во внутренние пределы которого направлен другой предмет: идти в деревню, вбить гвоздь в стену, положить портфель в шкаф, одеться в платье, обуться в сапоги, обернуть книгу в газету, ранить в ногу, кусать в ногу и т.д.

Внутренние пределы предметов, воспринимаемых в виде плоскости, понимаются как ограниченное место на плоскости (как точки): ср. поцеловать в щеку, в лоб, метить в цель, стучать в дверь, уткнуться головой в подушку, смотреть в глаза, ударить в барабан, толкнуть в грудь, дуть в лицо и др., ср. также: попасть в точку.

В качестве внутреннего предела могут считаться пределы между предметами, внутреннее пространство предмета, среды: ср. идти в горы, упасть в траву, просунуть голову в дверь, надеть пальто в рукава, смотреть в окно, сесть в кресло и др. Отсюда обстоятельственно-характеризующие значения: говорить в нос, идти в брод, брести в полоску, бумага в клеточку, а также значение орудия: смотреть в подзорную трубу, затрубить в трубы, палить в пушки, принять в штывы, смотреть в лупу, ударить в колокол.

б) Значение деятельности, действия, состояния, коллектива, разряда лиц, объекта как внутренней сферы направленной включенности предмета (связано с расширительным и переносным осмыслением пространственного значения): вовлекаться в работу, отдать белье в стирку, избрать в президиум, выдвинуть в кандидаты, в депутаты, вмешаться в дела, поступить в институт, в партию, ввести в заблуждение, привлечь во внимание, вступить в брак, отдать в жены, идти в гости, в поездку по стране, вчитаться в статью, вслушаться в речь, прийти в чувство, в негодование, в восторг, падать в обморок, бросать в жар, произвести в чин, обратиться в христианство, выйти в ло-

ди, ставить в вину и др. Со значением "включенности" связано также употребление предлога в + вин. пад. в случаях: играть в футбол, в жмурки, в мяч (метонимическое название игры, в которой участвует лицо), влюбить (ся) в себя, верить в победу (предмет внутренней направленности мысли, чувства), в ружье! (метонимическое обозначение состояния готовности), обстоятельственной характеристики действия (плясать в присядку, курить в затяжку, жить впроголодь, спать вповалку, говорить вслух, ответить в один голос, звучать в лад и др. - букв. "быть включенным при совершении одного действия к другому сопровождающее действие или состояние").

в) Значение интегрированного целого: собрать в кучу, соединиться в семью, слиться в один поток, собирать в снопы, стрести в копны и под. (связано с пространственной инклюзией во внутренние пределы предмета).

г) Значение временного периода, отрезка, в один из внутренних моментов которого совершается действие: снег выпал в среду, это было в годы войны, в то время и др., ср. также: смелый в минуту опасности, уехать в бурю и др. Отсюда: во время, в течение, в продолжение чего-л., в первый раз, в кои веки и др.

д) Значение целостной меры пространства, времени, веса (связано со значением внутренних пределов меры, составляющих количество самой меры): комната в сорок метров, мороз в десять градусов, расстояние в пять шагов, зеркало во всю стену, бомба весом в тонну, туча в полнеба, щель в ладонь, дом в два этажа и др., ср. также: станет в копеечку, не ставить в грош, во столько-то раз (крат) лучше, больше, во всю ширину, наречия - вполовину, вдвое, втрое и др.

Это значение легло в основу обстоятельно-количественных значений: кричать во все горло, петь вс весь голос, выпить в три глотка, портрет во весь рост, ставить ни во что, стать во весь рост, во всю прыть, во весь спор, в меру, в волю и др.

д) Значение предмета, в который превращается другой предмет (при глаголах, обозначающих превращение или переименование): превратиться в студента, перерасти в войну, переделать сарай в кузницу, пустыню в сад, переименовать город Петроград в город Ленинград. Связано с представлением пространственного перехода во внутренние пределы другого предмета (ср. переехать в город), отсюда - "стать (внутренне) другим".

Со значением "стать другим" связаны обстоятельно-

характеризующие значения соответствия, приравнивания, совпадения, типа: разорвать в клочья, разбить в щепки, в пух и прах, износиться в лохмотья, затянуться в струнку, согнуться в дугу, идти в ногу, расположиться в кружок, обнищать в конец, в ущерб здоровью, говорить в лад, петь в такт, жить душа в душу, стать в тягость, говорить слова в слово, точь-в-точь и др. Ср. также значение "в качестве чего-л., в качестве назначения", связанное со значением приравнивания: давать в залог, в долг, в задаток, в наследство, в замену, в придачу, в помощь, в угоду, в память, во имя, в подарок, наречия-взамен, внаймы, взаимы, впрок; сказать в назидание, в утешение, в ответ, в укор, в досаду, в шутку, в насмешку, сделать в отместку, годиться в няньки, поставить в пример, дать в награду, приносить в жертву, спектакль в пользу кого-л., ср. не в службу, а в дружбу, не в обиду будет сказано, трудиться во славу чего-л., во избежание и др.

е) Значение лица, на которое похоже другое лицо по внутренним и внешним свойствам: сын весь в отца, дочь пошла в мать, уродиться в деда, она лицом в брата, но ср. значение только внешнего сходства с предлогом на: он похож на мать, на отца.

2) С предлогом на:

а) Значение внешних (наружных) пределов предмета, на которые направлено движение другого предмета. Если предмет является высоким или нижним по отношению к предмету, который направляется, то внешние пределы первого предмета представляются как верхняя поверхность: ср. взобраться на гору, вскочить на коня, положить книгу на стол, погрузиться на дно, надеть шапку на голову, налить воду на пол, наложить повязку на рану, есть на коня, на велосипед, опереться на палку и др. Если предмет является вертикальным по отношению к предмету, который направляется, то внешние пределы первого предмета представляются как вся передняя поверхность: налететь на дерево, наехать на столб, на пень, наткнуться на забор, потянуть на себя и др. Обозначенный предмет может служить стороной, ориентиром или наружным местом направления действия, движения: двигаться на восток, идти на улицу, ехать на костер, бежать на голос, идти на огонек, на охоту, на врага, прийти на спектакль, поехать на отдых, идти на работу, напасть на страну, поступить на службу и др. Ср. также: смотреть, глядеть, указать, ориентироваться на кого-что-л., переносные и отвлеченные значения глаголов - заботы

свалились на него, горе лёгло на его плечи, приходиться на ум, явиться на глаза, полагаться на него, на него нашла хандра, перевести на русский язык, воздействовать на среду, деньги на имя.

Одним из производных вариантов рассматриваемого значения является указание на лицо, против которого направлено действие: наговорить на меня, доносить на товарища, гасквиль на писателя, клевета на кого-л. и др.

Другим вариантом пространственного значения можно считать значение основы, опоры; ср. стать на колени, поставить машину на рессоры. Из этого значения возникли обстоятельство-характеризующие значения типа: жить на чужой счет, жить на стипендию, работать на свежую голову, говорить на память, жить на широкую ногу, лечь на пустой желудок, хромать на одну ногу и др., а также значение орудия: ловить на удочку, запереть на замок.

б) Значение основания повода, вызывающего состояние, реакцию лица (при абстрактных объектах): жаловаться на боль, обижаться на скуку, плакаться на судьбу, кричать на брата, злиться на друга, реагировать на раздражение, откликнуться на призыв, ссылаться на источник, надеяться на него, ср. название стихотворения "На смерть поэта" и др., дуться на друга, верить на слово и др. Видимо, связано со значениями направленности действия на абстрактный объект и основы, опоры чего-л.

в) Значение временного периода, отрезка, являющегося последующим по отношению к точке отсчета и локализирующего в один из своих моментов действие и др.: вернуться на другой день, назначить отъезд на утро, перенести лекцию на среду, в ночь на Новый год, ср. также с количественно-временными значениями (о чем см. ниже): выписать газеты на год, планы на будущее, полюбить на всю жизнь, работа на многие сутки и др. Связано с представлением о направленности на пределы предстоящего временного отрезка.

г) Значение объекта целевого или будущего назначения (связано также с направленностью на инклюзию): сумма, нужная на покупку, мех на шубу, деньги на ремонт, подарить что-л. на память, лес на постройку, работать на семью, дом на три семьи, на троих один топор, бочка на пять ведер, вынести на обсуждение, вызвать на дуэль, на беседу, взять на воспитание, не хватает на чай, подписаться на газеты, решиться на поездку, рассчитывать на помощь, учиться на слесаря, брать

на поруки, испытание на прочность, на страх врагам, на зло, на радость, на память, комната на двоих, наука - на службу народу, на его счастье, на всякий случай, на охоту ехать - собак кормить (поговорка) и др. Отсюда обстоятельно-определяющие значения: жадный на впечатления, бойкий на слова, мастер на выдумки, охотник на разговоры, падок на лесть, он на все горазд, ловок на разговор, готов на любой поступок и др. (характеризует склонность, готовность к чему-л. субъекта).

д) Значение объекта заместительства, обмена: менять квартиру на дом, променять забавы на покой и др. Видимо, связано также с отношениями "предшествования - следования", осмысленными из пространственной направленности на инклюзию.

е) Количественное значение, указывающее на распространение действия (состояния) в пределах всей обозначенной меры как имеющей внешние пределы: опоздать на минуту, задержаться на час, перевыполнить план на десять процентов, купить на рубль, продать на сто рублей, сократить на час, работы на целый год, состояние кассы на первое января, отпуск на месяц, он старше меня на пять лет, разделить на три части, разорвать на части, подразделить на параграфы, умножить на пять и т.д. С количественными значениями связано обстоятельно-характеризующее значение типа: кричать на весь лес, прославиться на всю страну.

Примечание: Во многих фразеологизмах вин.пад. с предлогом на имеет ограничительно-определяющее значение, связанное с представлением о внешней поверхности предмета: ср. крепкий на руку, кривой на один глаз, нечист на руки, глух на одно ухо, хорош на вкус, громкий на слух, красивый на вид и др.

3) С предлогом за:

а) Значение предмета, на тыльную (противоположную) сторону которого направлен другой предмет по линии взгляда: переселиться на реку, полететь за облака, бросить за окно, заткнуть пистолет за пояс, спрятаться за шкаф и др., в сочетаниях сесть за стол, за рояль, встать за станок предположно-падежная форма означает букв. "сесть, встать за тыльную сторону предмета, т.е. быть лицом к его передней стороне".

С этим значением связано указание на предмет, который захватывается рукой с тыльной стороны: брать за руку, держать за шнур, держать за ногу, схватить за косу, трогать за

уши, обнять за талию, тянуть за веревку, уцепиться за ветку и др. Отсюда сочетания с отвлеченными существительными типа: взяться за дело, приняться за работу, засесть за книги, цепляться за жизнь, тронуть за живое и др.

б) Значение временного периода, отрезка, предшествующего точке отсчета (совместно с предлогом до): за день до праздника, за полчаса до начала и под. (букв. "быть сзади временного отрезка до...").

в) Количественно-временное значение, указывающее на количество времени, затраченное на что-л.: выполнить работу за час, итог за год, сводка за неделю и т.д. (связано с предыдущим значением).

д) Значение предмета возмещения, заместительства (видимо из представления "быть сзади - быть вместо"): дежурить за него, работать за товарища, расписаться за брата, принять за ревизора, считать за счастье, признать за правило и др. Отсюда: заплатить за книгу столько-то, продать дом за столько-то, за бесценок и под.

е) Значение обуславливающего повода, стимула, причины (видимо, из представления "быть сзади - быть предшествующим - быть поводом, причиной): наказать за проступок, взыскать за нарушение, наказать за преступление, уважать за ум, благодарить за помощь, стыдиться за его поступок, критиковать за недостатки, волноваться за детей, радоваться за брата, любить за талант, извиниться за опоздание, испугаться за сестру и под.

ж) Значение предмета как объекта защиты, цели, заботы (видимо, связано с представлением "быть сзади - иметь в наличии"): бороться за мир, соревноваться за высокий урожай, отдать жизнь за Родину, агитировать за кандидата, хлопотать за него, голосовать за резолюцию, вступить за бедных, отвечать за успех дела, все за одного, ручаться за него и др.

Примечание: В выражениях идти (выходить) замуж за кого-л. (ср. также с твор. пад.: быть замужем за кем-л.) предлог за указывает на лицо, которому отдается что-либо в обладание, подчинение (из пространственного значения "направить что-либо за предмет" - "стать в зависимость, подчиненность"), подробнее см. в статье автора /4/.

4) С предлогом под (подо):

а) Значение предмета, в нижние пределы которого направлен другой предмет: идти под гору, входить под навес, взять

под руку, держать под мышки, положить под книгу, лететь под облака, ударить под ребро и др. Если существительное называет местность, то предложно-падежная форма указывает на непосредственную близость предмета к местности: перевезти под Москву, уехать под Харьков. Ср. это же значение в модифицированном виде с отвлеченными существительными; направлять под удар, отдать под суд, взять под контроль; ставить под угрозу, посадить под арест и др., обозначающими положение, условие, в которое ставят кого-л. (букв. "быть, каузировать быть "под" - "прикрытием"). Ср. также: размножить что-л. под копирку, идти под пули, взять деньги под расписку и др.

б) Значение временного отрезка, непосредственно предшествующего действию: встать под утро, приехать под вечер, собраться под Новый год, с количественным (приблизительным) оттенком - ему под сорок. Связано со значением непосредственной близости к предмету.

в) Значение сопровождающего предмета (букв. "быть под действием"): петь под аккомпанемент, думать под шум дождя, писать под диктовку, танцевать под музыку и под.

г) Значение уподобления, соответствия (связано со значением близости): покрасить под дуб, постричься под бокс, от-делать мебель под орех и др. Ср. также с оттенком предназначенности: обработать поле под капусту, разрыхлить землю под клумбы.

5) С предлогом об/о: обозначает предмет, на соприкосновение или столкновение с которым направлен другой предмет: тереться о забор, ударить о камень, ср. также: споткнуться о порог, стук о тарелки, устойчивые сочетания бок о бок, плечо о плечо, рука об руку и др.

6. С предлогом по:

а) Значение предмета, являющегося конечной границей, пределом пространственно-направленного распространения действия: засучить рукава по локоть, стоять по горло в воде, зарыться по пояс в снег, ср. также обстоятельственно-определятельные значения: сесть по левую руку, кланяться по обе стороны, влюбиться по уши, трава по пояс, море по колено и др.

б) Значение конечного временного предела (срока, события и др.) распространения действия: ср. по сию пору, жить с июля по август, количественно-обстоятельное значение -

полюбить по гроб жизни.

в) Значение предметной цели движения (из значения конечной границы): идти по грибы, по ягоды.

г) Значение числовых совокупностей: раздать по четыре книги (с числительными два, три, четыре, девяносто, сто и др.), собираться по пять человек, нам по тридцать лет, билеты по два рубля и под.

7. С предлогом с: вин. пад. выражает приблизительную меру в трех модификациях:

а) приблизительную меру пространства: пройти с два километра, с версту, с километр и под.,

б) приблизительную меру времени, веса, количества: ждать с час, весить с килограмм, погостить с неделю,

в) приблизительное сходство по размеру: воз с гору, мальчик с пальчик, мужичок с ноготок, орудец с дом и под. Ср. также вин. пад. при словах приблизительно, примерно: он весит приблизительно семьдесят килограмм, мы уже проехали примерно десять километров. Значение приблизительности предлога с, видимо, основано на его значении социативного сходства, уподобления (ср. с твор. пад. – сходный с чем-л., однородный с чем-л. и др.).

8) С предлогом через:

а) Значение предмета, на преодоление внутренних или внешних пределов которого направлен другой предмет: идти через деревню, просунуть палку через решетку, переступить через порог проехать через улицу и под. Отсюда обстоятельственно-характеризующие значения: жить через улицу, налить через край, проходить через руки и др.

б) Значение предмета, который минует, остается позади: через пять шагов, ср. фразеологизм – через пятое на десятое.

в) Значение промежутка времени, который остается позади: приехать через день, через ночь, через всю ночь и под.

г) Значение неблагоприятной причины (устар., из значения "быть позади"): через него, через вас.

д) Значение предмета как средства, способа осуществления действия (связано со значением "направить через другой предмет"): известить через друга, передать привет через товарища, писать через черточку и др.

9) С предлогом сквозь:

а) Значение, синонимичное пространственному предлогу через и имеющее признак "преодоления только внутренних пределов предмета": пройти сквозь чащу, увидеть что-л. сквозь тучу и др.

б) Значение состояния, действия, явления, за которыми (через которые) что-л. различается, замечается, происходит: сквозь шум машины неслось рокотание, сквозь жужжание мух слышно было гудение шмеля, отвечать сквозь рыдания. Отсюда обстоятельственно-характеризующее значение: сказать сквозь зубы, смотреть сквозь пальцы и др.

10) С предлогом про: употребляется для обозначения предмета речи, мысли (соответствует по значению предлогу о + предл. пад. и является устарелым): забыть про него, говорить про что-л. В некоторых случаях обозначает также предмет предназначенности: ср. не про нас написано, взять про запас, повторить про себя (=тихо, не вслух, только для себя), ни за что ни про что (=без причины и цели). Указанное значение предлога про с вин. пад. связано с его пространственным значением "через", сохранившимся в приставке про- (ср. пройти через лес), откуда значения предназначенности и изъяснительности как модификаций признака перспективной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. МГУ, 1956.
2. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
3. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III, СПб, 1912.
4. Шелякин М.А. Выходить замуж, жениться на... Русская речь № 2, 1986.

СИНТАКСИС ГЛАГОЛОВ НА -СЯ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ БЕСПРЕДЛОЖНЫМ

А.С. Петухов

Настоящая статья посвящена дальнейшему исследованию постфиксальных глаголов на основе их синтаксических свойств.

В первой своей работе /9/ мы проводили поиск общей функциональной базы, которая лежит во всех случаях употребления глаголов на -ся. Особое внимание было уделено тому, что происходит "слева" от глагола, и показано ослабление "субъектности" актанта, находящегося в позиции подлежащего. Цель данной работы - проанализировать изменения, которые происходят с "правыми" актантами при глаголах, подвергшихся постфиксации.

В русском языке подавляющее большинство глаголов на -ся сопоставимы с производящими глаголами. Это дает нам право рассматривать процедуру постфиксации как некоторое устройство, способное преобразовывать предложение, подаваемое на его "вход", в другое предложение, которое формально отличается от исходного как минимум наличием постфикса -ся у глагола. Сопоставляя предложения на "выходе" с предложениями на "входе", мы можем получить ответ на вопрос, как в том или ином случае функционирует постфикс.

Для того, чтобы свести к минимуму произвольность при сопоставлении, исходная и конечная синтаксические конструкции должны быть представлены в сопоставимом виде, т.е. различия между ними должны быть минимальны /см. I, с. 45-62/.

Схематически процедуру можно изобразить таким образом:^I

(Вход) NVN' \Rightarrow Постфиксация \Rightarrow NV-ся N'(Выход)

Схема не отражает утрату объектного актанта, но для нас сейчас важно сопоставить с исходной конструкцией именно то, что сохраняется. Разумеется, имена существительные в обеих конструкциях должны быть одни и те же.

^I Мы руководствуемся концепцией, согласно которой в основе любого предложения лежит трехкомпонентное ядро (см. 8, II).

В результате постфиксации глагола правый актант может претерпевать изменения. Эти изменения могут затрагивать как падежную форму (выбор которой обусловлен синтаксической сочетаемостью глагола с именем), так и функцию имени в предложении.

Здесь возможны 4 случая по числу перестановок двух элементов по двум признакам:

Падежная форма	-	изменяется (-)
		сохраняется (+)
Синтаксическая функция	-	изменяется (-)
		сохраняется (+)

Обозначив падежную форму буквой П, а функцию буквой Ф, мы можем перечислить все возможные случаи следующим образом:

- I. П⁺Ф⁺ (сохраняются и форма, и функция);
- II. П⁻Ф⁺ (падеж изменяется, функция сохраняется);
- III. П⁺Ф⁻ (падеж сохраняется, функция изменяется);
- IV. П⁻Ф⁻ (и падеж, и функция изменяются).

В качестве материала для анализа мы выбрали перечень глаголов на -ся, содержащийся в "Грамматическом словаре" /5/. В ходе работы выяснилось, что в этом словаре имеется некоторое количество форм, а не самостоятельных глаголов. Мы произвели отсев страдательных форм, воспользовавшись следующим диагностическим приемом. Если от глагола образуется деепричастие, способное в составе соответствующего оборота входить в правильное предложение, то перед нами самостоятельный глагол, а не страдательная форма /см. 6, с. 141/: Построившись перед домом, колонна затихла, но ср., например надеваться - *надеваясь, сгребаться - *сгребаясь, командироваться - *командируясь и под.

Мы исключили также из списка безличные глаголы, которые в силу их ограниченного употребления, - обычно в конструкциях с дательным падежом, - также следует считать формами соответствующих глаголов без -ся, кроме тех, которые в современном русском языке считаются производными. Так, например, мы исключили глаголы спаться, требоваться, но оставили мерещиться, нравиться.

С учетом всех этих соображений выяснилось, что среди словарных единиц на -ся^I, число которых в "Грамматическом

^I В русском языке имеются несколько существительных на -ся, поэтому корректнее было бы сказать "единицы на -ья". Примечательно, что данный формальный признак оказывается маркером глаголов.

словаре" составляет 7671, самостоятельных глаголов примерно 80%, страдательных форм и производных безличных - 20%.

Одним из самых распространенных "правых" актантов в предложениях с глаголами на -ся оказывается актант в форме творительного падежа без предлога. В этом легко убедиться, просмотрев несколько страниц любого текста. Глаголы, сочетающиеся с именами в творительном падеже в составе ядерных конструкций, мы и решили исследовать в первую очередь.

Следует отметить, что, хотя установление функций существительных (в той или иной падежной форме) осуществляется в ходе анализа отобранного материала, сам отбор также в некоторой степени предполагает учет характера функций. Дело в том, что среди актантов, выраженных формой творительного падежа без предлога, оказываются и такие, которые выполняют в предложении функцию места, времени и сравнения. Они легко выделяются и могут стать предметом изучения, но в нашей работе мы их не рассматриваем. Актанты, выполняющие перечисленные функции, принципиально отличаются от таких актантов, как, например, субъект, объект, адресат /см. также IO/. Имена, называющие место, время и предмет сравнения, не называют участников типизированной ситуации (партиципантов), которая передается в предложении. Такие имена служат для оформления "коммуникативной рамки". Их выбор и включение в предложение осуществляется говорящим для установления пространственно-временных координат, в которых протекает событие, но которые в событии не участвуют. Это, так сказать, способ существования событий. Сравнение же - это способ осуществления ассоциативного сопоставления, значимого для говорящего.^I В этом смысле творительный сравнения подобен творительному предикативному, и, вероятно, они связаны между собой генетически.

Итак, при отборе глаголов, способных сочетаться с именами в творительном беспредложном, мы не учитываем творительный места, времени и сравнения. В результате отбора мы получили список, в котором оказалось приблизительно 530 глаголов (употребление наречия "приблизительно" обусловлено неизбежным, видимо, некоторым числом маргинальных случаев). Все глаголы из полученного списка мы подвергли сопоставлению с соответствующими им глаголами без постфикса. Сопоставление шло не в сочетаниях "глагол плюс имя", а в составе ядерных

^I См. замечание В.В. Виноградова о том, что "стрелой" в выражении "несть стрелой" тяготеет к наречиям /З, с. 147/.

конструкций, что должно обеспечивать более полное выявление синтаксических свойств глаголов и значительно уменьшить элементы случайности.

Среди наших глаголов оказалось около 90 глаголов, несопоставимых с исходными (первичными) глаголами. Несопоставимость вызвана различными причинами, главные из которых следует назвать: а) морфологическая несовместимость, когда производный глагол образован префиксально-постфиксальным способом (иногда его называют "конфиксальным" или "циркумфиксальным"), и ему не соответствует исходный глагол, где имеется тот же префикс: разговеться - говеть (*разговеть); отзаниматься - занимать (*отзанимать); б) несопоставимость по отсутствию в современном русском языке исходного глагола: распоряжаться - *распоряжать, подвизаться - *подвизать, гордиться - *гордить и др.; в) несопоставимость в силу значительного исторического изменения семантики глаголов: оказываться - оказывать, поступаться - поступать и др.¹

Остальные глаголы, числом около 440², сопоставимы с соответствующими им глаголами без постфикса, участвуют в образовании трехчленных ядерных конструкций и обнаруживают принадлежность к тому или иному типу изменений правого актанта.

1. Самая многочисленная группа глаголов (около 290) - это глаголы, при которых правый актант остается без изменений по сравнению с исходным глаголом (схема П⁺Ф⁺):

- (1) { Парикмахер освежил клиента одеколоном.
Парикмахер освежился одеколоном.
- (2) { Врач лечил пациента травами.
Врач лечился травами.

В большинстве своем это хорошо известные глаголы так называемого возвратного действия, а также глаголы, сочетающиеся с творительным предикативным, которые в ряде случаев семантически оказываются сродни возвратным. Общей чертой возвратных и близких им глаголов на синтаксическом уровне является, как известно, возможность регулярной замены у них постфикса -ся возвратным местоимением "себя". На глубинном уровне при них наблюдается "однореферентность актантов" /4, с. 12/, что, собственно и отображается в их поверхностном синтаксисе.

¹ Подробно сопоставимость/несопоставимость описана в кн. /12/.

² При всех подсчетах члены видовых пар учитывались, как и в "Грамматическом словаре", в качестве отдельных единиц.

Мальчика назвали Петром.

Мальчик назвался Петром (назвал себя).

Некоторые глаголы не позволяют замены постфикса возвратным местоимением, но форма и функция правого актанта при них — те же, что и при исходном глаголе (творительный предикативный), поэтому такие глаголы по праву принадлежат первой группе.

Старшина оставил Петра дежурным:

Старшина остался дежурным.

II. Следующая группа глаголов — это глаголы, при которых в результате постфиксации сохраняется падежная форма актанта, но изменяется его функция в предложении (схема П'Ф').

В сущности, всю эту группу возглавляет и наиболее авторитетно представляет глагол ударить (ударить). Остальные глаголы, попадающие в данную группу, являются экспрессивными синонимами и разновидностями "центрального" глагола: шмякаться, брякаться, звездануться, лягнуться и т.д.

Сравним употребление глаголов этой группы с употреблением соответствующих производящих глаголов:

(1) Нападающий ударил головой (мяч, по мячу)

(2) Нападающий ударился головой.

В предложении (1) с исходным глаголом существительное "головой" выполняет функцию инструмента, орудия. Это подтверждается свободным выбором имени:

Нападающий ударил палкой, клюшкой, ракеткой (по мячу).

В предложении (2) выбор имени резко сужен. Существительное тут может обозначать только предмет неотчуждаемой принадлежности субъекту, часть субъекта; в том числе и в тех случаях, когда субъект — не человек: Автомобиль ударился бампером (в столб). Интересно, что когда субъектом является не человек, а неодушевленный предмет, то выбор актанта сильно ограничен и при соотносительном глаголе без -ся. Очевидно, в этом случае функцию творительного целесообразно считать способом, а не инструментом: Автомобиль ударил бампером (в столб). Отличие при выборе глагола на -ся или без -ся связано, очевидно, с той или иной степенью намеренности/ненамеренности.

Изменение функции правого актанта по той же схеме (инструмент — способ) наблюдается и при глаголах, семантически отличающихся от глагола "ударить": глагол "цепляться" и его дериваты. Например:

Он цеплял багром, руками, сетью, якорем кусты.

Он цеплялся руками за кусты.

(Ср.: *Он цеплялся сетью за кусты).

В этой группе мы насчитали 37 глаголов. Перечислим их:^I
толкаться, царапаться, зацарапаться, шмякаться, брякаться, бахаться, бабахаться, тарарахаться, шандарахаться, шарахаться, трахаться, пихаться, грохаться, бацаться, удариться, по-
платиться, шибануться, звездануться, конкнуться, шваркнуться, ткнуться, стукнуться, тукнуться, шмякнуться, брякнуться, ляпнуться, треснуться, хряснуться, трахнуться, грохнуться, бацнуться, цепляться, зацепляться, прицепляться, уцепляться, ударяться.

Характерной чертой для всех этих глаголов является и невозможность замены постфикса возвратным местоимением:

Он ударился плечом (о стену).

*Он ударил себя плечом.

III. Следующая группа - это глаголы, после которых актант изменяет форму, но функция его остается той же, что и при исходном глаголе без -ся (схема ПФ⁺).

Рассмотрим примеры:

(1) Учитель задал (нам) вопрос (, есть ли жизнь на Марсе?)

(2) Учитель задался вопросом (, есть ли жизнь на Марсе?)

И в том, и в другом предложении существительное "вопрос" выполняет объектную функцию, но если в (1) "объект" направлен или может быть направлен "внешнему" по отношению к субъекту адресату, то в (2) "адресатом" оказывается сам субъект.

Рассмотрим еще пример:

(1) Мы запасали дрова своим соседям.

(2) Мы запасались дровами.

В предложении (2), в отличие от (1) действие ограничивается интересами того, кто его совершает.

Перечислим эти глаголы: задаваться (целью), обмениваться (товарами), заслушиваться (речами), перекидываться (мячом), перебрасываться (шутками), разбрасываться (деньгами), зачитываться (стихами), задаться (вопросом), кидаться (песком), раскидаться (сеном), загружаться, нагружаться (зерном), напасаться (рыбой), бросаться (цветами), зачитаться (рассказом), одолжиться (деньгами), загрузиться (углем), на/пере/до/грузиться (балластом), делиться (хлебом), поделиться (водой), броситься (песком), швырнуться (снегом), меняться,

^I Во всех наших списках мы сохраняем порядок расположения глаголов, представленный в "Грамматическом словаре".

обменяться (значками), разменяться (мелочью), поменяться (местами) (всего - 29 глаголов).

Среди перечисленных глаголов имеются и глаголы взаимно-возвратного действия (реципрокные), но это дополнительное значение получено ими не от постфикса -ся, поскольку такие глаголы по своей семантике изначально являются интерактивными (меняться и другие подобные):

Н. обменял (мне) ручку на зажигалку.

Мы обменялись зажигалками.

Такого рода действия осуществляются только между - самое меньшее - двумя равноправными участниками ситуации, поэтому глаголы, называющие эти действия, иногда именуют "симметричными предикатами" или глаголами, обозначающими "симметричное двухместное отношение" /I, с. 45/.

Исключение "внешнего" адресата, ограничение распространения действия "интересами" самого субъекта - это самая характерная черта данных глаголов, несмотря на значительные различия их семантики.

IV. К четвертой группе принадлежат глаголы, при которых правый актант изменяет в процессе постфиксации и падежную форму, и функцию. Группа очень немногочисленна, в ней всего 13 глаголов:

напрягаться	нахвалиться
повреждаться	похвалиться
упираться	расхвалиться
повредиться	помериться
прислониться	смериться
приложиться	дотянуться
хвалиться	

При данных глаголах происходит следующие изменения: объектный актант исходного глагола в результате постфиксации резко понижается в ранге до актанта способа; изменение сопровождается и тем самым маркируется соответствующими изменениями его формы:

Он приложил ухо (палец, магнит, датчик) к рельсу.

Он приложился ухом к рельсу.

Ср. *Он приложился магнитом к рельсу.

В этой группе, как и в группе II, происходит понижение ранга актанта, но гораздо более сильное. Если там "инструмент" ослабляется до "способа", то в данной группе до функции "способ" "деградирует" самый высокий по рангу правый актант.

Наконец, нам осталось описать еще одну группу глаголов, которые не укладываются в общую схему, увязывающую форму актантов с их функциями. Оказалось, что ядерным конструкциям с этими глаголами противостоят исходные конструкции с иным расположением актантов. Группа гораздо более многочисленна по сравнению с уже рассмотренными четырьмя группами (80 глаголов). Семантика глаголов весьма разнообразна, но все эти глаголы объединяет общее для них синтаксическое свойство. Постфикс, благодаря которому появились эти глаголы, обнаруживает и реализует в данном случае функцию, которую можно назвать перестановочной или синтактико-конверсивной. Глаголы, попавшие в данную группу, требуют более подробного рассмотрения. Начнем с примера:

(1) Облака заволакивали вершину горы.

(2) Вершина горы заволакивалась облаками.

Перед нами две сопоставимые ядерные конструкции, которые отличаются не только наличием постфикса -ся у глагола в предложении (2), но и тем, что актанты в них поменялись своими позициями. Почему?

Мы полагаем, что в предложениях с глаголами без -ся, являющихся коррелятами глаголов последней группы, субъект не противостоит объекту по активности, как это мы наблюдаем особенно отчетливо в предложениях с переходными глаголами типа Рабочие валят лес. Совершенно ясно, что субъект такого предложения ("рабочие") активно воздействует на предмет, имя которого поставлено в предложении в позицию объекта. В позиции субъекта здесь актер, т.е. деятель как по своему центральному положению в предложении, так и по денотативному статусу имени (человек, лицо).

В предложении Капля точит камень также имеется актер - "капля", хотя денотат этого имени вовсе не обладает активностью деятеля. Однако "активность" имени здесь "поднята" семантикой глагола и синтаксической позицией в предложении.

Активность деятеля может быть не только поднята, активность может быть и снята или ослаблена. Так, в ядерной конструкции это ослабление может осуществляться либо: а) устранением объекта: Дочь читает книгу → Дочь (уже) читает (в смысле "умеет читать"); либо б) выбором глагола: Дочь прыгает → Дочь спит.

Мы видим, что здесь в обоих случаях при устранении противостояния субъекта объекту субъект утрачивает свою активность и становится просто носителем признака.

Выделенная нами группа глаголов обладает общим свойством - все они снимают противопоставление "субъект - объект". Субъект в конструкциях с этими глаголами, - как и с их производящими коррелятами, - таковым считаться может только по падежной форме и по позиции, т.е., фигурально говоря, имя просто занимает место субъекта, причем без всяких на то семантических оснований, точно так же, как в предложениях со "стертыми" падежными показателями: Корабли ломают льды (Льды ломают корабли).

Рассмотрим два предложения

(1) Девушку увлекла журналистика.

(2) Девушка увлеклась журналистикой.

Нет никакого сомнения в том, что двумя разными способами передана одна и та же ситуация. При этом точно так же ясно, что ни "девушка", ни "журналистика" ничего не предприняли для создания такой ситуации. Все сложилось само по себе, спонтанно. Почему же в одном случае в позиции подлежащего оказывается один актант, а в другом - другой?

Выдвижение актанта по сравнению с другими зависит от воли говорящего. Для этого в его распоряжении имеется ряд средств: порядок слов, пассивизация, выбор интонационной конфигурации в устной речи. Постфиксацию некоторых глаголов тоже следует считать одним из таких средств выдвижения одних актантов на передний план и перемещения других на периферию высказывания.

Перед нами не пассивизация конструкции, при которой настоящий, активный субъект исходной конструкции перемещается вправо от глагола и оформляется как периферийный актант.

Перед нами явление, которое в синтаксическом плане несколько напоминает пассивизацию (наблюдается перестановка актантов относительно глагола) и должно рассматриваться как явление коммуникативного, или - шире - прагматического плана, как некоторый аналог актуального членения. Но если при актуальном членении можно выдвинуть в "фокус внимания" практически любой компонент предложения, то с помощью постфиксации данного типа происходит выдвижение одного из участников ситуации, в предложении - актантов (главных).

Нам представляется, что, исследуя синтаксические свойства глаголов этой группы, мы можем наблюдать, как работает "... языковой механизм приоритетных стратегий, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих менее значимые" /2, с. 343/.

В заключение приведем перечень глаголов, вошедших в группу, демонстрирующую перестановочную, или, точнее, актуально-перестановочную функцию постфикса -ся:

заволакиваться	увенчаться	прельститься
обволакиваться	закончиться	возмутиться
взбадриваться	кончиться	насытиться
ограничиваться	окончиться	пресытиться
завершаться	восхищаться	пересытиться
завершиться	насыщаться	озадачиться
руководствоваться	пересыщаться	отягчиться
интересоваться	прельщаться	отличиться
за/поинтересоваться	позабавиться	ограничиться
напитываться	славиться	мучиться
пропитываться	прославиться	тешиться
обкутываться	одушевиться	натешиться
окутываться	воодушевиться	потешиться
укутываться	руководиться	утешиться
восторгаться	плениться	завершиться
наслаждаться	смениться	подернуться
услаждаться	соблазниться	прославляться
увлекаться	полниться	воодушевляться
заниматься	на/переполниться	входновляться
позаниматься	до/пополниться	пленяться
напитаться	удовлетвориться	сменяться
пропитаться	восхититься	соблазняться
окутаться	озаботиться	заполняться
укутаться	тяготиться	наполняться
отличаться	отяготиться	удовлетворяться

Мы рассматривали глаголы на -ся, участвующие в трехчленных ядерных конструкциях, и показали, что при сохрании "правого" актанта он утрачивает свою значимость в предложении: из обязательного становится факультативным, из центрального - периферийным, что можно назвать снижением ролевого ранга.

Снижение ролевого ранга может происходить по-разному. Рассмотрим пару предложений, взятую из работы /7/:

Он хвастает своими успехами.

Он хвастается своими успехами.

Различие в значении и употреблении этих предложений объяснить затруднительно. Видимо, перед нами действительно синонимичные предложения. В данном случае говорить об "ослаблении" правого актанта говорить нельзя, и подобные немногочис-

ленные случаи следует рассматривать как примеры нейтрализации основной функции постфикса -ся. Это одна крайность - нейтрализация, или "нулевое" действие постфиксации, - которая лишь подтверждает общую закономерность снижения ролевого ранга правых актантов.

Другой крайностью воздействия механизма постфиксации на синтаксическую конструкцию является предельное "ослабление" актанта до полного его исчезновения. Рассмотрим примеры:

- (1) Крапива жжет своими колючими листьями.
- (2) Крапива жжется.
- (3) ?Крапива жжется своими колючими листьями.
- (4) Дедушка грозит пальцем (внуку)
- (5)*Дедушка грозитя пальцем.

Среди этих примеров не вызывает сомнений правильность предложений (1), (2) и (4). Предложение типа (3), хотя и может встретиться, не носит нормативного характера, а предложение (5) имеет уже ярко выраженный характер неправильного.

Таким образом, мы обеими этими крайностями как бы выделили набор, спектр конструкций, которые получаются в результате действия механизма постфиксации. Все конструкции с рассмотренными в настоящей статье группами глаголов располагаются между двумя крайними точками, одна из которых - "нулевое" изменение актанта, другая - устранение актанта.

Обобщая наблюдения над рассмотренными нами глаголами, мы можем сделать вывод, что во всех группах постфиксация служит для передачи изменения взаимодействия между актантами в предложении, причем изменения эти происходят в сторону снижения семантического ранга актантов.

Наблюдаемый процесс в точности соответствует воздействию постфиксации и на левый актант. Таким образом, общая, инвариантная функция глагольной постфиксации - снижение семантического ранга актантов по сравнению с предложениями, построенными на основе исходных глаголов без постфикса -ся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. - М.: Наука, 1967. - 248 с.
2. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка. // Изв. АН СССР, сер. лит. и языка - 1981. - Т.40, № 4. - С. 343-355.

3. Виноградов В.В. Русский язык. - М.: Высшая школа, 1986. - 640 с.
4. Генюшене Э.Ш. Рефлексные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. - Вильнюс, 1983. - 168 с.
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1980. - 880 с.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 368.
7. Лобанова Н.А. Синтаксическая сочетаемость возвратных глаголов в современном русском языке. - Автореферат дисс. ... к. филолог. н. - М.: МГУ, 1966-1967 с.
8. Мартынов В.В. Категории языка. Семиологический аспект. - М.: Наука, 1982. - 192 с.
9. Петухов А.С. К типологии субъектно-объектных отношений в конструкциях с глаголами на -ся. - Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 825. Системные и функциональные аспекты языка. Тарту, 1988, с. 53-64.
10. Храковский В.С. Конструкции пассивного залога. - В кн.: Категория залога. Материалы конференции. - Л., 1970, с. 27-41.
11. Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. - Автореферат дисс. ... к. филолог. н. - Саратов, 1972. - 39 с.
12. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. - М.: АН СССР, 1962. - 246 с.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫ ЛИ БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ?

В. П. Щаднева

Как известно, история изучения эллипсиса (неголноты, редукции) берет начало еще в античном языкознании. Однако до сих пор эта тема не исчерпала себя, поскольку, "несмотря на обширную литературу..., посвященную неполным предложениям, граница между полными и неполными предложениями не определена, следовательно, само противопоставление этих явлений не стало еще достаточно четким" /3, с. 106/.

Наиболее существенные причины такой непреходящей актуальности названной темы несомненно заключаются и в необыкновенном разнообразии конкретных проявлений эллипсиса, и в исключительной полифункциональности данного лингвистического феномена, удовлетворительного объяснения которому не дал ни структурно-грамматический, ни стилистический (и их многочисленные разновидности) подходы. Сказанное в первую очередь относится к так называемым эллиптическим (в узком смысле) предложениям, то есть к таким безглагольным конструкциям, которые нередко выводятся за рамки неполных предложений и квалифицируются как особая конструктивная разновидность самостоятельных предложений, не имеющих полноструктурных соответствий якобы в силу их смысловой достаточности. Последняя, согласно данной точке зрения, находит проявление и при извлечении подобного безглагольного предложения (з дальнейшем - БП) из контекста, ситуации, то есть и вне условий употребления. Это конструкции типа:

1. Я по городу.
2. Да разве я о себе?
3. Михаил - за ним.

Объявляя подобные конструкции достаточными в смысловом отношении, традиционный анализ БП по сути дела базируется на некоем обыденном представлении о понятности/непонятности содержания предложения, изолированного от дискурса. Между тем общеизвестно, что изолированная единица не допускает оценки с позиций понятности/непонятности, поскольку в смысловом плане любая единица вне дискурса в той или иной мере ущербна. Важно и то, что для традиционной точки зрения оценка по-

нотности/непонятности содержания пересекается с определением однозначности/неоднозначности смысла. При этом крайне характерным является тот факт, что БП уже априори оцениваются только как однозначные, понятные и без учета специфики условий функционирования. Поэтому приведенные выше примеры не случайно даны изолированными от окружения, то есть в духе традиционного подхода: последующее изложение материала покажет, что данная точка зрения не может считаться соответствующей истине, коль скоро реальный языковой материал свидетельствует о том, что перечисленные ранее примеры БП оказываются потенциальными носителями разных смыслов.

Тем самым, значение БП можно сравнить со значениями многозначного слова: последние всегда конситуативны, причем, не только вторичные (производные, переносные), но и первичное (прямое), хотя последнее наименее контекстуально обусловлено и наиболее частотно.

В то же время, хотя апостериорно, как уже было сказано, однозначная оценка смысла БП не может быть признана истинной, нельзя не согласиться с тем, что для носителей языка БП действительно предоставляют определенную возможность выявить некий смысл и вне условий функционирования. Это тот смысл, который можно назвать общим доминантным значением (например, значение направления или отправления движения, значение речи или мысли, значение адресованного действия и т.п.). Именно факт наличия общего доминантного значения и порождает тезис о смысловой достаточности подобных конструкций, что, в свою очередь, служит аргументом для того, чтобы считать самодостаточной саму безглагольную модель, а в результате - используется как доказательство системной языковой природы этой безглагольной модели.

Присвоение БП-ию статуса самостоятельной единицы, то есть автономной единицы языковой системы, означает признание за той или иной безглагольной моделью лишь одного общего доминантного смысла и никакого иного. Между тем этот смысл носит не абсолютный, а только статистический характер, то есть лишь обладает определенной предсказующей силой. А это значит, во-первых, что в реальном общении для безглагольной структуры релевантным может оказаться не только общий смысл, но и вполне конкретный: "Я по городу - сказал Григорий секретарше, выйдя в приемную. - Сегодня не вернусь".

Секретарша кивнула утвердительно: ей было понятно - Григорий Иванович пойдет по городу с инспекционной проверкой. А

уважения заслуживало в ее глазах то, что он именно пойдет, а не поедет, как ездят другие начальники". (В. Михальский "Тайные милости").

Приведенный пример свидетельствует о том, что конкретные условия употребления выявляют и конкретный смысл, представляемый конкретной лексемой. Аналогичная ситуация наблюдается и в следующих случаях:

1. - У меня есть вопрос! - воскликнул руководитель телевизионной группы.
- Слушаю вас!
- Я не к вам. ("Крокодил", 1987, № II).
2. Вижу: Василий махнул через плетень. Михаил за ним. ("Подъем", 1987, № II).
3. Марина шепчет: "К нам! О боже!..." "Молчи!" - Данила на нее.
4. Сплонул он и ко мне: "А я вот могу один подарочек сделать..." ("Подъем", 1987, № II).
5. - А главное, о себе поменьше думай.
- Да разве я о себе? (И. Грекова, "Маленький Гарусов")
6. Ручную кладь - в полиэтиленовые мешочки и сдать.

Если исходить из идеи о том, что к неполным предложениям можно отнести только такие, которые характеризуются обязательным восполнением из конситуации, то может последовать возражение, что во всех приведенных примерах мы имеем дело с обычной ситуативной или контекстуальной неполнотой. Однако нельзя не согласиться и с тем, что крайне непоследовательно одни и те же реальные ПП рассматривать, то как представляющие обычные неполные предложения, то как эллиптические в узком смысле, например, в случаях:

1. - Я пойду с вами. Вы к себе в палату?
- Нет, сначала зайду в процедурный кабинет.
2. - Разрешите вас проводить? Вы к себе в палату? Спите после обеда?
- Нет, никогда.

В первом примере уже сам дискурс свидетельствует о том, что за поверхностной вербализованной структурой стоит структурная схема с "нулем". Во втором примере этого нет, то есть мы имеем дело с нейтрализацией конкретного лексического значения, при которой релевантен только общий доминантный смысл (Именно такого рода случаи традиционная трактовка поднимает на щит, доказывая самостоятельность эллиптических предложений). Но этот же смысл налицо и в первом примере, чего также

нельзя игнорировать. Здесь конкретный смысл глагола и общий доминантный смысл как бы уравновешены, во втором же примере акцент делается на доминантном значении. То есть абсолютно отличными по значению анализируемые структуры не назовешь. Но, на наш взгляд, нет отличий и в структурной схеме: она в обоих случаях имеет "нуль", поскольку нейтрализация не исключает возможности квалифицировать подобные случаи, опираясь на аналогию со сходными по значению предложениями, обладающими вербализованным окружением.

О наличии в БП "нуля" свидетельствует и другой факт, а именно: в процессе функционирования может выясниться также, что реальное БП вовсе не обладает тем самым общим доминантным смыслом, который как бы навечно приписывается той или иной разновидности безглагольных структур. То есть БП может иметь различное осмысление в зависимости от специфики дискурса.

К сожалению, в пределах данной исследовательской сферы сложилась традиция опираться исключительно на языковую компетенцию носителей языка. Между тем иноязычные информанты гораздо четче осознают прагматическую многозначность изолированного БП. И это не случайно. Как показывает практика работы в нерусской аудитории, русские БП усваиваются далеко не без труда (см. также /5, с. 85/), поскольку в родном языке аналогичные частные структуры или не имеют места, или же оказываются крайне редкими. В частности, по данным Э.Рич, "... не во всех языках существуют сокращения подобного рода: по-английски, например, нельзя сказать "Я домой" /5, с.85/. Сходная ситуация наблюдается и в эстонском языке: элиминирование глагола представляет собой скорее всего исключение, чем правило, и во многих случаях оно недопустимо, например: С самых малых лет она матери помогала - и по дому, и в орроде. Мать по воду - и она с ней; мать с ведрами, Верочка е с кувшинчиком. Juba noorest east aitas ta ema - nii kodutöödes kui aias. Läheb ema vee järele - läheb ka tema emaga kaasa; ema läheb ämbritega, Veerake - kannuga.

Как же воспринимается иноязычными информантами подобные БП? Знаменательно то, что "расшифровка" смысла осуществляется с помощью глагольного предиката. Без такого восполнения "нуля" глагольным словом невозможно не только говорить о каком-либо действии, но и вообще осознать его. Поэтому при переводе, например, на эстонский язык БП должны быть представлены полноструктурно: с эксплицированным глаголом. То есть,

несмотря на непризнание рядом исследователей как необходимости; так и возможности восстанавливать, домысливать представленный "нулем" компонент, носители других языков "оглаголивают" русские БП. Впрочем, в случае двусмысленности так же поступают и носители русского языка. А это означает, что в БП наблюдается такое же мнимое отклонение от полной структурной схемы, как и при обычной, не вызывающей возражений неполноте. Поскольку восприятие БП нерусскими происходит исключительно через посредствующее глагольное слово, крайне важно осознать, за счет чего обеспечивается понимание русской конструкции с имплицитным компонентом, какие "подсказки" позволяют осуществить адекватный перевод? Обычно апеллируют только к внутреннему контексту БП, то есть к лексико-грамматическому наполнению предикативной единицы.

Однако особенностей строения внутренней структуры далеко не всегда достаточно для адекватной репрезентации смысла БП, поскольку тот или иной информативный объем может оказаться недостаточно определенным.

Непосредственными же "подсказками" - конкретизаторами смысла оказываются иные давно известные факторы: 1) реальная ситуация, то есть конкретные условия непосредственного устного общения; 2) контекстуальная ситуация, то есть ситуация, которая дана не в непосредственном наблюдении, а в вербальном описании (как в устной, так и в письменной форме); 3) внешний контекст, то есть не связанное с описанием ситуации (как во втором случае) вербальное окружение БП, точнее, лексико-грамматические параметры соседних (обычно предшествующих) предикативных единиц, на фоне которых воспринимается конкретное БП. Перечисленные факторы обычно взаимодействуют с внутренним контекстом. Традиционно же декларируемая смысловая и структурная достаточность, фактически означающая отрицание эллиптичности БП, на практике оказывается несостоятельной, поскольку, как считает Э.Адриан /I, с. 533/, для носителя другого языка в конструкции "Он - домой" может соддержаться сигнал пропуска не только глагола "идти", но и "звонить", "писать" и т.п. Это подтверждает практика реального общения, например:

I. Ситуация: один из работников учреждения подходит к телефону, стоящему на столе другого работника, который не поднимает головы от лежащих на столе бумаг.

- Я - домой (указательный жест в сторону телефона).

- Не рано ли собрался? Еще минут сорок работать.

2. Ситуация: Сослуживцы знают, что в течение рабочего дня А. несколько раз звонил домой, волнуясь о здоровье тяжело заболевшей матери.

- Я - домой.

- Позвони, конечно!

- Да нет, пойду отпрошусь на сегодня. Все равно не работается.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что только учет конкретных условий функционирования предложений позволяет устранить непонимание, за которым стоит многозначность самой структурной схемы с нулевым замещением глагола-сказуемого. Только учет специфики функционирования способствует выявлению конкретной семантики, вложенной в конструкцию говорящим. Причиной же непонимания собеседниками друг друга является доминантное осмысление БП в первом случае (в частности, значение направления движения). Но это несомненно релевантное для носителей языка осмысление не является единственно возможным, так как статистическая предсказуемость не означает обязательной однозначности. Подтверждением сказанному является второй пример, в котором прежде всего "срабатывает" установка на знание конкретной, актуальной для адресата и адресанта ситуации. Двусмысленность же устраняется за счет постпозитивного контекста и (или) ситуации. Все сказанное означает, что для носителей языка обе приведенные поверхностные структуры подводятся под одну и ту же структурную схему и оцениваются одинаково: как структуры с нулевым знаком. Поэтому БП с общим доминантным значением можно считать особой статистически наиболее предсказуемой структурной подмоделью обычной неполной модели.

Все это является доказательством опущения в БП глагола-сказуемого и подтверждением мысли Э.Адриана о том, что у БП "семантика определяется конситуацией"/I, с. 533/.

Отрицание значимости конситуации при выявлении смысла конкретного БП означает игнорирование дискурса, синтагматики самого БП. В этом факте находит проявление господствующий внутрисктурный подход, ограничивающийся информативным минимумом изолированного БП. Однако, несмотря на явную популярность названной точки зрения, ее нельзя признать бесспорной не только в силу ее односторонности, но и потому что она опирается на ставшее довольно популярным, но недостаточное убедительное разграничение синтаксических типов именных словоформ на свободные и связанные /3, с. 109/. Не случайно,

что в последнее время утверждение, согласно котсрому специфика БП определяется исключительно системой языка и не зависит от особенностей конкретного коммуникативного акта, ставится под сомнение, а традиционная точка зрения на БП сменяется признанием, правда пока довольно робким, их синтагматической зависимости. Так, А.П. Сквородников считает, что со стороны лексического значения БП являются фактом языка, а со стороны грамматического значения - фактом речи, обусловленным контекстом и ситуацией /6, с. 29/.

Почему же традиционный подход направлен исключительно на данные, извлекаемые из внутренней структуры? Думается, не только потому, что структурный подход - это целая эпоха в синтаксисе предложения, но и потому, что структура БП действительно дает некоторые основания для провозглашения БП самостоятельным типом. Каковы эти основания?

Наблюдения над фактическим материалом свидетельствуют о том, что для БП вопрос о связи синтаксиса и лексики и, в частности, о зависимости смысла БП от специфики лексико-грамматического наполнения, встает особо остро. Однако внутрискруктурные факторы, способствующие известной определенности смысла БП, то есть восприятию (в случае изоляции БП от условий функционирования) в первую очередь его общего доминантного значения, обычно не изучаются углубленно. Синтаксисты ограничиваются лишь теми лингвистическими данными, которые предоставляет поверхностная синтаксическая структура. Такими данными оказываются общие лексико-грамматические параметры, представленные в структурной схеме определенными словоформами. При этом конкретное лексическое значение словоформы оказывается на втором плане. Между тем не следует забывать, что конститuentами формы реального предложения, то есть предложения в речи, являются лексемы в конкретизированном виде. Здесь уместно напомнить слова Э.Бенвениста: "Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избавиться от ее коррелята - значения. Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и сделаться от него. Напрасные попытки - оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает" /2, с. 136/.

В применении к нашему случаю следует учитывать, что "открытие в лексике способности активно участвовать в организации семантики предложения выдвигает ее в число грамматических средств" /4, с. 33/.

В рамках данной статьи мы не ставили задачу дать детальный анализ лексического наполнения безглагольных структур. Но выявление той роли, которую играет определенная лексика в формировании БП, оказывается целесообразным, поскольку в ходе анализа выясняются связанные с лексикой параметры, способствующие возникновению общего доминантного смысла, а тем самым - созданию иллюзии смысловой завершенности БП.

Прежде всего принципиально важно, что в реализации самых разных значений, носителями которых может быть рассматриваемая разновидность предложений, участвуют совершенно определенные лексико-грамматические разряды слов (разумеется, в данном случае речь идет только о вербализованных компонентах). Тем самым можно говорить о существовании определенных лексических ограничений в организации БП. Каковы эти ограничения?

Общая специфика семантического наполнения безглагольных конструкций динамического типа (в анализ не входили экзистенциальные предложения типа "Дом - в лесу") заключается в том, что независимо от компонентного состава, который может быть и 3-х и 4-х местным, такие БП сообщают об активном живом или неживом, но способном к разного рода перемещениям предмете, имя которого занимает позицию грамматического субъекта (подлежащего). Важно то, что за этим именем всегда стоит конкретный референт, поэтому он вербально представляется а) именем собственным живого существа ("Михаил - за отцом"); б) нарицательным существительным ("Дедушка за ведро и-к кадушке", "Мотоцикл через канаву и - наперерез", "А из раны - кровь широкой струей"). Еще более типичным, на наш взгляд, является замещение субъекта - подлежащего. Это, во-первых, замещение местоимениями I и 3 л. (судя по материалу, 2 л. менее частотно, поскольку обычно встречается лишь в вопросительных репликах, например: "Ты на базар, мамаша?"); "Я за лопату", "Он тоже через речку", "Я - в лодку, он - за мной", "Он к нему". Во-вторых, это замещение "нулем": "Проснулись утром - и к кранам", "На бегу - пистолет из кобуры".

В этих типичных замещениях, с одной стороны, находит проявление обязательная конситуативная зависимость БП, а с другой - связь предложений рассматриваемой разновидности с таким типом речи, как повествование, то есть связь с рассказом о конкретных событиях. Кроме использования в рассказе о событиях, БП могут употребляться и для выражения сообщения, то есть для информирования слушателя ("Я в магазин, скоро

вернуть"), для выражения запроса об информации ("Ты куда?"), для побуждения к действию ("Павлик, домой!").

Сказанное означает, что наблюдающаяся конкретность референта подлежащего не случайна: по нашим наблюдениям, он не может здесь быть неопределенным или родовым. В предложении "Машина - за угол" имеется в виду не какая-то неопределенная машина и не машина вообще, а именно конкретная машина, наблюдаемая конкретным субъектом в конкретном случае. Тем самым налицо явная конситуативная зависимость.

Аналогичным образом происходит заполнение лексикой других позиций: и здесь референтом оказывается конкретный предмет, имя которого употребляется в БП не в родовом, не в неопределенном, а только в конкретном смысле. Что касается местоименного замещения, то по степени значимости 3 л. оно аналогично замещению в позиции подлежащего, а 1 и 2 л. как бы меняются местами. Но сюда добавляются также замещение указательным местоимением ("Я не об этом") и замещение местоименным наречием ("Он - туда!"). Напротив, нулевое замещение в рассматриваемых позициях абсолютно невозможно в силу того, что они заняты только рематическими компонентами.

Таким образом, в БП динамического типа не допускается использование в качестве подлежащего, например, абстрактных и собирательных существительных в их прямых, первичных значениях. (Заметим, что сказанное не относится к БП, в которых нулевое замещение представляет глагол не в прямом, а в переносном значении, например: "Эгоизм - от плохого воспитания", и в предложениях с нединамическими значениями, например: "Собрание - после праздника").

Рассмотренное взаимодействие лексики и синтаксиса в рамках БП проявляется не только в общих лексических, но и в некоторых синтаксических ограничениях, затрагивающих структурные схемы БП. Во-первых, эти схемы формируются, как известно, лишь за счет определенных морфологических форм, связанных с лексическими значениями слов. Во-вторых, структурные схемы БП имеют только закрепленный порядок слов: субъект, если он вербализован, всегда занимает инициальную позицию темы, а рематический компонент всегда находится в конце предложения, причем в зависимости от специфики строения БП это может быть третья или четвертая позиция. Тем самым структура БП носит своего рода константный характер, регулярно проявляющийся как в морфологическом и синтаксическом, так и в лексическом планах.

Однако важна не только общая специфика лексического наполнения БП, то есть не только общие ограничения в выборе лексем, но и частные особенности лексико-синтаксической сочетаемости конкретных лексем. Как известно, эта область языка пока что не поддается или с трудом поддается логическому объяснению и формализации. И хотя произвольный, не укладывающийся в категориальные рамки характер лексико-синтаксической сочетаемости еще не позволяет выявить ее четкие границы, тем не менее следует остановиться на одном аспекте сочетаемости слов, который при строгой формализации обычно выпадает из поля зрения синтаксиста.

Имеется в виду такая онтологическая специфика определенного круга внеязыковой действительности, которая как бы изначально предопределяет типичную сочетаемость лексем. Например, глаголы "бить", "ударить" уже онтологически связаны со значением орудия действия. И если слово "кнут" называет такой предмет, который осознается нами именно как орудие, специально предназначенное для нанесения ударов, и при этом в предложении орудийное значение дублируется значением творительного падежа ("кнутом"), то можно предположить, что наблюдающееся взаимоотношение глагола и существительного потенциально создает предпосылки для замещения глагола "нулем" особого рода. Этот "нуль" статистически предсказуем в плане семантики, причем предсказуем в первую очередь благодаря лексическому значению слова. Сравните следующие изолированные от конситуации предложения: 1. "Он меня диваном", 2. "Он меня одеялом", 3. "Он меня книгой", 4. "Он меня веревкой", 5. "Он меня кнутом". Олущение каких глаголов можно в них предположить? Лингвистический эксперимент свидетельствует о том, что благодаря лексическому значению предсказующий потенциал выделенных словоформ творительного падежа различен. Лексическое значение предопределяет объем типичной сочетаемости как качественно, так и количественно. В силу лексико-семантических сочетательных возможностей подчеркнутых существительных степеней предсказуемости глагола данными словоформами увеличивается от первого предложения к пятому. Но только в последнем предложении можно говорить о какой-то "однозначности", так как словоформа "кнут" в первую очередь сопрягается с глаголами "бить", "ударить". Однако не исключена и сочетаемость с другими глаголами (например, с глаголом "привязать"). С другой стороны, хотя "книга", "веревка" называют предметы, которые в определенных условиях могут

быть использованы для нанесения ударов, эта функция им или чужда ("книга"), или не является основной ("веревка"). Поэтому в БП именно с данными словами значения "бить", "ударить" могут быть выявлены только из конситуации. В конситуативности же 1 и 2 предложений сомнения и быть не может. Логично ли в таком случае конструкции типа "Он меня кнутом" выделять в особый самостоятельный тип? Думается, нет, коль скоро "однозначность" в значительной степени определяется лексикой.

Аналогичная семантическая взаимозависимость между имплицуруемыми и эксплицуруемыми в предложении лексемами наблюдается и в других типах БП. В частности, онтологическую связь значений движения и направления/отправления можно, по-видимому, считать наиболее четкой и наглядной. Но, разумеется, эту онтологическую предопределенность семантической связи слов далеко не всегда можно легко проследить.

До сих пор речь шла об обязательных компонентах внутренней структуры БП, в силу лексической специфики которых происходит "узнавание" общего доминантного значения. Но для этого "узнавания" важны и факультативные распространители как с точки зрения их качества, так и с точки зрения количества. Наблюдения над фактическим материалом позволяют говорить о существовании определенной зависимости: чем больше полнозначных вербализованных компонентов содержит изолированное БП, тем выше степень предсказуемости опущенного глагола. Сравните приведенные пары примеров:

1. а) Из тумана - верховой.
б) Из тумана прямо на нас - верховой.
2. а) Из раны - кровь.
б) Из раны - кровь широкой струей.
3. а) Ты эту лошадь веревкой.
б) Ты эту лошадь к дереву веревкой.

Будучи изолированы от контекста, многозначными в плане лексики оказываются только первые члены каждой пары. Во вторых членах за счет введения дополнительных конкретизаторов (распространителей) ("прямо на нас", "широкой струей", "к дереву") многозначность понятийного (лексического) содержания несколько снимается.

Тем самым понимание БП в отдельных случаях может быть обеспечено и внутренним контекстом, то есть самой лексико-грамматической структурой, но структурой конкретной, с конкретным лексическим наполнением. В то же время грамматиче-

ское значение "нуля", а именно содержание грамматических категорий наклонения, вида, времени, по результатам анализа, проведенного А.П. Сковородниковым, не может быть выражено в полном объеме составом самого БП /6/. Для этого используются самые разные средства внешнего контекста, контекстуальной и реальной ситуации. Причем средства эти только начинают изучаться, поэтому классификация их - дело будущего.

Таким образом, анализ лексического состава БП позволяет говорить о двойственности его семантики. С одной стороны, бесспорен тот факт, что в формировании смысла БП участвуют частные лексические значения. С другой стороны, бесспорно и то, что, употребляясь в закономерно повторяющихся условиях, БП получает и определенную структурную устойчивость, как бы закрепленную в общем доминантном значении. Но если синтаксической структуре только на этих основаниях присваивать статус самостоятельной единицы, то тогда самостоятельными должны быть признаны ситуативные конструкции типа "Два до Чернигова". Они также типизированы и обладают довольно высокой степенью предсказуемости смысла по сравнению, например, с конструкциями типа "Два". Если же исходить из положения о том, что синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и с процессом общения, то БП не может быть объяснено только на уровне предложения в силу своей проекции на связанный текст. Именно синтагматическая обусловленность, как правило, снимает альтернативность при определении смысла. Поэтому правомернее говорить не о самостоятельности БП (с позиций синтагматики эта самостоятельность значительно преувеличена), а об особой коммуникативной подмодели неполного предложения, которая, не исключено, со временем может выделиться в отдельный тип полных предложений.

Список использованной литературы

1. Адриан Э. Влияние системы языка и конситуации на высказывания без глагольного предиката. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV. М.: Прогресс, 1985, с. 529-534.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974, с. 446.
3. Золотова Г.А. К вопросу о неполных предложениях. - В кн.: Русский язык. Сб. тр. / МГПИ им. В.И. Ленина, М., 1975, с. 106-118.

4. Кирпичникова Н.В. К изучению семантики сложного предложения современного русского языка. - Вестник МГУ, 1981, № 2.

5. Рич Э. Эллиптические конструкции русского разговорного синтаксиса (в сопоставлении с английским). - Русский язык за рубежом, 1984, № 6, с. 85-88.

6. Сковородников А.П. О неполноте эллиптических предложений (в аспекте их синтагматики и прагматики). -- В кн.: Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1984, с. 21-30.

СИНТАГМАТИЧЕСКИ ЗАВИСИМЫЕ И НЕЗАВИСИМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ВВОДИМЫЕ ЧАСТИЦЕЙ "ВОТ"

Е.А. Красина

Среди предложений, начинающих текст или его относительно автономную часть - главу, параграф, абзац, - выделим особую группу синтагматически независимых высказываний* с номинативной главной частью - N_{N1} , не принимающей связочных форм "быть" и не соединяющейся с "есть". Это предложения одночленной парадигмы, или предложения, не имеющие парадигмы /по Н.Ю. Шведовой/. Например:

1. /Новый абзац./ Старинный швейцарский городок, который проспал и средневековье, и Возрождение, и только сейчас начинал пробуждаться. "Д.Галл"/**

2. /Новый абзац./ Маленькая сельская больница, где работает мать. /Вокруг больницы - ромашковые луга, клеверница, темные еловые леса, цветущие в ту весну алыми цветами./ /А.К. Толстой/

3. /Новый абзац./ Мягкая, неслышная от глубокой пыли дорога в поле, по которой катится тележка с двумя седоками - мелкопоместной барышней и юношей гимназистом. /И.Бунин/

4. /Новый абзац./ Снежно-цветущий миндаль под окном в саду, молчаливая мать, которая целует его и примеривает новую рубашку. /Ф.Гладков/

Будучи синтагматически независимыми, данные высказывания как бы вводят предмет, обстоятельства и т.д. в повествование, фиксируют их "появление на сцене": "... интродуктивная номинация тесно связана со зрительным восприятием мира", - пишет Н.Д. Арутюнова. /2, с. 310/. Очевидно, что такие высказывания в большей степени характерны для драматургии, где описание обстановки является необходимым составным компонентом сюжета /см. ремарки/.

На наш взгляд, подобные высказывания являются особым типом интродуктивных предложений.

* Термины "высказывание" и "предложение" используем вслед за В.А. Белошапковой в традициях пражской школы: высказывание есть реализация модели предложения, актуализированное предложение.

** / - знак контекста.

В отличие от предложений с "есть" /или формами "быть"/ имя в приведенных выше примерах не является знаком концепта, показателем класса предметов, а указывает на вполне конкретный предмет, соотносено с определенным денотатом, следовательно, оно референтно. В таких высказываниях возможно даже появление имени уникальной референции /по Н.Д. Арутюновой/ или имени собственного, например:

/Новый абзац./ ... Глеб Чумалов, без вести пропавший муж. Даша, которая не похожа на других женщин, - Даша, к которой однажды потянулась его рука. /Ф.Гладков/

Часто такие высказывания вводятся частицами "вот", "вот и", которые здесь выполняют роль дейктических слов-жестов /З, с. 47/:

1. /Новый абзац./ Вот Кропотовка, этот забытый дом, на который я никак не могу смотреть без каких-то бесконечно грустных и неизъяснимых чувств. /И.Бунин/.

2. /Новый абзац./ Вот и те пятьдесят писем, которые Толстой получил за девять месяцев. /Здесь и приглашения автору "Войны и мира" на XVIII международный конгресс в Стокгольме. А это - письма от крестьян. Их - сотня. И ни одно не осталось без ответа./ /Газ. "Правда"/

3. /Новый абзац./ Но вот и конец пахотному полю - и зачем только люди придумали земледелие?! - вот канава, которую я беру почти бессознательно, вот гладкая дорога, по которой я полным карьером догоняю свой разезд. /Н.Гумилев/ Ср.: ... Глеб Чумалов, без вести пропавший муж. Вот Даша, которая не похожа на других женщин... .

Мы исходим из того, что "в номинативных предложениях в едином акте, осуществляемом средствами интонации, слиты два процесса: отнесение сообщения к действительности и отнесение сказуемого к подлежащему. Вследствие этого в интуиции говорящего оказались прочно между собой связанными два разных грамматических значения. Этим, возможно, и следует объяснить частые случаи нерасчлененного толкования предикативности /и как актуализированности высказывания, и как отнесенности сказуемого к подлежащему/ в синтаксической теории". /З, с. 47-48/. В силу вышесказанного мы предлагаем характеризовать частицы при синтагматически независимых высказываниях как вводящие рему, равную всему лексическому составу нерасчлененного предложения.

Итак, синтагматически независимые высказывания, начинающие текст или его автономную часть, в основе которых - без-

глагольная номинативная-структура типа "Маленькая сельская больница...", являются особым типом интродуктивных предложений, не имеющих парадигмы, с референтным именем. Их общее значение - "появление на сцене", "первое упоминание", "первое указание", "введение в повествование" лица, предмета, обстоятельства и др.

Соотносясь с предложением в целом, "частицы обозначают отношение частей предложения к реальности" /4, с. 49/. Так и частица "вот" и при синтагматически независимом, и при синтагматически зависимом высказывании выполняет функцию введения ремы, сопоставляя все содержание высказывания с действительностью. В случае, когда "вот" вводит синтагматически независимое высказывание, все его содержание соотносится с неопределенной, никак не обозначенной в контексте действительностью, с действительностью вообще, а в случае, когда "вот" предшествует синтагматически зависимому высказыванию, его содержание соотносится либо с фрагментом действительности, словесно обозначенном в контексте, либо с ситуацией, которая может быть подсказана контекстом или обусловлена им:

1. /Трагическая судьба Марии Николаевны Раевской известна всей России /.../ Умирая, ее отец, генерал Раевский, сказал, взглянув в последний раз на портрет своей дочери, Марии Николаевны: / - Вот самая удивительная из женщин, которую я знал. /Вс. Иванов/

2. /Войдя в монастырскую ограду, у первого лица, которое я увидел, я спросил, как бы мне найти духовника./ - Вот его келья, - сказал мне проходивший монах, останавливаясь на минуту и указывая на маленький домик с крылечком. /Л. Толстой/

В зависимости от способа соотнесения содержания с действительностью, выделим две группы высказываний, вводимых частицей "вот":

А. высказывания, содержание которых соотносится с фрагментом действительности, непосредственно названным в тексте;

Б. высказывания, содержание которых не соотносится с фрагментом действительности, названным в контексте непосредственно, а лишь связано с описанной ситуацией.

Группа А:

1. /Театр и кино./ Вот две задачи, две области, в которых на ближайшем отрезке времени я хочу работать, получив от моей родной страны высокое звание академика. /А. Толстой/

2. /Советская поэзия прежде всего принесла в мир новую силу, новые голоса, новые жанры, новые слова. Малковский./

Вот мастер советской оды, сатиры, буйфонного и комедийного стихового театра. /Н.Тихонов/

3. /Когда он умер - я подумал:/ Вот человек, который делал все, что мог, и все, что мог, - сделал. /М.Горький/

4. /Лукашин вышел из правления на крыльцо и заслушался. Бах, бух, бах - топоры пели у болота./ Вот песня, которую он готов слушать сутками напролет. /Ф.Абрамов/

При восстановлении из контекста и подготовке темы контекстуальной /далее: $T_{\text{конт.}}$ / высказывания примут следующий вид:

Театр и кино - вот две задачи, две области ...

Маяковский - вот мастер советской оды ...

Он - вот человек ...

Бах, бух, бах - вот песня ...

Значение таких высказываний - констатирующе-характеризующее, так как они утверждают существование чего-либо - предмета, лица, факта, явления - /хотя и косвенно, через констатацию существования признака, им приписываемого/ и одновременно характеризуют их. Констатирующе-характеризующее значение осложнено значением идентификации. Благодаря наличию идентифицирующего значения мы можем восстановить целиком рематичные высказывания с частицей "вот" до высказываний с тематическим компонентом, а "вот" заменить частицей "это", типичной для идентифицирующих предложений, вводящей рему таких предложений, например:

Маяковский - вот мастер ...

это мастер ...

Театр и кино - вот две задачи, две области ...

это две задачи, две области ...

Бах, бух, бах - вот песня ...

это песня ...

В структурном отношении данные высказывания могут быть охарактеризованы как регулярные реализации структурной схемы $N_{N1} - N_{N1}$.

Значение идентификации подчеркивается логическим ударением на частице "вот". В случае отсутствия логического ударения на частице мы имеем дело с другим значением, например, пояснением, уточнением:

/Так значит, это поляки использовали захваченную немецкую радиостанцию?! Ну конечно!/ Вот эти самые поляки, фотографии которых опубликовали все немецкие вечерние газеты. /А. Чаковский/

Различны способы представления $T_{\text{конт.}}$. Она может быть выражена не только именительным падежом, например:

1. /Глеб перегнулся через перила и пристально вглядывался в размытую тень Клейста./ Вот человек, которого он с наслаждением мог бы задушить в любой час /.../ /Ф.Гладков/ - $T_{\text{конт.}}$ - Род. падеж.

2. /Нарком познакомил меня со спускавшимся вместе с ним В.И. Немировичем-Данченко, только недавно назначенным директором всех академических театров./ - Вот молодой автор балета, о котором я вам говорил. /И.Шнейдер/ - $T_{\text{конт.}}$ - Вин. падеж.

$T_{\text{конт.}}$ может быть выражена и словосочетанием, и предложением, и несколькими предложениями:

1. /Много видал этот верхний зал кружка, о многих острых событиях могли бы рассказать его стены./ Вот одно из таких событий, о котором долго говорили в кружке. /В.Вересаев/. - $T_{\text{конт.}}$ < словосочетание.

2. /Потом Штольц подумал, что если внести в сонную жизнь Обломова присутствие молодой, симпатичной, умной, живой и отчасти насмешливой женщины - это все равно, что внести в мрачную комнату лампу, от которой по всем темным углам разольется ровный свет, несколько градусов тепла, и комната повеселеет./ Вот весь результат, которого он добивался, знакомя друга своего с Ольгой. /И.Гончаров/.

$T_{\text{конт.}}$ - несколько придаточных предложений.

3. /Что за загадочная метафора произошла с секретарем комитета комсомола? В чем суть его мошенничества? На что Курприкову понадобились деньги?/ Вот несколько вопросов, которые не могут не возникнуть после знакомства с этим странным случаем. /Газ. "Комс. правда"/.

$T_{\text{конт.}}$ - несколько предложений.

Группа В:

Свое дейктическое значение частица "вот" реализует и в тех случаях, когда фрагмент действительности, с которым соотносится содержание высказывания, может быть и не назван в контексте. Тогда высказывания с "вот" могут соотноситься с ситуацией, которая подсказана или обусловлена контекстом, например:

1. /Он обратился к м-lle Boucourt/ - Вот, - сказал он ей, - тот фельетон, который вы искали. /И.Тургенев/ - между участниками был разговор ранее и был упомянут фельетон.

2. /Я мысленно покинул Париж, и на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную изменчивость./ Вот золотисто-блестящая пустынная ширь Балтийского моря, вот хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот – редкие леса, болота и перелески, ниже которых, к югу, начинаются бесконечные поля и равнины. /И.Бунин/

Косвенным указанием на связь с ситуацией является глагол "взглянул", так как между предшествующим контекстом и группой синтагматически зависимых высказываний можно установить смысловую связь: "взглянул и увидел", или: "взглянул и что же увидел? – вот это, этот и это".

Аналогичны по способу соотнесения с действительностью, ситуацией и следующие примеры:

1. /Вы помните, когда мы были в Вене, Вы обещали и сердце и руку Вашу./ Вот и-кольцо, которым мы тогда обручились. /В.Соллогуб/

2. /... В комнате Леонина догоравшая свеча бросала длинные тени на окружающие предметы./ /.../ Вот, продолжал Леонин, – записки графини, раздушенные и обманчивые, как ее жизнь. Вот букет, который она будто забыла в руках моих; вот книга, которую она читала; вот ленты, которые она носила... /В.Соллогуб/.

Эти примеры обладают конкретно-наглядным значением, которое проявляется при подстановке "посмотрите", "взгляните" и подчеркивается дейктическим "вот" (вплоть до жеста). Благодаря конкретной наглядности становится более ярким значение характеристики, являющееся общим для синтагматически зависимых высказываний с частицей "вот", вводящей рему, равную высказыванию.

Таким образом, частица "вот" вводит рему, равную полностью рематическому синтагматически зависимому высказыванию, обладающему значением характеристики. Значение характеристики проявляется на фоне констатации существования признака, приписываемого характеризованному объекту. Характеризация осложняется значениями идентификации или конкретно-наглядного представления. Определяющим фактором содержания синтагматически зависимых высказываний с частицей "вот", вводящей рему, является способ представления в контексте фрагмента действительности, с которым соотносится содержание высказывания с частицей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. - М.: Русский язык, 1983.
2. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст. // Языковая номинация (виды наименований) - М.: Наука, 1977, гл. У.
3. Арутюнова Н.Д. Вариации на тему предложения. // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М.: Наука, 1969.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. - Труды института русского языка, т. 2, М.-Л.: АН СССР, 1959.

ОЦЕНОЧНЫЕ ФУНКЦИИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КРАТКОЙ ФОРМЕ

Н.А. Казавчинская

Как известно, качественные прилагательные характеризуются способностью иметь степени сравнения и образовывать краткие формы. Однако не все качественные прилагательные могут образовывать краткие формы, и кроме того, часть качественных прилагательных, способных их образовывать, закрепили за ними только функцию предиката предложения: в позиции предиката могут выступать обе формы имени прилагательного, но ряд прилагательных в части своих значений может употребляться только предикативно и только в краткой форме.

С другой стороны, наблюдаются и такие качественные прилагательные, которые употребляются в предикативной и атрибутивной функциях только в полной форме, отличаясь семантически от соответствующих кратких форм. Семантическое противопоставление этих двух типов прилагательных помогает определить общие факторы, влияющие на выбор формы прилагательного в позиции предиката.

Если учесть, что качественные прилагательные способны образовывать степени сравнения и прилагательные с модификационными суффиксами, обозначающими степени проявления признака (ср.: белый – белее, беловатый и т.п.), то можно признать, что качественные прилагательные обозначают признак или качество предмета в количественной динамике: признак содержится в большей или меньшей степени, – и, значит, может динамически проявляться во времени, что обычно в литературе оценивается как временность/постоянство признака.

Таким образом, можно считать, что качественные прилагательные, в отличие от относительных, отражают те количественные изменения качества предмета, которые имеют место. Относительные прилагательные не только обозначают признак статичный, неизменный, присущий предмету безотносительно к количественному проявлению. Поэтому полные формы качественных прилагательных своей "неизменчивостью", т.е. отсутствием градационности: в обозначаемом признаке, ближе всех других форм стоят к относительным прилагательным (ср.: простое мыло, полная победа – в этих словосочетаниях невозможно пред-

ставить себе употребление краткой формы или сравнительной степени прилагательного). За полной формой прилагательного здесь закреплено единственное значение, причем сочетания прилагательного с существительным ограничены, закреплены за определенными словами, т.е. можно говорить о том, что и признак, и предмет характеризуются определенностью (ср.: исторически полная форма прилагательного означала не определенность признака, а определенность предмета, имеющего данный признак или характеризующегося им).

Именно такого рода определенность, выражаемая через признак предмета, способствовала тому, что часть значений качественных прилагательных, употребляемых только в полной форме, закрепились за ней и потеряла возможность изменяться по степени количественного нарастания или убывания, проявления признака. Закрепленность употребления таких словосочетаний позволяет назвать их "терминизированными" прилагательными, поскольку "термин в каждой терминологии соотнесен и обязательно соотнесен, если это термин с теми или иными понятиями" /Реформатский 1961: 51/.

К таким "терминизированным" качественным прилагательным можно отнести следующие слова:

холодный - "без жара": Холодное копчение;

холодный - "без вывески": Холодный сапожник;

холодный - "плохо защищающее тело от холода": Холодное одеяло;

холодный - "не имеющий отопления": Холодная дача;

холодный - "за пределами умеренного пояса по направлению к полюсу": Холодный климат;

голодный - "скудный, недостаточный для насыщения": Голодный паек;

зеленый - "поросший растительностью, образованный зеленью: Зеленая дорожка; Зеленая беседка.

Ср. следующие относительные значения тех же прилагательных:

зеленый - "состоящий из свежей зелени": Зеленый корм;

голодный - "происходящий от голода, вызванный голодом": Голодная смерть.

Указанные значения качественных прилагательных не могут передавать изменений в интенсивности признака, они выражают статичные в проявлении признаки и в то же время указывают на конкретные предметы, поскольку полные формы прилагательных при предикативном употреблении, как правило, относятся к

именам конкретных предметов (единственных в своем роде либо упомянутых ранее). Ср. употребление полных форм прилагательных при конкретном имени: "Утро было хорошее, ясное, небо чистое, оранжевое, облака легкие, зеленые, песок под ногами мягкий, голубой" /К.Бульчев/. В данном отрывке речь идет о конкретном утре, о конкретной ситуации на описываемой автором планете, о том, что автор "видит" непосредственно.

Краткие формы качественных прилагательных характеризуют качество в "чистом", отвлеченном плане, основное содержание которого заключается в выделении (отличии) предмета с точки зрения его различной оценки, т.е. краткие формы, исторически имевшие значение неопределенности и выполнявшие классифицирующую функцию, в настоящее время чаще выполняют квалифицирующую функцию: "оценочные значения и классифицирующие как бы противоречат друг другу; это связано с особой позицией оценки на шкале признаков: оценка служит для выделения объекта из класса подобных, в то время как классификация вводит объект в состав класса" /Вольф 1978: 205/. Для нас, однако, важно то, что "оценочный предмет характеризует объект как член класса" /Арутюнова 1988: 66/. Указанную функцию оценочных предикатов можно сравнить с функцией неопределенного артикля, когда он используется в ситуации, в основе которых лежит способ причисления объекта к классу (подклассу). То, что краткие формы прилагательного употребляются только предикативно, подтверждает и их оценочную функцию, так как известно, что оценочные слова, как правило, выступают в предикативной позиции /Вольф 1985: 153; Вольф 1979: 290/.

Однако это не означает, что все качественные прилагательные, предикативно употребляемые в полной форме, лишены оценочной функции. Речь идет о том, что краткие формы специализировались в этой функции, и по сравнению с полными формами в оценочной функции, всегда интенсифицируют оценочный смысл. Ср. интерпретацию А.М. Пешковским примера из пьесы А.П. Чехова "Три сестры": "Ты, Маша, злая", "Ты, Маша, глупая", - "сказать ты зла, ты глупа есть уже оскорбление, и тем тоном, каким говорятся вышеприведенные реплики у Чехова, это сказать нельзя... Здесь мы видим в краткой форме большую категоричность, большую оторванность от реальных условий речи, отвлеченность" /Пешковский 1935: 226/.

То, что А.М. Пешковский определяет как оскорбление, категоричность, можно другими словами назвать интенсифицирующей оценкой, которая проявляется при употреблении краткой формы

прилагательного, так как оценка субъективна и, если не подкрепляется списанием основания оценки, то и не мотивирована, что позволяет в этом случае характеризовать ее как "оторванную от реальных условий речи".

Поскольку всякая оценка принадлежит какому-либо субъекту, то в оценочных высказываниях с прилагательными в полной форме оценочная экспрессивность нейтрализуется за счет постоянной связи признака, выраженного полной формой прилагательного, с предметом, обозначенным бывшим указательным местоимением: признак относится к предмету как присущий этому предмету постоянно и неотделимо. В то же время краткая форма прилагательного такой связи признака с предметом не выражает. Краткая форма прилагательного приписывает количественно измеримый динамический признак, вводит его как внешнюю оценочную характеристику предмета, отсюда и частая необходимость в зависимых словах при краткой форме прилагательного: Все это очень существенно для некоторых предварительных суждений /М.Духанов/; Он (Кронштадт) суров и для человека, не приобщившегося к его тайнам, будничен /А.Крон/; ... Из книги о Канаде, изданной у нас, узнал, что эта песня популярна среди канадских русских /А.Городницкий/.

В высказываниях с краткими прилагательными также часто встречается употребление интенсификаторов типа очень, совершенно, совсем и т.д.: "Латышское, эстонское и русское население в городах Прибалтики в своей массе также было совершенно бесправно" /М.Духанов/.

Вышеупомянутое употребление обусловлено тем, что нередко "слова с оценочным значением называют не объективно принадлежащий предмету признак, а такую его характеристику, которая определяет, как к предмету относится субъект оценки /Шрамм 1979: 40/. Субъект оценки при этом не обязательно эксплицитно выражен, он может быть "выведен из содержания высказывания" /Вольф 1978: 35/.

Здесь слово "оценка" употреблено нами в том значении, как это принято в логике для обозначения собственно оценки, т.е. выраженного в языке установления ценностного отношения между субъектом и предметом. В зависимости от оснований оценки различают внутренние, основанные на чувстве или ощущении, и внешние, когда "рассматриваемому предмету приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность не самому по себе, а как средству достижения или устранения некоторых иных вещей, оцениваемых положительно или отрицательно" /Ивин 1970: 31/.

На наш взгляд, оценочные прилагательные имеют оценочную шкалу, на которой краткая и полная форма располагаются следующим образом: полная форма соответствует норме, а краткая — отклонение от нормы со знаком плюс для признаков, характеризующихся прилагательными. Ср. краткое прилагательное плох — в значении "слабый, бессильный, в тяжелом состоянии", употребляемое только в краткой форме, и полное прилагательное плохой — в более широком значении "нездоровый, больной", т.е. краткие формы прилагательных интенсифицируют оценочное значение.

Полная форма качественных прилагательных, хоть и содержит оценку, но это значение не является доминирующим, потому что эта форма означает имеющийся, конкретный признак определенного предмета, а не отношение к этому предмету. Такая интерпретация значения полной формы следует из следующего определения: "качество — это совокупность свойств, указывающих на то, что собой представляет предмет; объективная определенность предмета, в силу которой предмет является данным, а не иным предметом, ограничивающая данный предмет от всех других предметов и с исчезновением которой предмет перестает существовать как данный предмет" /Кондаков 1975/. Ср. также определение качества как философской категории: "качество — фиксируемая созерцанием определенность того или иного предмета, не отделимая от самого факта его существования как данного предмета" /Философская энциклопедия 1962/.

Из обоих определений мы можем вывести заключение о том, что качественные прилагательные обозначают признаки определенного предмета. Известно, что те качественные прилагательные, которые передают так наз. "собственные", или "натуральные", свойства предметов /Вольф 1978: 36/, т.е. обозначения цвета (красный, зеленый, синий и т.п.) и формы (круглый, квадратный), употребляются в полной форме. В краткой форме качественных прилагательных оценочный смысл интенсифицируется, за счет этого дескриптивное значение отходит на второй план, семантика слова сужается и краткая форма качественного прилагательного уже не обозначает признак, не отделимый от предмета, а служит средством передачи субъективной оценки предмета через его признак. Так, полное прилагательное зеленый имеет несколько значений, которые не совпадают со значением краткой формы; одно же значение — "недозревший, неспелый" — совпадает со значением краткой формы. В отличие от краткой формы в полной форме наряду с оценочным значением

присутствует и дескриптивное значение (в данном случае – обозначение цвета). Ср. Яблоки – зеленые (а не красные, наверно, незрелые) и Яблоки-то – зелены (незрелые).

В краткой форме указанного прилагательного отсутствует семантика цвета, зелен – обозначает только оценку качества яблока, в то время как в полной форме семантика цвета сохранилась. Значение "незрелости" присуще этому прилагательному только в сочетании с именами, обозначающими плоды и ягоды: "На взгляд-то он (виноград) хорош, да зелен – ягоды нет спелой" /И.Крылов/ или в переносном употреблении по отношению к человеку ("не достигший зрелости").

Такое значение "отклонения" от нормы, или "дефективности" качества, присуще и прилагательным, обозначающим параметрические признаки: большой/маленький, узкий/широкий, длинный/короткий, высокий/низкий. В краткой форме эти прилагательные употребляются только с ограничительным значением при наличии субъективной оценки (о чем см. ниже).

Как уже отмечалось, поскольку краткой форме качественных прилагательных присуща функция субъективной оценки, то свойства, которые объективно присущи предметам, могут быть обозначены в своем основном "прямом" содержании лишь в полной форме. Краткая же форма прилагательного указывает на то, что свойство или признак приписывается предмету извне, а не присущ ему самому по себе. На привнесенный характер признака часто указывает контекст: это и распространители предложения, и модальные слова, передающие отношение субъекта к оцениваемому предмету (в примерах отмечены подчеркиванием):

Ну что ж, вольному воля, хотя о какой воле можно было говорить, когда все – каждое движение, каждый вздох, – да, все, уже висело на волоске судьбы, а волосок этот был, как известно, тонок и ненадежен /В.Окуджава/.

Были ли виноват в этом царь, как утверждали некоторые, или виновата была сама природа общества, воспитавшая и самого царя, или же пост был столь исключительным явлением в нашей грубой и печальной жизни, что сам наткнулся на острые углы, об этом скажет время, но, видимо, кожа его была и в самом деле столь тонка и чувствительна, что даже ничтожные уколы вызывали ощущение катастрофы /В.Окуджава/.

Неожиданно он понял, что она неопишимо хороша, пленительна и что случится непоправимое, ежели он не сможет отныне видеть ее часто /В.Окуджава/.

Похоже было, что она молода, тонка, и, очевидно, само-

уверена. Таким обычно кажется, что жизнь вечна, что можно, не считаясь со временем, стоять у розовых кустов, ни о чем не заботясь /Б.Окуджава/.

При оценке предмета часто используется как бы взгляд со стороны: "По японским представлениям, человек хорош или плох не в силу положительных или отрицательных черт характера, благородных или низменных взглядов, безупречных или некрасивых действий" /В.Цветов/. При этом часто предмет сравнивается с уже известным, т.е. все оценки относительно в известном смысле: "Они сидели вдвоем в кабинете императора. Граф, в мундире и при всех регалиях, на краешке малинового кресла. Николай Павлович в семеновском сюртуке без эполет, на походной кровати, заправленной серым суконным солдатским одеялом. Кабинет был невелик, в два окна - одно на плац, другое на набережную, и узок, и поэтому железная кровать, поставленная поперек, несколько его ширила" /Б.Окуджава/.

В данном контексте параметрический признак, присущий предмету, благодаря краткой форме прилагательного, приобретает и субъективно-оценочный характер: это с точки зрения автора, кабинет, в котором два окна в разных стенах и стоит поперек кровать, не велик и узок. Ср. также: "Быть счастливым - крайне опасно. Счастливые слепы, подвержены головокружениям, склонны обольщаться. Дурного они не замечают, а все прекрасное принимают на свой счет" /Б.Окуджава/.

Относительность оценки, выраженной краткой формой прилагательного, часто проявляется и в том, что при нем употребляются ограничивающие его "распространенность" зависимые слова (их можно назвать уточняющими), или дальнейший контекст раскрывает точку зрения оценивающего субъекта:

Он взял с собой Афанасия и Аглаю, был с ними добр, учтив и словоохотлив, и все - чтобы как-то оправдаться перед самим собой и утишить большую совесть /Б.Окуджава/.

Я несколько не сомневался, что чем сложнее стройка, тем гибче, всеобъемлющей должна быть мысль, питающая ее. Но ГПЗ только по размерам громаден и опасен по характеру производства, а по сути прост - до примитива /И.Маркелов/.

Германия после поражения под Сталинградом была погружена в траур, а на фронте наступила полоса короткого затишья. Но враг еще силен и коварен, он еще не однажды способен напрячь свои силы, и им - юнгам! еще предстоит с эти врагом схватиться! ... /В.Пиккуль/.

Итак, краткие формы качественных прилагательных отлича-

ются следующими лексико-семантическими особенностями, определяющими их оценочные функции:

1) свойство или признак, обозначенный краткой формой прилагательного, не являются неотъемлемыми свойствами предмета, они приписываются предмету оценивающим субъектом;

2) оценка, свойственная и полной форме прилагательного, в краткой форме интенсифицируется за счет сужения дескриптивного значения;

3) краткая форма может быть образована только от тех качественных прилагательных, которые обозначают оценку свойств или признаков предметов.

Отмеченные общие функционально-семантические противопоставления полной и краткой формы прилагательного в позиции предиката подтверждаются и лексико-семантическими особенностями, закрепленными за той и другой формой или тяготеющими к той или другой форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. - 341 с.

2. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательных (на материале иберо-романских языков). - М.: Наука, 1978. - 200 с.

3. Вольф Е.М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. - М.: Наука, 1979. - С. 278-294.

4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985, - 232 с.

5. Ивин А.А. Основания логики оценок. - М.: изд-во МГУ, 1970. - 230 с.

6. Кондаков. Логический словарь-справочник. - М., 1975.

7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - 5-е изд. - М.: Учпедгиз, 1935. - 452 с.

8. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии / Материалы Всесоюзного терминологического совещания. - М.: АН СССР, 1961. - С. 46-54.

9. Философская энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия, 1962. - Т.2. Дизъюнкция - Комическое. - С. 483.

10. Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных на материале современного русского языка. - М.: изд-во ЛГУ, 1979. - 134 с.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ, АГГЛЮТИНАТИВНЫХ,
АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Е.А. Нелисов

В современном русском языке выражение грамматических значений осуществляется средствами разного порядка: в формах данного же слова, или синтетически (дом, -а, -у, -ом, -е; дома, -ов, -ам, -ами, -ах; красный, -ая, -ое; красный, -ого, -ому, -ым, -ом; красная, -ой, -ую; читаю, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ют; делать - сделать; прочитать - прочитывать и т.д.); материальная аффиксация может не наблюдаться (воды - вод, глухой - глух и т.д.) - грамматическое значение выражено нулевой формой; реже - чередованием (запереть - запирать), ударением (води́ - во́ды), супплетивно (человек - люди), порядком слов (мать любит дочь), интонацией (ср. форму инфинитива, произнесенную с особой интонацией повеления: встать - встать!). Основным (ведущим) средством передачи грамматического значения в современном русском языке все же является аффиксация, точнее флексия. При этом способе происходит объединение, соединение, синтез вещественного (лексического) значения слова с дополнительным (грамматическим) значением /I/.

Нечто подобное (но только подобное!) мы наблюдаем и при агглютинации: здесь также происходит соединение, синтез вещественного и грамматического значений слова, причем грамматическое значение проявляется в аффиксах, которые в их совокупности могут быть названы окончанием, но не в терминологическом, а в буквальном значении этого слова /2/.

Рассмотрим параллельно способ передачи грамматического значения во флективной и агглютинативной формах. И в той, и в другой форме "слева" выступает то, что несет на себе лексическое значение (чаще всего это корень или основа в русском языке и корневая морфема в агглютинативном), а "справа" - аффиксы, ср.:

	в русском			в эстонском	
И. дом	дома		maja	majad	
Р. дом+а	дом+ов		maja	majasid (maju)	
Д. дом+у	дом+ам		majja	majadesse	

В. дом	дом+а		maja	majasid (maju)
Т. дом+ом	дом+ами		majaga	majadega
П. дом+е	дом+ах		majast	majadest
1-е лицо	пиш+у	пиш+ем	kirjutap	kirjutame
2-е лицо	пиш+ешь	пиш+ете	kirjutad	kirjutate
3-ье лицо	пиш+ет	пиш+ут	kirjutab	kirjutavad

В русском языке возможно добавление аффикса и "слева" (делать - сделать, звать - позвать, крепче - покрепче, больше - побольше и т.д.).

Такое структурное совпадение в передаче грамматического значения еще не свидетельствует о тождестве флективной и агглютинативной форм, здесь подмечено только их сходство, их функциональная близость при передачи данных значений. Между тем, агглютинативная форма (как, впрочем, и флективная) имеет и свои определенные отличия, позволяющие ей не "сливаться" с флективной, а оставаться особой синтетической формой /3/.

Основным отличием синтетических (лучше сказать - флективных) аффиксов от агглютинативных (а, в свою очередь, одной формы слова от другой) является полисемантичность первых и моносемантичность вторых: например, формообразующий аффикс -у в русском языке передает следующие грамматические значения: значение дательного падежа (дому), значение винительного падежа (воду), значение 1-го лица глагола (иду), значение единственного числа (мы не говорим о том, что данный аффикс может еще выражать значение родительного падежа у имен существительных вещественных, некоторых отвлеченных - кусок сахар+у, много шум+у, мало толк+у; значение местного падежа - на мост+у, на берег+у и т.д.). Кроме того, в русском языке возможен синкретизм значений падежа и числа, лица и числа и т.д. Такого явления, как правило, нет в языках агглютинативных: здесь значение падежа, как и грамматическое значение числа, строго закреплено за определенным аффиксом /4/.

Своеобразный синкретизм значений в русском языке наблюдается не только в формообразующих аффиксах, он может быть отмечен (правда, значительно реже) в аффиксах словообразующих (ср., например, аффикс -тель-, который передает как значение лица, профессии - строитель, учитель, - так и значение предмета - выключатель, усилитель, - формально этот же аффикс выражает также грамматическое значение мужского рода; аффикс за-, передающий грамматическое значение совершенного

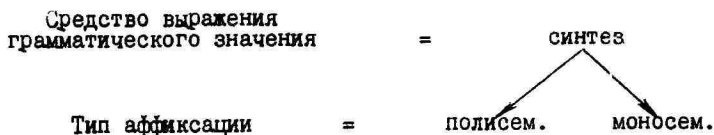
вида - застроить - или определенный способ глагольного действия - запеть, в значении "начать петь", и т.д.).

Именно в полисемантической и моносемантической аффиксов заключено, на наш взгляд, основное различие между флективной и агглютинативной формой слова. Часто различие между этими формами видят также в том, что основа слова во флективных языках очень редко (выделено нами - Е.Н.) совпадает со словом как таковым, и случаи такого рода "нерегулярны и выглядят как явно ущербные формы слов" /5/, в то время как в агглютинативных языках основа слова регулярно совпадает со словом. Но сравните в русском языке существительные единственного числа мужского рода, оканчивающиеся на твердый согласный в основе и формально совпадающие со словом (ср.: дом, стол, стул и т.д.); основы кратких качественных прилагательных единственного числа мужского рода (ср.: добрый - добр, мудрый - мудр, хороший - хорош, могучий - могуч и т.д.), то есть наличие таких основ-слов будет не столь уж редким явлением, а их появление не столь уж нерегулярным, ущербным.

Во всяком случае не этот признак должен быть дифференцирующим при различии флективной и агглютинативной форм, поскольку он не является таким всеобъемлющим, как признак поли- и моносемантической аффиксов /6/.

Нам представляется, что сам термин "синтетическая форма" может быть применен как к словоформам русского, так и к словоформам агглютинативных языков, поскольку и в том, и в другом языке при выражении определенного грамматического значения происходит синтез соединения - к основе (корню) добавляются аффиксы. Это, естественно, не значит, что сами эти языки восходят к какому-то одному "синтезированному" языку, речь идет здесь лишь о средствах передачи определенных грамматических значений в том или ином конкретном языке.

Итак, флективные и агглютинативные языки сближаются между собой по средствам выражения определенных грамматических значений, которые осуществляются с помощью синтеза; эти же языки различаются между собой типом аффиксации (полисемантической и моносемантической). Схематично это можно представить так:

Существует и иной способ передачи грамматического значения, который рассматривается как особый, специфический и известен под термином "аналитический". Необходимо отметить, что одна часть грамматических значений слова при аналитическом способе выражается в служебном слове (ср.: буду+инфинитив, - где грамматическое значение времени, наклонения, лица, числа выражено во вспомогательном глаголе буду, а грамматическое значение несовершенного вида - в инфинитиве, хотя, если подходить к этой форме строго морфологически, таким формальным показателем несовершенности выступает все тот же вспомогательный глагол буду). Иными словами, те грамматические значения, которые в силу определенных причин не могут получить своей формы выражения в полном слове, находят их в служебном. Единство грамматического значения и грамматической формы соблюдено и здесь: вне грамматической формы не существует ни одного грамматического значения. Но если при передаче грамматического значения во флективной и агглютинативной формах был налицо синтез, соединение, то в аналитической форме перед нами анализ, разъединение. Это и есть основное различие между синтетическим и аналитическим средством выражения морфологических значений, между синтетической и аналитической формой.

Флексия, агглютинация, анализ служат в каждом конкретном языке (все вместе или каждая соответственно) для передачи соответствующего грамматического значения, это определенный ряд языковых морфологических средств, - разные технические приемы языка для выражения определенного грамматического содержания. Следовательно, с точки зрения своего назначения, своей функции аналитическая форма теснейшим образом сближается (если не сказать - подобна) с флективной и агглютинативной формами. Кроме того, вспомогательные элементы в аналитической форме выполняют функцию определенной грамматической морфемы /7/.

Для начала проанализируем флективную и аналитическую формы в русском языке, рассмотрим парадигму форм времени глагола в изъявительном наклонении:

I пиш+у	пиш+ем	писа+л	II буду писать	будем писать
пиш+ешь	пиш+ете	писа+л+а	будешь писать	будете писать
пиш+ет	пиш+ут	писа+л+о	будет писать	будут писать

Условно разделим одну общую парадигму форм времени русского глагола на две подпарадигмы (I и II).

В первой (I) подпарадигме категория времени находит свое грамматическое выражение в специальных грамматических средствах, морфемах: -у, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут - морфемные показатели времени (настоящего, если основа несовершенного вида; будущего простого, если основа совершенного вида), -л - морфемный показатель прошедшего времени. Постоянным элементом в системе форм времени первой подпарадигме выступает основа глагола (в нашем примере "пиш-/писа-"/, а также морфема прошедшего времени -л, в то время как аффиксы, выражающие грамматическое значение настоящего/будущего простого времени, - элементы чередующиеся (мы не рассматриваем здесь полисемантичность данных элементов).

Во второй (II) подпарадигме категория времени находит свое выражение также в специальном грамматическом показателе: буду, будешь будет, будем, будете, будут, - который функционально может быть соотнесен с морфемой - показателем прошедшего времени (-л) и с чередующимися аффиксами - показателями настоящего/будущего простого времени в первой подпарадигме. Неизменяемым элементом в аналитической форме выступает инфинитив (писать), который может быть функционально сопоставлен также с основой слова в первой подпарадигме.

Иными словами, с одной стороны, мы имеем ряд аффиксов, которые выражают грамматическую категорию времени (-у, -ешь..., -л, буду...), а с другой - относительно неизменяемые элементы, несущие на себе основную лексическую нагрузку.

Следовательно, функция вспомогательного глагола в аналитической форме равносильна функции морфемы в простой, синтетической, и целостность синтетической формы не отрицает ее разложимости, точно так же как разложимость (структурная, внешняя) аналитических форм не отрицает их целостности.

Мы рассматривали пример аналитической формы, где вспомогательный элемент обременен не одним грамматическим значением, а несколькими (буду+инфинитив - это выражение вспомогательным глаголом не только значения времени, но и лица, числа, наклонения, вида). В русском языке мы можем выделить и такую аналитическую форму, где вспомогательный элемент будет иметь только одно, определенное грамматическое значение, как аффикс агглютинативной формы. Проанализируем форму составительного наклонения русского глагола. Полная парадигма наклонения глагола выглядит так:

I пиш+у	пиш+ем	пиш+и	II писал бы
пиш+ешь	пиш+ете	пиш+и+те	писала бы
пиш+ет	пиш+ут		писало бы

В первой и во второй подпарадигмах обычно выделяют элементы относительно неизменяемые (основа пиш/писа-, аффиксы -и, -те, бы) и элементы чередующиеся (аффиксы -у, -ешь...). Одни из них составляют ряд грамматических аффиксов, которые передают грамматически значение наклонения (-у, -ешь..., -и, бы), другие - основы, на которые падает лексическая нагрузка.

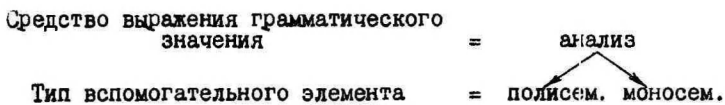
Рассмотрим в нашем примере аффиксы грамматические, отметим, что одни из них, а именно: -у, -ешь, -ет, -ете, -ут; -л; -и (те) - полисемантически, другие - моносемантически: бы. Категория наклонения находит свое выражение и в полисемантических и в моносемантических средствах, так изъявительное и повелительное наклонения представлены в русском языке только полисемантическими средствами (аффиксы -у, -ешь..., -л. буду, -и). Что же касается грамматических средств выражения сослагательного наклонения, то решение этого вопроса несколько сложнее, чем представляется на самом деле. Общепринято считать, что аффикс бы является грамматическим показателем сослагательного наклонения, но в этом случае любое сочетание слов с бы должно признаваться аналитической формой сослагательного наклонения. С такой постановкой вопроса мы не согласны: значение сослагательности в русском языке морфологически выражается только сочетанием частицы бы и глагольной формы на -л /8/. В подпарадигме второй нашего примера следовало бы выделять в качестве неизменяемой основы не элемент писа-, а элемент писал-, поскольку аффикс -л в этой основе при сочетании с частицей бы уже лишен грамматического значения и изъявительного наклонения, и прошедшего времени. В этой форме (писал-) произошел процесс опрощения - ранее делимое слово (писа+л) при сочетании с частицей бы, приобретает новое грамматическое значение, перестало делиться. Лишь только в таком плане утверждение о том, что грамматическим показателем сослагательного наклонения в аналитической форме выступает аффикс бы, будет верным. Но тогда мы должны оговориться, что при рассмотрении в целом парадигмы наклонения в русском языке должны выделяться неизменяемые основы пиш-, чита- для изъявительного и повелительного наклонений /9/, не совпадающие со словом, и неизменяемая основа писал-, представляющая собой слово, для сослагательного /10/. Тогда не

будет никакого противоречия в том, что аналитические формы буду+инфинитив и -л+бы (писал бы) представляют собой сочетание двух слов: вспомогательного и основного, поскольку основа инфинитива и основа сослагательного наклонения выступают действительно как слова, только в одной аналитической форме вспомогательный аффикс будет осложнен несколькими грамматическими значениями, а в другой - одним.

Таким образом, в русском языке в аналитической форме возможны аффиксы и полисемантические и моносемантические (значительно реже).

Аналитические формы как таковы могут быть представлены не только в языках флективного типа, но и в языках агглютинативного типа, где они находят самое широкое распространение /II/. Но если в языках флективного типа вспомогательное слово в аналитической форме несет на себе, в основном, несколько грамматических значений, то в языках агглютинативного типа, как правило, только одно /5, с. 208-216/.

Следовательно, средством выражения грамматического значения может быть и анализ, но с различным типом функций вспомогательных элементов в аналитических формах: он может быть полисемантическим и моносемантическим. Схематично это можно представить так:

Как нам представляется, прослеживается определенная аналогия между двумя средствами выражения грамматического значения, синтезом и анализом, поскольку обе они находят свое применение в языках флективного, аналитического и агглютинативного типов. Отсюда неизбежно возникает вопрос - насколько сильно проник аналитизм в строй данных языков? Не идут ли данные языки по пути развития аналитичности? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо четко представлять себе, что синтез и анализ служат в любом языке для передачи грамматических значений, в то время как строй языка - это определенное отношение между словами в речевой цепи, которое "выражается не средствами самих слов (формами слов), а иными способами (размещением слов в речевой цепи - порядком слов, служебными словами)" /5, с. 83/, т.е. средства выражения грамматическо-

го значения представляют собой явления чисто морфологическое, в то время как строй языка - явление чисто синтаксическое.

Все, изложенное нами выше, можно представить в следующей схеме:

Наиболее характерным для синтетического строя языка в передаче грамматического значения является синтез, хотя и не исключен анализ, точно так же, как в аналитическом ведущим может выступать анализ и не исключаться синтез, или наоборот.

Естественно, что в отдельных языках те или иные средства передачи грамматического значения могут преобладать, но это вовсе не означает, что сам строй данного языка меняется в сторону развития синтетичности или аналитичности.

Итак, в рамках синтетического и аналитического строя языков возможен как морфологический прием синтез и анализ. Но если проблема флективности и агглютинативности (как разновидностей образования форм слова в синтез!) в нашем языкознании более или менее разрешено, то проблема аналитичности строя языка, анализа (как морфологического приема), аналитической формы (как одной из форм анализа!) еще только приобрела право на гражданство, право на свое разрешение.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. подробнее Виноградов В.В. Русский язык. - М.: Высшая школа, 1972, с. 32-37; Русская грамматика. Т. I. - М.: Наука, 1980, с. 453-459; Современные русский литературный язык / Под редакцией П.А. Леканта. - М.: Высшая школа, 1982, с. 169-170; Современный русский язык / Под редакцией Д.Э.

Розенталя. М.: Высшая школа, 1984, с. 246-299; Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. - М.: Просвещение, 1967, с. 80-84.

2. Щербак А.М. О структуре тюркского слова. - В сб.: "Морфологическая структура слова в языках различных типов". М.-Л., АН СССР, 1963, с. 268; Валмет А., Ууспылд Э., Туру Э. Учебник эстонского языка. - Таллинн, Валгус, 1981, с. 7-9.

3. См. подробнее Аврорин В.А. Об основных различиях между агглютинативной и флективной аффиксацией; Баскаков Н.С. Морфологическая структура слова в тюркских языках; Щербак А.М. Указ работа. Ср. также несколько иную точку зрения, излагаемую О.П. Суником. Слово, его основа и корень как различные морфологические категории. Все перечисленные работы опубликованы в сб.: "Морфологическая структура слова в языках различных типов". М.-Л., АН СССР, 1963. Здесь же приведен более полный список литературы по исследуемому вопросу.

4. Мы не останавливаемся здесь на личных показателях лица и принадлежности в агглютинативных языках, которые могут одновременно выражать данные значения (лица и числа, лица и принадлежности), поскольку последние представляют собой своеобразное исключение из правил.

5. Аврорин В.А. Указ выше раб., с. 210; Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм. - В сб.: "Аналитические конструкции в языках различных типов". М.-Л., АН СССР, 1965, с. 32.

6. Полисемантический - грамматический аффикс, совмещающий в себе несколько морфологических значений; моносемантический - грамматический аффикс, несущий только одно морфологическое значение.

7. См. подробнее Нелисов Е.А. О глагольных морфологических формах и аналитических сочетаниях. - В сб.: "Филологический сборник", вып. VIII-IX, Алма-Ата, 1968, с. 288 и сл.

8. См. подробнее Нелисов Е.А. О форме сослагательного наклонения. - В сб.: "Филологический сборник", вып. X, Алма-Ата, 1971.

9. Утверждение, что у "глаголов с основой настоящего времени на -j- форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения совпадает с основой: поj -ут, -пой, убираj -ут - убирай" основано, видимо, на синхронном срезе языка (см. Современный русский язык / Под редакцией Д.Э. Розенталя. - М.: Высшая школа, 1984, с. 366). Исторически же аффикс -и в глаголах повелительного наклонения, попадая в

положение после гласного, находясь в безударном положении, редуцировался: читай - читай, умеи - умеи и т.д.

Ю. Случай типа мог бы, умер бы и под. представляют собой в мужском роде ед.ч. немногочисленную группу глаголов с основой на согласный, где в процессе утраты редуцированного выпал конечный -дь (но ср. в женском и среднем роде: могла бы, умерла бы и под.).

II. Вадшав А.А. Аналитическая форма глагола в тюркских языках. - М.: Наука, 1965.

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КОНСТРУКЦИЕЙ У+Род. падеж
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ**

С.Б. Мельцер

В русском языке широко употребляются предложения с конструкцией У+Род. падеж в бытийном значении. Под бытийным значением понимается "существование в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками, т.е. принадлежащих тому или иному классу" /1, с. 8/, например: В этом городе есть университет; У нее доброе сердце; У нас нет дачи. Этот тип конструкций нужно отличать от локальных предложений, которые, как и бытийные, отражают пространственно-предметный аспект действительности, но при этом темой сообщения служит известный говорящему предмет, а ремой - местопребывание этого предмета, в то время как в бытийных предложениях известным является место, а сообщаемым - его "предметное наполнение".

Судя по описанию У+Род. падеж в бытийном значении, имеющемуся в литературе, данная конструкция охватывает определенные типы бытийных предложений. Сравнив значения, которые подводят под эту конструкцию Н.Д.Арутюнова, Е.Н. Ширяев /1/ и О.Н. Селиверстова /4/, мы сможем классифицировать бытийные предложения с У+Род. падеж следующим образом:

I. Бытийные предложения о мире и фрагменте мира, среди которых Е.Н. Ширяев выделяет четыре подгруппы:

- а) бытийные предложения о мире: У Вселенной нет границ;
- б) предложения с конкретно-предметным именем бытующего предмета : У окна стояла молодая девушка;
- в) предложения с событийным именем, причем события могут выступать и как субъектные: У нас в школе и ремонт, и многое другое; - и как безличные: Теперь у вас зима.

О.Н. Селиверстова включает все перечисленные предложения в одну группу, объединив их наличием отношения "X или какой-то объект, входящий в "существование" X, является местом нахождения У". Исключением являются предложения об окружающем мире, которые нам представляется более целесообразным отнести к следующей группе:

II. Предложения, информирующие о наличии У (свойства, чувст-

ва, мысли, ощущения, представления) в составе X; тогда бытийные предложения о мире можно рассматривать как содержащие определенную характеристику X-а и отнести их к данному типу значений.

По типологии Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева, значению "наличие У (свойства, чувства, ощущения, представления) в составе X" соответствуют следующие типы предложений:

а) бытийные предложения личной сферы, представляющие высказывания о физических свойствах и облике человека: У нее длинный нос; У девушки густые выщипанные волосы;

б) бытийные предложения о физическом состоянии человека: У больного высокая температура; У меня озноб;

в) бытийные предложения, заключающие высказывания о внутреннем мире человека: У тебя нет совести; У него есть глубокие мысли.

III. Бытийные предложения личной сферы, где область бытия представлена внешним микромиром человека. Это, в первую очередь:

а) высказывания о "личном составе" микромира человека; У мальчика нет матери; У нее много поклонников; У меня почти нет знакомых. Значение этих предложений можно выразить через отношение "У включается в "существование" X через одно из своих свойств"; данные выражения несут информацию о наличии объекта, одно из свойств которого есть отношение к другому объекту.

б) высказывания о наличии внешних обстоятельств и событий в жизни человека: У меня бывали с ним неприятные разговоры; У этого профессора интересные лекции. Контекстный вариант значения рассматриваемых предложений - информация о наличии действия, осуществляемого X-ом; У есть результат действия X-а. Сюда же, по-видимому, можно отнести и предложения типа: У нее был успех (успех как следствие какой-то деятельности X-а).

в) высказывания о владении, обладании предметом или о том, что предмет находится в распоряжении некоего лица: У меня есть дача; У них есть собственный дом; У моего знакомого есть прекрасная библиотека. Предложения этой группы имеют possessивное значение, которое можно выразить отношением "У - элемент временной или постоянной собственности X-а", что ставит под сомнение обоснованность включения этих высказываний в группу бытийных предложений; в данных случаях, по-види-

мому, посессивное значение можно рассматривать как вторичное по отношению к бытийному.

Типология значений, предлагаемая О.Н. Селиверстовой, описывает в основном характер внутренних отношений между X и Y в конструкции "У X (есть) Y", тождественной конструкции У+Род. падеж, и не является столь детализированной, как классификация Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева, отражающая бытийные предложения по отношению к окружающему миру, - поэтому при сопоставительном анализе мы опирались прежде всего на вторую работу /1, с. 94-187/. В этом исследовании отмечается также многочисленность бытийных предложений со "всемирным" локализатором, в которых имя называет события, явления: На свете счастья нет, а есть покой и воля (А.С. Пушкин). Но для этой группы бытийных предложений не является характерной конструкция У+Род. падеж, поэтому высказывания данного типа нами практически не учитывались. Нас будут интересовать способы передачи контекстных вариантов значений, выражаемых конструкцией У+Род. падеж, на эстонский язык и возможности трансформации этих предложений при помощи глагола "иметь"

Конструкция У+Род. падеж при сопоставлении обнаруживает, что эстонский язык в большинстве выделенных нами случаев употребления использует адессив: предложения с событийным именем - У нас в школе и ремонт, и много другое /Meil on koolis remont ja palju muudki; Теперь у вас зима /Nüüd on teil talv; высказывания о владении предметом или о том, что предмет находится в распоряжении некоего лица: У меня есть дача /Mul on suvila; У него есть хорошая библиотека /Tal on hea raamatukogu; У каждого есть свой отдельный мир /Igaühel on oma maailm; высказывания о "личном составе" микромира человека: У мальчика нет матери /Poisil pole ema; У нее много поклонников /Tal on palju austajaid; высказывания о наличии внешних обстоятельств и событий: У меня бывали с ним неприятные разговоры /Mul olid temaga ebameeldivad jutuajamised; высказывания о физических свойствах и облике человека: Голос у нее был низкий /Tal oli madal hääl; У нее длинный нос /Tal on pikk nina; У вас не руки, а медвежьи лапы /Teil pole käed, vaid karu käpad; У мальчика красивые синие глаза /Poisil on ilusad sinised silmad; высказывания о физическом состоянии человека: У него тоска /Tal on mure; У меня озноб /Mul on külmavärinad; высказывания о внутреннем мире человека: У тебя нет совести /Sul ei ole südametunnistust; У него есть глу-

бокие мысли / Tal on sügavad mõtted; У тебя странное пред-
ставление о жизни / Sul on kummaline ettekujutus elust; Была
у него одна мечта - хотел он купить дом в деревне / Tal oli
üks unistus - ta tahtis osta maja maale.

Таким образом, рассматриваемая нами конструкция почти полностью покрывается адессивом. Что представляет собой адессив в эстонском языке? Как отмечено рядом исследователей Р. Alvre, Н. Rajamets, Е. Rajusalu, L. Rannut jt./, адессив в финно-угорских языках может передавать следующие значения: 1) в целом ряде подгрупп финно-угорской языковой семьи элемент -1 является признаком падежей со значением места /väliskoha kääne/: Väljakul oli palju rahvast/ На площади было много народа; 2) несколько позже, но еще в рамках прибалтийского языкового единства, *ℓ*-овые падежи получают дополнительную функциональную нагрузку, приобретая также притяжательное, посессивное значение: Poisil olid tugevad käed/ У мальчика были сильные руки; 3) у инессива и адессива наряду с локальной функцией образовалась также временная функция: Suvel meie sõidame maale / Летом мы поедem в деревню; 4) в стихах адессив может еще выполнять инструментальную функцию: Valgel kübaral käib mölder veski tiiva all /J. Liiv/; pärjal ehin su read /Murme/ венцом главу твою украшу /9, с. 237/. Таким образом, первых два значения адессива соответствуют значениям конструкции У+Род. падеж в русском языке, поскольку описанная нами классификация типов предложения с указанной конструкцией содержит значения "указание на место нахождения", "владение, обладание предметом".

Однако выделяется группа значений конструкции У+Род. падеж, которая переводится в эстонском языке не адессивом, а генитивом с послелогом: У залива сидели ко мне спиной два старика /Lahe ääres istusid minu poole seljaga kaks vanameest; У плетня качается крапива /Tara ääres õõtsub nõges; У окна стояла молодая девушка / Akna juures seisis noor tütarlaps. Почему в данных случаях эстонский язык выбирает конструкции с генитивом? И. Луйска, рассматривая семантические функции родительного падежа, отмечает, что генитив в эстонском языке является основным падежом, соответствующим русскому родительному, и выражает главным образом значение посессивности. Но генитив в сочетании с послелогам juures, ääres, kõrgval, keskel, hulgas и соответствующий ему русский родительный падеж с предлогами у, около, возле, среди обладают локальной функцией: Летом мы отдыхали у моря / Suvel

meie puhkamise mere ääres. Представляется возможным предположить, что выбор генитива с послелогами в данном случае связан с рядом факторов. Приведенные конструкции соответствуют бытийным предложениям, отражающим фрагмент мира; эти предложения не имеют к личной сфере прямого отношения и не затрагивают внутренний микромир человека. Здесь идет речь об отстраненном от локализатора субъекте: предложения типа "У окна стояла молодая девушка" не предполагают внутренней связи субъекта предложения с фрагментом бытия. Поэтому по своему значению эти предложения близки к локальным (в отличие от бытийных предложений личной сферы) и отличаются от примеров типа: У нас ремонт и многое другое / Meil on remont ja palju muudki; У нас сейчас дождь, а у вас дождь есть? Meil sajab praegu, aga kas teil sajab vihma? - подчеркнутой локализованностью действия. Сравнивая предложения о субъектных событиях с локализатором - фрагментом мира (У нас ремонт и многое другое) и предложения с личностным локализатором (У нее на глазах слезы; У него на душе тяжесть), Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев отмечают, что высказывания первого типа, "обозначая неопределенно-личные события, являются сообщениями скорее об арене действий (доме, заведении, учреждении, организации и т.п.), чем об участнике события /I, с. 127/. В высказываниях же типа: У печки лежит полено / Ahju ääres lebab puuhalg - локализованность очерчена еще более конкретно, поскольку локализатор в этих предложениях указывает место у границы какого-либо предмета.

Таким образом, рассматриваемые нами бытийные предложения с конструкцией У+Род. падеж переводятся на эстонский язык при помощи адессива и генитива с послелогом, и бросается в глаза сходство функций, присущих адессиву и генитиву (локальная, посессивная, темпоральная), - что обуславливает возможность замены одного падежа другим при выражении бытийных отношений. Каковы же оттенки значений при употреблении адессива и генитива в эстонском языке?

Первичное значение адессива (значение места) и вторичное значение (притяжательное) выражаются морфемой-омснимом -l. Генитив же в сочетании с послелогом может обозначать только место действия, поэтому адессив сужает поле своего широкого функционирования, уступая место "однозначному" генитиву с послелогом в тех случаях, когда нужно конкретизировать, подчеркнуть место действия. Помимо этого, в случаях употребления сочетаний генитива с послелогами juures, ääres в принци-

пе возможно использование адессива *laua juures - laual, tara ääres - taral*, но в этом случае высказывание приобретает иной смысл: *laua juures - у, около стола, laual - на столе; tara ääres - у, около изгороди, taral - на изгороди*. Это еще раз показывает, что в выделенных нами случаях конструкции У+Род. падеж может соответствовать только генитив с послелогами *juures, ääres*, локализирующий действие, помещающий предмет возле, около определенной границы. Адессив же распространяет действие на все определенное пространство.

Таким образом, русская конструкция У+Род. падеж соответствует двум эстонским падежам - адессиву и генитиву с послелогами *juures, ääres*. Генитив употребляется в тех случаях, когда локализатор указывает место у границы, около какого-либо предмета, поскольку адессив в этих случаях указывает на целостное пространство и не соответствует конструкции У+Род. падеж в русском языке.

Итак, эстонский язык реагирует на то, подчеркивается ли в высказывании локализованность действия, и в этом заключается его особенность в сравнении с русским языком, который употребляет во всех предложениях, в том числе и с конкретными локализаторами, помещающими предмет возле чего-то, конструкцию У+Род. падеж. С другой стороны, сопоставление с эстонским языком показывает, что среди русских бытийных конструкций У+Род. падеж следует, видимо, выделить особый локально-бытийный подтип по указанному выше признаку внутренней связи субъекта с локализатором.

Рассмотрев бытийные предложения о мире и фрагменте мира, остановимся на бытийных предложениях личной сферы /область бытия - внешний и внутренний микромир человека/ в русском и эстонском языках, типа: У меня есть дача; У него есть опыт работы в данной области. Э.Бенвенист отмечал, что одна из семантических функций индоевропейского корня **es*, соответствующего лексеме "быть", состоит в том, что он делает возможным употребление конструкции "быть у" в значении "иметься" /2, с. 204/. Попытаемся проследить, как эту возможность используют эстонский и русский языки. В русском языке форма сообщений о владении зависит от референции имени: если исходный пункт сообщения - имя владельца, а сообщение касается его имущественного положения, то предложение может строиться и по бытийной модели, и с глаголом "иметь" /1, с. 127/: У него есть дача / Он имеет дачу. Глагол "иметь" в сочетании с

непредметным именем используется в основном в предложениях статического значения: У нее был унылый вид / Она имела унылый вид; У него есть связи / Он имеет связи. Таким образом, бытийные предложения, относящиеся к микромиру человека, во многих случаях могут быть перестроены по субъектно-предикатному типу с глаголом "иметь". Вопрос о том, в каких случаях "разрешается" употреблять "Иметь" в русском языке, подробно изучен О.Н. Селиверстовой /4, глава II/. Для выражения одних значений бытийная модель является основной, для других - периферийной, но, если не учитывать стилистических различий, конструкции "У X/есть/У" и "X имеет У" в русском языке находятся в отношении свободного чередования, а не дополнительной дистрибуции, как в романских и германских языках /2, с. 214/: "Использование одного принципа для описания мира и человека, категорий объективных и субъективных, составляет особенность русского языка, отличающую его от романских, германских и западнославянских языков, в которых сообщения о мире и его частях, взятых в плане их предметного содержания, создаются по бытийному типу, представленному специальными синтаксическими конструкциями (англ. there is, нем. es gibt, франц. il ya, исп. hay, ит.с'е), а микромир человека изображается в виде его "владений", здесь действует принцип собственности, обладания, т.е. используется глагол со значением "иметь" (англ. to have, нем.haben, франц. avoir, исп. tener, ит. avere)". /1, с. 184-185/.

Соответствующий глаголу "иметь" глагол "omaba" в эстонском языке является принадлежностью книжной речи, сочетаемость его довольно ограничена: *maja omaba, haridust /kutset/ o., kogemusi o., koera o., annet o.*/6, с. 313-319/. Как и в русском языке, параллельно с конструкцией "Xomab Y" - "X имеет Y" употребляется конструкция "X^{Ades.} on Y" - "У X /есть/ Y".

Таблица I

X ^{Ades.} on Y	X omab Y	У X /есть/ У	X имеет У
1	2	3	4
Tal on maja.	Ta omab maja.	У него есть дом.	Он имеет дом.
Tal on haridus	Ta omab haridust	У него есть образование	Он имеет образование
Tal on kogemus	Ta omab kogemusi	У него есть опыт.	Он имеет опыт.

I	2	3	4
Tal on koer	Ta omab koera	У него есть собака.	Он имеет собаку.
Tal on anne	Ta omab annet	У него есть способности.	Он имеет способности

Два совершенно различных типа языка в данном случае сближаются, образуя одну и ту же синтаксическую структуру. В эстонском и русском языках высказывания о мире и человеке часто строятся по одному образцу, в то время как в романских и германских языках принципы бытия и обладания противопоставлены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. - М.: Рус. яз., 1983. - 198 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
3. Луйска И. Родительный падеж (семантические функции и их соответствия в эстонском языке). - Русский язык в эстонской школе, 1981, № 5, - С. 16-20.
4. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. На материале некоторых русских глаголов. - М.: Наука, 1975. - 240 с.
5. Alvre P. Terminatiivseist konstruksioonidest terminatiivini. Terminatiivne illatiiv. - Keel ja Kirjandus, 1971, nr. 6.
6. Kaarma G., Külmoja I. jt. Eesti-vene õppesõnastik. Tln., Valgus, 1984.
7. Pajusalu E. Soome-ugri l-käänetest. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, III, 1957, lk. 159 - 170.
8. Pajusalu E. Adessiivi funktsioonid eesti murretes ja lähemates sugulaskeeltes. - Keel ja Kirjandus, 1958, nr. 4 - 5, lk. 246 - 258.
9. Rajamets H. Keelevabadus värsis. - Keel ja Kirjandus, 1962, nr. 5, lk. 284 - 293.
10. Rannut L. Seesütlev ja alalütlev ajamääruse käänete-na. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, V, 1959, lk. 55 - 74.

О ПРИЧИНАХ НАРУШЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
(в устной речи эстонцев на русском языке)

И.П. Кольмоя

Эстонский и русский языки существенно отличаются друг от друга типологически, обладают как различным набором грамматических категорий, так и характерными для каждого из названных языков особенностями функционирования и взаимосвязи категорий.

Эстонец, изучающий русский язык, уже на этапе формообразования сталкивается с целым рядом трудностей, одна из причин которых заключается в различной природе формообразующих аффиксов в двух языках. Как известно, эстонские формообразующие аффиксы (флексии и т.н. признаки) однозначны, монофункциональны, тогда как основной формообразующий аффикс русского языка - флексия - синкретична (синкретичны и некоторые формообразующие суффиксы, напр., суф. -л).

Особенную трудность при изучении языка представляет собой необходимость учитывать закономерности взаимодействия и взаимосвязи грамматических категорий. Именно игнорированием этого фактора объясняется большая часть ошибок, допускаемых эстонцами при построении высказывания на русском языке.

Материалом нашего исследования послужили записи устной речи эстонцев на русском языке. Записи велись студентами отделения русского языка и литературы Тартуского университета в основном во время летней практики. Специальный отбор информантов не проводился (записи выполнены в 1985-1987 гг.). Студенты записывали устную речь, услышанную в магазине, на улице, в музее, в общежитии, в аудитории (но не подготовленный текст лекции, а монологи или диалоги, возникающие спонтанно). Поэтому уровень владения языком у информантов был очень разный. Тем не менее, собранный материал дает представление о типичных ошибках, встречающихся в устной речи эстонцев на русском языке, и позволяет выявить некоторые закономерности, действующие здесь.

На наш взгляд, причины игнорирования взаимосвязей в функционировании грамматических категорий в русском языке могут быть обусловлены следующими факторами (имеются в виду,

конечно, чисто языковые факторы, выявленные в ходе контрастивного анализа грамматических категорий в двух языках):

I. Отсутствие в эстонском языке категории, имеющейся в русском и взаимодействующей здесь с другими категориями.

К таким категориям русского языка, отсутствующим в эстонском, относятся категории рода и вида. Игнорирование ведущей роли этих категорий и их взаимосвязей с другими категориями в процессе функционирования языка влечет за собой ошибки типа: нехороший здоровье; контрольные работы были в каждый четверг; я думаю то, что нам нужно другой, эстонский преподаватель. Даже при определенной степени усвоения самой категории рода, тем не менее, нарушаются правила взаимодействия ее с другими категориями: В прошлом летом я была в деревне (взаимодействие категорий рода и падежа).

Любопытным представляется случай, являющийся своеобразной попыткой гипертрофирования категории рода, когда глагол прошедшего времени согласуется с отрицательным местоимением НИКТО по форме женского, а не мужского рода, т.к. дейктическое местоимение НИКТО здесь употреблено по отношению к обитательницам женской комнаты в общежитии: Никто не ушла, никто не пришла, никто замуж не вышла.

Ошибки, связанные с отсутствием категории вида в эстонском языке, в данном случае, по-видимому, более корректно рассматривать на примерах употребления видовых форм глаголов в прошедшем времени или инфинитиве, т.к. здесь в меньшей мере проявляется влияние других факторов, речь о которых пойдет ниже. Нарушение взаимосвязей категории вида наблюдается в случаях типа: Я не должна была этот экзамен делать, потому что я окончивала восьмой класс с пятерками. Прошу разрешать мне войти. Диалог: А: Твоя бабушка умеет ведь делать домашний квас? Б: Не знаю. Кажется, что умеет, но она давно уже не сделала его.

Второй фактор, обуславливающий нарушение взаимодействия грамматических категорий, заключается в различном объеме и распределении грамматических значений внутри одной категории в двух языках, т.е. в основе, на первый взгляд, одинаковых категорий лежат разные оппозиции (если принимать точку зрения, по которой в основе грамматической категории лежит оппозиция). Так, в основе русской категории времени лежит система трех противопоставленных грамматических значений: будущего, настоящего и прошедшего времени, в эст.яз. оппозиция имеет иной вид, являясь бинарной. Противопоставлены

здесь только прошедшее и настоящее. Значение действия в будущем, т.е. после момента речи, передается лексическими средствами, но прошедшее представлено несколькими формами: имперфект, перфект и плюсквамперфект. Однако т.к. в русском языке категория времени тесно связана с категорией вида, то здесь приходится говорить о влиянии по крайней мере двух факторов одновременно (если же учитывать еще и взаимодействие с лексикой, то таких факторов еще больше).

Различный объем и разное распределение грамматических значений характеризуют и категорию падежа в рассматриваемых языках. Наличие шестичленной категории падежа в русском и 14-тичленной в эстонском языке и вытекающие отсюда различные типы взаимодействий с другими категориями, как грамматическими, так и лексическими, порождают ошибки типа: А другая тоже ходила в детской (художественной) школе. Я последний Дед-Мороз, я иду в север. В воскресенье я узнаю этого (вместо: это) в пять часов вечера. Я должна была их нарисовать с простым карандашом. Здесь ты научишься к будущей жизни. Непонятной для эстонца остается и внутренняя взаимосвязь шести русских падежей.

Третья причина, вызывающая игнорирование взаимодействия грамматических категорий, заключается в различном содержании грамматических категорий в двух языках. Такой семантически неоднородной для двух языков является категория залога. Для русского языка она традиционно определяется как указывающая на отношение глагольного действия к подлежащему (или к носителю действия, или как связанная с выражением субъектно-объектных отношений). Залог в эстонском языке связан с понятиями определено-личности и неопределенно-личности носителя действия (имперсонал), т.е. русским соответствием чаще всего является такая синтаксическая конструкция как неопределенно-личное предложение. Частным случаем функционального соответствия эстонского имперсонала может быть русская двучленная пассивная конструкция с глаголом в форме мн./ед. числа: Ehitatakse maja - дом строится. Расширение действия этой закономерности и неучет взаимосвязей категории залога с категорией вида является причиной ошибок типа: Там дом построится. Мы должны отметить, какие ошибки сделаются.

4. Наконец, чаще всего в конкретных высказываниях мы наблюдаем игнорирование взаимодействия грамматических категорий, вызванное не одним из названных фактором, а сразу несколькими, т.е. имеет место сложное взаимодействие двух или трех факторов одновременно.

Например, одна из частотных ошибок обусловлена отсутствием категории вида и грамматического значения будущего времени в эстонском: У нас так сделают, кто не поступил. Он (прибор) стоит так, что стрелка покажет на север. Очень редко, когда черепаха придет на песок. Говорите, она дает разрешение и мы пишем протокол. При этом может игнорироваться взаимосвязь не только между разными категориями, но и между категориальными значениями внутри одной категории, как мы видим в случаях замены будущего настоящим временем и наоборот, и в то же время взаимодействие грамматической категории с одним из категориальных (грамматических) значений другой категории (взаимодействие категории вида с будущим или настоящим временем). Дело, конечно, не в том что семантика будущего времени остается неясной для эстонца, дело именно в игнорировании фактора взаимодействия категорий.

Влиянием двух факторов обусловлены и нарушения взаимодействия таких категорий как вид и залог (т.е. отсутствием вида и специфичностью семантики залога в эст. яз.): Там (в книге) описется один юноша. По русски там тоже писано. род и падеж: Тогда вы не знаете, какой комната живет Тоомас Уйбо.

Встречается и несоблюдение закономерностей функционирования в их взаимосвязи трех категорий (вид, время, залог).

Игнорирование взаимодействия и взаимосвязей грамматических категорий, возникающее в результате влияния одновременно нескольких факторов, должно исследоваться в сопоставлении, с учетом грамматической специфики родного языка. С другой стороны, приведенные случаи игнорирования взаимодействия грамматических категорий показывают, что системность языка как внутреннее взаимодействие и взаимозависимость элементов индивидуальна в каждом языке.

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ ТЕКСТОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

С.И. Баженова-Рагрина

Являясь культурным и языковым фактом, текст имеет как универсальные, так и специфически национальные черты структурной организации. При объяснении специфических черт ведущим становится вопрос об истоках и этапах формирования текста на конкретном языке, о разнообразных влияниях на него изнутри и извне. Подобная история русского текста пока не создана, но вряд ли обратное можно утверждать применительно к какому-то языку вообще. В то же время фрагменты этой истории рассредоточены по разным источникам, освещающим проблемы текстологии, истории литературы и литературного языка, исторической грамматики и лексикологии. Помимо обобщения этих данных, для создания истории русского текста необходимо рассмотрение вопросов прагматики - в данном случае это наиболее существенные моменты политической, экономической и религиозной жизни общества, в котором эти тексты создаются и используются.

Рассматриваемая проблема имеет еще один существенный аспект. Поскольку единицы языка существуют не иначе, чем в текстах, можно предполагать, что доминирующие в ту или иную эпоху текстовые структуры и жанры обеспечивают выбор и соответствующее направление развития лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических средств в языке. Это означает, что история языка во многом может найти свое объяснение в истории текста.

Отличительные черты русского текста с присущим ему разделением и сложным взаимодействием тенденций к высокому и демократическому складываются до конца XVII века, когда появляются индивидуально-авторские стили (1, с. 45). Таким образом, по справедливому утверждению В.В. Колессова, "стараясь проследить последовательность в развитии органически целостной и по-своему традиционной культуры, мы не выходим за пределы допетровской Руси" (2, с. 17). Позднее начинают сказываться общие для многих развитых литературных языков тенденции к интернационализации и интеллектуализации (термин Б.Габранка - 3) связанные в русской культуре с деятельно-

стью М.В. Ломоносова, приспособившего их к органическим традициям русского текста и языковой системы. Таким образом, ранний этап становления текста является в русской культуре ключевым для его развития.

Особенность раннего этапа состоит в том, что цельно-оформленные тексты, например, правовые, культовые (языческие) и художественные (песни и повести) сложились в славянской культуре ранее их письменной фиксации. До введения христианства предполагается существование богатой устной текстовой культуры, сложившихся правил построения определенных типов текста. Указания на юридическую значимость устных правовых документов Л.П. Якубинский (4, с. 87) находит в договорах русских с греками. Д.С. Дыхачев отмечает высокую культуру посольских речей (5, с. 96-105). О.В. Творогов пишет, что ритуал устных посланий долго сохранялся по традиции, уже в письменный период (6, с. 139). Среди других устных цельно-оформленных текстов О.В. Творогов называет эпические сказания, мифологические легенды, славы победителям, плачи, сказки, обрядовую поэзию, пословицы, поговорки, заклинания (6, с. 138). Известно также, что Русская правда первоначально функционировала как устный свод законов. По-видимому, правы ученые, полагающие, что устный литературный наддиалектный язык существовал ранее письменного (О.Н. Трубачев, 7) и что кодификация текстовых норм произошла ранее кодификации норм языка (А.А. Алексеев, 8, с. 36). В работе "О влиянии христианства на славянский язык" (9) Ф.И. Буслаев сравнивает лексику двух переводов Евангелия - готского перевода IV в., сделанного епископом Ульфиллой, и Остромирова евангелия, на основании чего приходит к выводу о несравненно большей степени отвлеченности слов славянского перевода. На наш взгляд, эти данные также подтверждают существование длительной традиции литературного языка и устного текста у славян до введения официального христианства. Разумеется, и на этом этапе развития не исключается момент внешних структурных влияний - скандинавских, греческих.

С введением официального христианства текстовая культура на Руси расширяется, обогащается письменным вариантом литературного текста. На организации этого текста отразился целый ряд факторов. Прежде всего, это само новое христианское содержание, "высшая область духа" (19, с. 83), в противоположность дохристианскому, посвященному "делам житейским" (10, с. 79), "христианство как наука логики", т.е. система

соотношения человека, общества и мира (II, с. 59-60). Новая картина мира находит отражение сначала в тексте, а затем и в языке. Для отражения новой картины мира заимствуется целая система жанров: Богослужбные книги (Священное писание, Евангелие-апракос, Апостол-апракос, Псалтырь следованная, паримейник), служебники, сборники священных песнопений, Минеи, жития, патерики, гомилетики, памятники церковного права, церковные уставы, философские сочинения, хроники и папи, наконец, апокрифы и индексы (6, с. 143).

Как известно, большая часть этих книг была переводной. Но переводная литература, по словам О.В. Творогова, не подавила национальную, так как существовал "богатый опыт устной словесной культуры", а также необходимость решения конкретных идеологических задач (6, с. 146). Со временем подобные тексты начинают возникать и на русской почве.

Помимо христианского содержания, создающего принципиально новый вариант текста, на это вновь созданное пополнение в единой текстовой культуре Руси оказывает влияние и сама письменная ситуация общения в отличие от глобальной ранее и существующей параллельно теперь устной. Это различие в организации письменного и устного текста на раннем этапе развития было сформулировано еще Е.С. Аксаковым. В тексте, "выражавшем общее религиозное содержание", "синтаксис явился уже со всеми своими оборотами, служа выражению мысли, текущей стройно, тогда как с другой стороны речь народа не могла представить всего синтаксического движения языка, вырезая или настоящую случайную минуту, как разговор, или, как тот же разговор, но запечатленный в своих правильных избранных оборотах, перенесенный в сферу поэзии, или же на деловую бумагу, выражавшуюся простым языком, без утонченных хитростей" (10, с. 84).

Кроме того, необходимо учитывать сильное влияние на оригинальные русские тексты иноязычных структурных образцов, среди которых не исключаются, прежде всего, греческие (Е.М. Верещагин, Н.А. Мещерский, Р.Ружичка, М.М. Копыленко, Л.В. Савельева, Я.Бауер, Х.Бирнбаум, В.М. Истрин и мн. др.), а также семитические, готские и латинские. Роль греческих структурных образцов в лексике и синтаксисе признается большинством исследователей, дискутируется лишь вопрос об их количестве (литература вопроса представлена у Н.А.Мещерского - (12). В обзоре взглядов на степень влияния греческой струк-

туры на синтаксис переводных славянских памятников Н.А. Мецкерский выделяет две тенденции: в настоящее время преобладает точка зрения, согласно которой переводчики избегают "насилия над языком" даже при переводе Священного писания, что особенно характерно для школы образованных и искусных переводчиков древнейшей поры (так считают Й. Курц, А. Достал, А. Брюкнер, И.В. Ягич и мн. др.). На первом этапе исследования этой проблемы существовало и другое мнение, так, по данным Н.А. Мецкерского, Н.К. Грунский писал о "рабской зависимости переводных памятников от греческого оригинала", подражательности (13). Исследователи влияния греческих структур на переводные, а затем и оригинальные тексты, выделяют, как правило, изолированные синтаксические черты. В несколько ином плане ставит вопрос С.С. Аверинцев, который пишет о влиянии "эллинского духа" на славянский текст, отмечая, что при исследовании этого внимания надо идти "в самую глубину элементарных словесных структур, туда, где действуют такие факторы, как скажем, двукорневой состав или протяженный объем слова", "сама суть языка как такового" (14, с. 155). И далее: "красота целой прозды слов, сцепляющихся в единое слово - это очень греческая вещь". Греческим влиянием С.С. Аверинцев объясняет "неразличимое единство хитрости и мудрости, игры и глубины, святости и фокуса" (14, с. 159).

Представляется, что в последнем высказывании речь уже идет о другом, еще одном факторе влияния на ранний русский текст, более широком, чем воздействие греческих языковых образцов. Этим фактором является античное и средневековое искусство р и т о р и к и. Риторика проникает в словесное искусство Руси скорее практически, через подражание построенным по риторическим правилам византийским текстам. Вопрос о теоретических влияниях риторики исследован пока мало, однако есть отдельные сведения об источниках этого влияния на творчество древнерусского писателя. Например, Л.П. Якубинский (4, с. 93) и С.Матхаузерова указывают на Изборник Святослава 1073 г., где имеются извлечения из риторического произведения византийского писателя IX в. Георгия Херобоска "О образах". С.Матхаузеровой также упомянут Изборник Святослава 1076 г., содержащий Слово некоего калугера о "чтьи кннть", которое дает поучение о символическом значении написанного текста (15, с. 8). С.Матхаузерова, специально занимавшаяся этим вопросом, пишет, что "теоретические произведения, излагающие систематически литературные теории, не дошли

до нашего времени", "однако сборники, в которых помещались статьи поучительного и теоретического характера, были распространенным жанром в древней Руси" (15, с. 8). Частью теории слова являлись концепции перевода. Одна из самых ранних сформирована в Прологе Иоанна Экзарха Болгарского к переводу Богословия Иоанна Дамаскина (16, с. 74) и в так называемом Македонском листке (15, с. 28).

Вопрос о преломлении риторического наследия в древнерусском тексте не может быть сведен к простому перечислению заимствованных у греков и римлян формальных приемов, поскольку риторика являлась своеобразным творческим мышлением древних, частью их мировоззрения (17), а это мировоззрение своеобразно трансформировалось у древнерусских писателей. Риторика подвергалась изменениям в связи с развитием той политической и социально-экономической почвы, которая ее питала. А.К. Авеличев (18, с. 17) говорит о двух основных тенденциях в античной риторике. Одна из них развивалась в линии Аристотель-Цицерон и представляла собой "разработку всевозможных способов убеждения относительно каждого данного предмета" (18, с. 8). Однако последовавшее за трудами Цицерона "многовековое творческое ее бесплодие объясняется утратой того организующего и всеподчиняющего начала, которое побуждало античных риториков совершенствовать теорию и оттачивать практику убеждающего красноречия - общественной потребности в ораторском искусстве, исчезнувшей одновременно с угасанием античной полисной демократии" (18, с. 18). Второй вариант риторики А.К. Авеличев связывает с *ars pulchre loquendi* Квинтилиана, к которой относится, вероятно, следующее определение: "Античной риторике свойственен особый ф о р м а л и з м, проявляющийся в неукоснительном следовании пространственно-временным принципам гармонии и соразмерности" (18, с. 9). С.С. Аверинцев (19, с. 15) отмечает, что при анализе средневековой эстетики "страсть к духовному порядку" - одно из господствующих умонастроений, в том числе это проявлялось в упорядоченной симметрии слов во фразе. По замечанию Ж.Женетт, представители классической риторики отличались "неумностью в наименованиях, равносильной желанию охватить как можно больше явлений и оправдать свое существование путем увеличения числа объектов познания" (20, с. 55).

Представляется однако, что А.К. Авеличев не совсем прав, противопоставляя и взаимоисключая два направления риторики: "убеждающее" и "красноречивое". Прежде всего потому, что

убеждение с точки зрения средневекового читателя и слушателя - нечто совсем иное, чем убеждение для современно-го адресата: первое опирается, прежде всего, на веру, второе - на интеллект, первое не предусматривает личностного обращения непосредственно к единичному адресату, для второго же это - очень существенный момент. Учитывая эти особенности функции убеждения для средневекового адресата, можно утверждать, что начатая Аристотелем линия риторики развивалась в средние века в теории и практике проповедей и обширного класса текстов - рассуждений. Эти процессы в средневековых текстах достаточно полно описаны в отечественных и зарубежных работах (21, 22, 23, 24, 25). Воздействие на средневекового читателя и слушателя осуществлялось не только "высшим, общим" содержанием, авторитетностью ссылок, примеров и параллелей, но одновременно и обилием украшающих речь симметрических и ритмических приемов.

В древней Руси, только что обращенной в христианство и одновременно борющейся за объединение государства, существует благодатная почва для развития подобных убеждающих текстов - проповедей, речей, обращений, рассуждений. Вся история становления русского текста говорит о том, что до XV века "рассуждение" было наиболее развитой текстовой формой с разнообразным выражением внутритекстовых связей, умелым тематическим членением информации, продуманной композицией и изощренными стилистическими украшениями. Этого нельзя сказать о повествовательных, как переводных, так и оригинальных, текстах, в которых авторы и переводчики стремились передать только события, не заботясь о сцеплении событий в связный текст. Риторическое влияние отмечалось в творчестве мастеров рассуждения митрополита Илариона, Кирилла Туровского и "самого блестящего представителя "плетения словес", воспринявшего традиции греческой риторики через посредство т.н. II южнославянского влияния" (С.С.Аверинцев, 19, с.301), Епифания Премудрого. Однако, по-видимому, следует внимательно рассмотреть отношение древнерусских авторов к риторике на разных хронологических срезах и связь их с параллельно существующей устной народной традицией.

Существовала и другая область приложения риторического наследия в древнерусской культуре, связанная со светской деятельностью. Это, прежде всего, традиции составления письма и деловых бумаг. *Arv dictaminis* (Учение о составлении официальных писем) было весьма распространено в средневеко-

вье, хотя античная традиция была прервана в V веке. В X-XI вв. в Европе вновь появляются попытки решить эти проблемы. В новых руководствах описывалась обязательная композиция письма: 1. приветствие, 2. выражение доброй воли, наилучшие пожелания, 3. изложение событий, рассказ, 4. обращение с просьбами, 5. заключение. В руководствах давались подробнейшие указания о способах приветствия сообразно положению адресата и автора (универсальное приветствие, обращение к духовным лицам, обращение к старшим по положению, к особам, наделенным властью, к родителям, детям, ученикам и т.п.). Указывалось также, каким образом следует соединять отдельные композиционные блоки письма (26). Древнерусские тексты официальных писем строятся по единой стереотипной схеме, несомненно продолжающей традицию *ars dictaminis*.

Говоря о возможных структурных влияниях на формирование раннего древнерусского текста, нельзя обойти молчанием вопрос о болгарских источниках. По словам Д.С. Лихачева, Византия и Болгария для Руси "неразличимы и часто неразделимы", влияние Византии на Русь удвоилось с конца X века болгарским влиянием (27, с. 17 и след.). Точнее говоря, наиболее сильное культурно-посредническое влияние Болгария начала оказывать на Киевскую Русь после 1019 г. (гибели Первого Болгарского царства), когда на Русские земли потянулся поток болгарских беженцев, среди которых было немало священнослужителей, книжных людей; многие привезли с собой большое количество памятников древнеславянской письменности. Однако уже к этому времени существует и русская школа книжности - созданный Ярославом Мудрым русский монастырь на Афоне, соседствующий с болгарским и сербским. В последние годы сформировалось мнение, согласно которому влияние Болгарии на русскую литературу было не внешним, искусственным, субъективным, а проявлением воли Руси в этих духовных контактах. "Выбор Руси пал на болгарскую литературу потому, что она - при ее использовании - давала возможность, с одной стороны, сохранить достаточно тесные религиозно-философские связи с Византией, как центром восточного христианства, а с другой - сохранить свою политическую независимость, идеологическую автокефальность, культурную самобытность" (6, с. 202). Вероятно, этой органичностью влияния объясняется тот факт, что в древнерусских текстах мало структурных болгаризмов, за исключением черт южнославянской фонетики и морфологии. С XII века это влияние и вовсе исключается, так как древнеболгарский язык,

по данным К. Мирчева (28), начинает проявлять черты аналитизма, утрачивает синтетизм в области имен, со временем - инфинитив, развивает определительный член. Полагая, что болгарское влияние на структуру древнерусского текста достаточно ограничено, мы тем самым разделяем точку зрения исследователей, для которых язык древнеславянских переводов Священного писания и древнеболгарский язык - далеко не одно и то же.

Язык первых переводов на славянский, язык Кирилла и Мефодия - один из важнейших уровней влияния на формирующуюся структуру древнерусского текста. Особое значение в изучении этой проблемы имеет самый распространенный, по данным Л. П. Жуковской (29), памятник - Евангелие, поскольку, по выражению Е. М. Верещагина, на этом переводе "разрабатывалась переводческая техника, в другие тексты эта техника переносилась" (30, с. 19). Учитывая огромное влияние книг канона на последующую русскую традицию письменного, а в какой-то степени и устного текста, можно согласиться с мнением Е. М. Верещагина о том, что сначала должны быть тщательно исследованы первые древнеславянские переводы, а затем в сопоставлении с ними более поздние переводы и оригиналы. Однако применительно к рассматриваемой проблематике вопрос об организации канонических произведений как текстов также почти не исследован.

Подводя итог постановке проблемы, можно резюмировать, что в рамках древнерусской текстовой культуры прежде всего складывается устный тип текста, который первоначально не имел условий для полного развития своих структурных черт. Письменный тип текста, пришедший несколько позднее, связанный с более общим содержанием, имеющий готовую систему речевых жанров, развил свою структуру на протяжении X-XV вв. почти до совершенства. На русской почве этот тип текста развивался как обширный класс рассуждения (проповеди, послания, обращения, слова и др.), опережающий по уровню своей структурной организации, например, повествовательные и описательные тексты. На структуру письменного текста оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов: а) письменная ситуация общения, б) структурные черты греческого текста, связанные с особенностями языковой системы, в) приемы древнегреческих, латинских и средневековых европейских риторик, г) структура текста первых Евангельских переводов. Однако характерно то, что средневековое рассуждение не повлекло за собой развития в языке средств, свойственных этому типу текста в настоящее время. Так, в литературе отмечается ускорен-

ное развитие паратаксиста сравнительно с гипотаксистом, преобладание цепного нанизывания предложений, развитие неполных предложений глагольного типа и т.д. Это связано с особым характером древнерусского рассуждения, убеждающего на примере повествовательных сюжетов, которые составляют значительную часть текста. С XV века письменный и устный текст сливаются в единую структуру, однако этот процесс также не был непрерывным и однозначным, он перебивался II южнославянским влиянием, затем деятельностью старообрядцев, Аввакума, с одной стороны, и Симеона Полоцкого, с другой. Заканчивается этот процесс слияния устного и письменного текста творчеством М.В. Ломоносова, который создает в тексте "единичное", индивидуальное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. - М., 1961.
2. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. - Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
3. Navránek B. Teorie spisovného jazyka//Kultura českého jazyka.- Liberec, 1969.
4. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. - М., 1953.
5. Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. - Л., 1952.
6. Введение христианства на Руси / Отв. ред. А.Д. Сухов. - М., 1987.
7. Трубачев О.Н. Доклад на Всесоюзной конференции "Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры". - Ленинград, 26-29 января 1988 г.
8. Алексеев А.А. Когда в древней Руси возник литературный язык? Всесоюзная конференция "Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры." - Л., 1988 г., с. 36.
9. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. - М.

10. Аксаков В. Ломоносов в истории русской литературы. - М., 1946.

11. Припадчев А.А. Роль христианской концепции познания человека в развитии и разделении "языка книжного" и "языка народного". Всесоюзная конференция "Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры".

- Л., 1988, с. 58-60.

12. Мецкерский Н.А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. Теория и критика перевода. - Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1962., с. 83-103.

13. Грунский Н.К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Т. II. - Орсьев, 1910.

14. Аверинцев С.С. Славянское слово и традиции эллинизма. Вопросы языкознания, 1976, № II.

15. Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. - Univerzita Karlova, Praha, 1976.

16. Калайдович К. Иоанн, Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX и X столетий. - М., 1824.

17. Лосев А.Ф. Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости. Античные риторики. - М., Изд-во Моск. ун-та, 1978.

18. Авеличев А.К. Возвращение риторики. Ж.Дюбуа, Ф.Менге, Ф.Эделин и др. Общая риторика. Пер. с франц. - М., 1986.

19. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. - М., Наука, 1977.

20. Дюбуа Ж., Менге Ф., Эделин Ф. и др. Общая риторика. Пер. с франц. - М., 1986.

21. Brandt W.I. The rhetoric of argumentation.- Indianapolis. - N.-J.-. 1970.

22. Caplan H. Classical rhetoric and the medieval theory of preaching//Classical philology, 1933, V.28, N 2.

23. Murphy I. Rhetoric in the Middle Ages.- University of California Press, 1974.

24. Гиндин С.И. Комментарий к Общей риторике. Общая риторика. - М., 1986.

25. Perelman Ch. L'empire rhetorique.- Paris, 1977.
26. Three medieval Rhetorical Arts/Ed. by I.Murphy.-
University of California Press, 1971.
27. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XIII вв. -
Л., 1973.
28. Мирчев К. Историческа граматика на българския език.
- София, Наука и изкуство, 1978.
29. Жуковская Л.П. Сколько книг было в Древней Руси?
Русская речь, 1971, № I.
30. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого ли-
тературного языка славян. - М., Изд-во Моск. ун-та, 1972.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ СПИСКОВ МИНЕИ

Н.А. Нечунаева

Важной частью письменной книжной культуры Киевской Руси являются гимнографические тексты. Об их широком распространении свидетельствует большое количество списков XI-XIV вв., включенных в Предварительный список (1) - 123, причем среди них находятся древнейшие из сохранившихся рукописей - Минеи 1095-1097 годов, изданные И.Ягичем (2), Путятина минея (ПМ) - текст, по мнению В.М. Маркова и В.В. Колесова, старше Остромирова Евангелия (3) - и Минея Дубровского XI в. - текст издан в Венгрии (4).

Русские списки служебной Минеи (их 84), одного из гимнографических памятников, находятся в определенных связях с оригинальными текстами - греческими списками и другими славянскими списками - болгарскими и сербскими. Прежде всего это соотносимость оригинал - перевод и хронологическая соотносимость: в греческом варианте старшие минейные списки датируются IX в. (ГПБ, греч. 89) и Xв. (ГПБ, греч. 106) - в них отражен первоначально сложившийся состав памятника и структура текста по студийскому уставу.

Из славянских списков древнейшие списки русские (с XI века), болгарские и сербские относятся к XIII-XIV вв. (серб., БАН 4.5.10) и имеют в своем составе проложные жития, в праздничном варианте болгарские списки известны также с XIII в. (Драганова минея).

Древнейшая из дошедших гимнографических книг восточно-христианского культурного круга сохранилась в грузинской рукописи № II (Тбилиси) и представляет собой объединение двух типов гимнографических книг - Триоди и Минеи. Существование столь древнего объединенного текста позволяет обратить внимание на место и время перевода Минеи на славянский.

Если праздничный вариант Минеи, как правило, связывают с деятельностью Кирилла и Мефодия, то на возникновение служебного варианта сложилось несколько точек зрения: 1) территория Моравии и Паннонии, по мнению Сергия (5); 2) Болгария и Афон определяются как время и место перевода И.В. Ягичем (6); 3) М.Мулич связывает перевод с деятельностью охридской

школы, опираясь на специфическую лексику — чрево, пастырь, женихъ (7). Охридская школа является точкой соприкосновения двух видов гимнографических книг — Триоди и Минеи: известно, что Климент Охридский перевел с греческого цветную Триодь и занимался много греческой богослужебной книжностью, так что отнесенность минейного перевода к охридской школе представляется возможной.

В русских списках Минеи представлено гимнографическое творчество не византийского происхождения: М.Ф. Мурьянов первым минейным текстом, родившимся в Киевской Руси, считает службу Борису и Глебу 24 июля в ильской Минеи № 121 XI—XII вв., ЦГАДА (8). Структура нового текста совпадает со структурой текста в архаичной ПМ — канон начинает службу: такое построение свидетельствует об отнесенности текста к достудийскому типу Минеи, который в славянском варианте отмечается в ПМ.

Память Борису и Глебу включена также в майскую Минею Т. 113, ЦГАДА (по ПС — XIII в., по Сводному каталогу — XIV в.) под 2 мая. Памяти русским святым в минейных текстах исследователи обычно связывают с поздним типом Минеи — иерусалимским, распространившимся на Руси с конца XIV в., причем наличие таких памятней считается специфической чертой иерусалимских Минеи, впервые представленных на славянской почве сербскими рукописями конца XIII — начала XIV вв. Однако русские списки дают отклонение от этой закономерности: Т. 114 (XIV в., ЦГАДА), Минея студийского типа по составу и структуре текста включает под 23 мая память Леонтию Ростовскому (вместе с Иоанном Психаитом). Аналогичная память в двух других майских Минеях XIV в. — Ярославской № 15467 и ОЛДП Q. 180 (ГПБ), принципиально отличающихся от Т. 114 составом, структурой и переводом текста, по этим показателям Т. 113, Яр. и ОЛДП ближе к иерусалимским Минеям, но не адекватны им. Ярославский список содержит под 28 мая еще одну оригинальную память — Игнатию Ростовскому, а список Т. 113, кроме борисоглебской памяти, под 3 мая имеет канон Феодосию Печерскому, попеременно со службой Тимофею и Мавре.

Оригинальные памяти представлены во всех типах Минеи, бытовавших в Киевской Руси: достудийском (список № 121 — Борис и Глеб), студийском (Т. 114 — Леонтий Ростовский), раннем иерусалимском (Т. 113, Яр., ОЛДП — Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Леонтий Ростовский, Игнатий Ростовский), а также в иерусалимских списках (Кирилло-Белозерский список 361/618).

Набор памятей, важный показатель типа Минеи, с одной стороны, стабилен по типам, а с другой стороны, подвижен: в распределении оригинальных памятей прослеживается довольно четкая взаимосвязь с типом Минеи — увеличение набора памятей в списках отмечается к концу XIII—XIV вв., по набору оригинальных памятей четко выделяются Минеи раннего иерусалимского типа XIII—XIV вв.

Минея — нормированный памятник как с текстовой, так и с лингвистической стороны. Текстовая норма предполагает наличие строго определенного состава и структуры службы либо по студийскому, либо по иерусалимскому уставу, лингвистическая норма — вариативность языковой системы, например, на лексическом уровне, в списках студийского устава и ее стабильность в иерусалимских списках.

Русские списки раннего иерусалимского типа XIII—XIV вв. эту жесткую схему расшатывают: по составу и структуре, то есть по текстовой специфике эти списки соответствуют спискам иерусалимского устава, хотя и функционируют параллельно со студийскими списками, а в языковом отношении явно отличаются от предшествующих (студийские списки) и последующих (иерусалимские списки): празднующимъ память твою (достудийские и студийские списки) — свершающимъ (Т. IIЗ, Яр.) — творящимъ (Кирилло-Белозерский список), цельбы истачаютъ яко отъ источьникъ — крина — цвѣтець.

Списки раннего иерусалимского типа представляют собой своеобразие в пределах круга минейных текстов XIII—XIV вв., они не ориентированы на образцовые тексты (для майских Минеи — ПМ) и даже на хронологически совпадающие с ними студийские списки. Вариативность языкового состава студийских списков является их отличительной приметой, она носит двоякий характер: маркирует студийские списки по отношению к ПМ: постиже яко имовитець добрымъ (ПМ) — купць (студийские, ранние иер., списки) и отражает внутритиповое варьирование: домь ... познася (ПМ) — показася (Син. II6, Соф. 204, БАН-я) — (Соф. 203, Т. II2, Т. II4), дръжаву съмрътнюю (ПМ) — смерти (Соф. 203) — адскую (Син. II6) — адову (БАН-я) — смертнюю (Т. II2, Т. II4).

Варьирование связано с разными причинами — временем и местом создания текста, его редактированием, переписыванием, зависит от школы, от принципов перевода, от традиции и др., так как сохранить текст в неизменном виде невозможно для той эпохи (даже текст традиционного содержания).

Отличительные черты русских списков раннего иерусалимского типа хорошо прослеживаются на фоне названных выше студийских списков. Следует отметить, что внутритиповое варьирование в ранних иерусалимских списках представлено ограниченно, однако весьма распространены маркирующие языковые единицы разных уровней, связанные со списками Т. ПЗ и Яр. как списками определенного типа. Рассмотрим их.

I. Самый яркий приставочный элемент этих списков все-, который последовательно заменяет приставку пре- (дреславный - всеславный) и корень много- (многокзньную - всекозньную). Словообразовательный элемент все- имеет широкий семантический объем, позволяющий объединить значение 'очень' и значение большого количества с уточнением 'полностью'. Употребление прилагательного всекозньный известно за пределами традиционных текстов: всекозньный же дьявол (Ипатьевская летопись 6654 г.). Греческое соответствие *πολυτῆχανον* (*politēkhanion* 'остроумный, изобретательный') наиболее адекватно передано в раннем иерусалимском типе - *poli* - 'весьма, очень, крайне' → все-, а не в иерусалимском типе, как следовало бы ожидать; в списках иерусалимского типа отмечается лексический вариант врагоборец (врагоборца), то есть замена идет на сложное слово по правилам П южнославянского влияния.

II. Суффикс - ник -, сменивший суффикс - тель - из списков студийского типа; к суффиксу - тель - вновь вернутся лишь в собственно иерусалимских списках: победитель сильный - победьник (Т. ПЗ, Яр.). Семантическая адекватность вариантов подтверждается словарными данными: победитель 'одержавший верх, преодолевший', победьник 'победитель'. Суффиксы - ник - и -тель- отражают словообразовательную синонимию в древнерусском языке, которая является результатом внутрисистемного взаимодействия словообразовательных типов древнерусского языка. Однако эти суффиксы могли выступать как межстилевые синонимы, будучи связанными с разными типами текста: победитель томителей (ПМ) - егда же одолеемъ, тогда же питаемъся радуещеся и гордимъ яко победьници (Пчела, списки XIV-XV вв.). Суффикс - ник -, тяготеющий не к книжным текстам, в ранних иерусалимских списках выступает маркирующим элементом явно книжного текста.

III. В списках XIII-XIV вв. отмечаются слова в собственно русской огласовке: преже (вместо прежде), осуженья (в ПМ - чась судьный). Происходит адаптация текста в списках раннего иерусалимского типа на фонетическом уровне. ПМ и списки сту-

дийского типа имеют лексику с - жд - на месте <*dj (хотя случаи корреляции в списках студийского типа отличаются), вновь насыщаются сочетанием - жд - списки иерусалимского типа с XV века, попадая в струю II южнославянского влияния и отражая стремление вернуться к образцовым древнейшим текстам (ПМ). Варьирование -жд-/-ж- является фактом русских списков Минеи (от ПМ до иерусалимских списков), где каждый из вариантов маркирует определенные списки (-ж- - ранние иерусалимские). Подобная же ситуация складывается для слов с полногласием-неполногласием как фактов системы древнерусского языка (9).

IV. Морфологическая характеристика списков иерусалимского типа позволяет включить их в общую картину развития грамматического строя русского языка. Списки Т. IIЗ, Яр. дают новые формы имен существительных, в частности, Р.п. мн.ч. на -овь: Вь славу болѣзнии твоихъ (ПМ) - трудь (списки XII-XIV вв.) - трудовь (Т. IIЗ, Яр.). Известно, что распространение флексии -овь в Р.п. мн.ч. - ранний и последовательно проведенный процесс, отражающийся в разных текстах: от правдъныхъ крѣмитися трудовь (Изборникъ 1076 г.) и приносяще трудовь своихъ плоды къ господу (Успенский сборник). Ранние иерусалимские списки в отличие от параллельно с ними функционирующих студийских списков отразили развитие именной системы русского языка, отступив от морфологической стабильности студийских списков.

V. Употребление времен в списках раннего иерусалимского типа связано с динамикой форм прошедшего времени - аористные формы достаточно последовательно сменяются на связочный перфект: разпруши вся еретическые съблазны - раздрѣшилъ еси трѣбища разори - развратилъ еси (с параллельным лексическим варьированием). На списки XIII-XIV вв. оказывает давление развивающаяся грамматическая система русского языка: сведение всех глагольных форм, содержательно связанных с прошедшим временем, к перфекту, отражает новые складывающиеся отношения в языковой системе. В списках XIII-XIV вв. употребляется синхронно адекватный для них перфект в его классической связочной форме - отступление от нее отмечается в поздних минейных текстах XV-XVI в., хотя само явление в русском языке известно с XI в. в деловых текстах.

VI. Лексические ряды включают разночтения, связанные с тематически важной для Минеи как типа памятника лексикой, отражающей духовную сферу деятельности: льсть-прѣльсть-

сѣблазнь-блазѣ-кѣзнь; мудрость-смысль-умѣ-разумѣ-воля-мысль;
бѣсь-демонѣ-идоль-игемонѣ; путь-стеязя-шествие; рожденикъ-
сродникѣ-ужикѣ; письменнѣи-книжнѣи; сила-мошь; иго-дремѣ.
Лексические ряды отражают разночтения оригинала: лъсть-мьгдѣ-
(*tēn plānēn - tōv gnōfon*), но не они являются ведущими в
тексте.

При варьировании определяются лексемы, связанные со
строго определенным типом Минеи - ранними иерусалимскими
списками: блазнь, разумѣ, смысль, и являются лексическими
маркирующими элементами: православнѣ мудрости причащѣся
(ПМ) - прѣмудости (студийские списки) - смыслу (Т. IІЗ, Яр.)
- (*frōnēmata*). В ПМ и студийских списках варьирование осно-
вано на абсолютной синонимии, которая зафиксирована и в дру-
гих типах книг: кнѣжнѣи мудрости сиречѣ прѣмудости. Осно-
вой для варьирования мудрость - смысль является общее значе-
ние, зафиксированное у И.И. Срезневского как 'жизненное пра-
вило', а в данном контексте уточненное - 'совокупность пра-
вил веры'-и второе значение 'разум', представленное в древне-
русских текстах в таких отношениях: и почитать на немѣ дхѣ
бжии, дхѣ прѣмудости и смысла, духъ свѣта и крѣпости (спи-
ски с рук. Упыря Лихого 1047 г.).

По словообразовательной структуре маркированные лексемы
блазнь, разумѣ, смысль являются бессуффиксальными существи-
тельными, употребление суффиксальной группы этого ряда раз-
ночтений мудрование, помышление, мысление связано с собст-
венно иерусалимскими списками, то есть насыщение книжными
элементами так же как и на фонетическом уровне происходит
позднее, несмотря на структурно-текстовое единство раннего и
иерусалимского типов.

Лексическое варьирование списков разных типов обнаружи-
вает его блоковый характер: лексическое изменение главного
компонента в словосочетании влечет за собой изменение зави-
симого компонента: творити дивнѣная (ПМ, студийские списки) -
свершати чюдеса (Т. IІЗ, Яр.); напастѣми укрепляя (ПМ, сту-
дийские списки) - искушенѣе вжиляя.

Норма книжных текстов диктовала регулярное воспроизведе-
ние языковых единиц по образцовому тексту (ПМ), однако ре-
ально списки каждого типа Минеи организуют лексическую си-
стему по собственным правилам: например, в списках раннего
иерусалимского типа употребляется всегда блазнь в соответст-
вии с лъсть (ПМ, студийские списки) или разумѣ в соответст-
вии с воля: идольскую лъсть попыра (ПМ, студийские списки) -

блазнь поплевалъ еси (Т. IIЗ, Яр.) - лъсть оплевалъ еси (Кирилло-Белозерский список) - (plápnĭ), то есть складывается внутритиповая лексическая система, маркирующая эти списки, причем связанная с другими уровнями языка: неразрывны, например, новые совершенные формы и лексическое варьирование: попыра - поплевалъ еси - оплевалъ еси. Лексическое варьирование опирается на общую понятийную основу 'выразить презрение'. Все три лексемы относятся к кругу книжных текстов: Остромирово Евангелие - ово паде при пути и попырано бысть; Минея сентябрьская 1096 г.: жьрьми кумиромъ глухомъ нечестивуму мчтлю повелевающю, поплывасте вы: вплища отроковица: оць; Остромирово Евангелие: поругаються ему... и оплюють и.

Выбор лексем при варьировании связан с кругом книжных текстов, а грамматическая оформленность - совершенный - отражает состояние морфологического строя в XIII-XIV вв., причем консерватизм грамматической нормы в книжных текстах довольно последовательно редакторами-переводчиками списков раннего иерусалимского типа преодолевается, то же - на фонетическом уровне.

В отношении нормы редакторы-переводчики ориентируются на тип текста - студийский - ранний иерусалимский - собственно иерусалимский, для списков каждого типа складываются свои внутренние правила, охватывающие все уровни языка и учитывающие текстовую организацию списков.

Минея как тип древнерусской книги включается в круг текстов, представляющих интерес для историков языка, несмотря на строгий характер текста и его относительную стабильность (10).

К Минее как к лингвистическому источнику вновь обратились в лексикографической практике: составители Словаря древнерусского языка XI-XIV вв. включили 23 служебные Минеи в список источников, среди них как традиционно используемые Минеи Ягича и ПМ, так и новые, например, две рассмотренные выше майские Минеи - Т. IIЗ (ранний иерусалимский тип) и Т. II2 (студийский тип).

ЛИТЕРАТУРА

1. Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М.: Наука, 1966. - С. 177-272.

2. Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095-1097 годов. СПб., 1886.

3. Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. - С. 6.

4. Минея Дубровского. Памятники древнерусского языка. Ред. В.В.Колесов и И.Х. Тот // *Dissertationes Slavicae* ХУП. Szeged 1985. - С. 101-156.

5. Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. I, Владимир, 1901. - С. 31.

6. Ягич И.В. Указ. соч. С. ХСУП.

7. Мулич М. К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных миней // Македонска академија на науките и уметности. Симпозиум 1100 годишнина од смрттана Кирил Солунски. Т. I. Скопје. 1970.- С.241-242.

8. Мурьянов М.Ф. Из наблюдений над структурой служебных миней // Проблемы структурной лингвистики 1978. М.: Наука. 1981. - С. 263-278.

9. Соколова М.А. К вопросу о церковнославянизмах // Вопросы теории и истории русского языка. Л., 1969. - С. 213-216.

10. Момина М.А. Проблемы изучения гимнографических книг // История русского литературного языка старшей поры: основные проблемы и перспективы исследования. Тезисы докладов на научно-координационной конференции, посвященной тысячелетию введения христианства на Руси, 988-1988. М., 1989. - С.74-76.

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 89б.
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.
Труды по русской и славянской филологии.
На русском языке.
Тартуский университет.
ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор М.А. Шелякин.
Подписано к печати 7.06.1990.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 8,46. Печатных листов 8,75.
Тираж 400.
Заказ № 411.
Цена 2 руб. 50 коп.
Типография ТУ, ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.